

Ю. И. Кирьянов

**Социально-политический
протест рабочих России в годы
Первой мировой войны
(июль 1914 — февраль 1917 гг.)**

**Москва
2005**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

Ю.И.КИРЬЯНОВ

**Социально-политический
протест рабочих России
в годы Первой мировой войны
(июль 1914 – февраль 1917 гг.)**

**Москва
2005**

Предлагаемая вниманию читателей монография покойного ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН доктора исторических наук Юрия Ильича Кирьянова была закончена им и утверждена к печати Ученым советом ИРИ РАН еще в 1991 г. В последние месяцы своей жизни, в конце 2002 г. автор вернулся к этой рукописи и внес в текст некоторые изменения, не коснувшиеся, однако, ни общей концепции работы, ни основного массива приведенного в ней фактического материала. В качестве приложений к настоящему изданию включены также одна из самых удачных статей Ю.И.Кирьянова о менталитете русских рабочих на рубеже XIX-XX в. и список основных работ Юрия Ильича.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С.В.Тютюкин

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX в. рабочее движение являлось своеобразным регулятором социальных отношений. При этом в одни периоды в решении возникавших между трудом, капиталом и властью проблем рабочие прибегали к мирным средствам (просьбы, требования без прекращения работы, петиции, переговоры представителей рабочих организаций с предпринимателями и властями, выступления в Думе рабочих депутатов), в другие — к открытым массовым выступлениям протеста (стачки, уличные митинги и демонстрации, разгромы магазинов и складов, столкновения с полицейскими и солдатами и т.п.), сопровождавшиеся обычно прекращением работ. При этом в России в силу ряда причин — экономической отсталости, плохих условий труда и низкого жизненного уровня, полицейского произвола, малочисленности рабочих организаций и т.д. открытые формы массовой борьбы и прежде всего стачка занимали особенно значительное место.

О стачечном движении российского пролетариата, которое считалось главной, определяющей частью рабочего движения в целом, в рассматриваемый период имеется огромная литература. Ее перечень занимает в указателях не один десяток печатных листов, она имеет не только собственную библиографию, но и свою историографию. Подобный достаточно односторонний интерес объяснялся несколькими причинами. Одна из них — это наличие официальной статистики только одной формы пролетарского движения — стачек. Но главная заключалась в стремлении не «разбавлять» стачечное движение «низшими» формами борьбы, например продовольственными волнениями, зачастую заканчивавшимися разгромом магазинов и складов, в стремлении нарисовать рабочее движение как бы изначально нацеленным на социалистическую революцию. Это приводило к тому, что оно характеризовалось в значительной мере по высшим своим проявлениям, главным из которых была стачка. Трудности и негативные стороны движения при этом сглаживались. Получался как бы двойной перекосяк, приводивший в конечном счете к деформированному изображению рабочего движения в целом, к схематизации и догматизации его истории.

Между тем методология исследования истории рабочего класса диктует рассмотрение трех его слоев — передового, среднего и низшего. Применительно к интересующей нас теме это означает, что необходимо изучение и передовых, организованных, и более примитивных, стихийных форм пролетарского протеста.

Характерно, что исследование стачечной борьбы велось во многих случаях в рамках обработки лишь официальной статистики фабричной инспекции и ряд вопросов, к сожалению, вообще не получил никакого освещения. Это касается прежде всего стачек, не учитывавшихся фабричной инспекцией отрядов непромышленных рабочих, составлявших 3/4 от общей численности рабочего класса страны. В результате оставались неясными общие масштабы стачечной борьбы в России, место и роль в ней отдельных профессиональных и региональных отрядов, городских и негородских рабочих. Практически не изучались совместные выступления рабочих различных предприятий и групповые, коллективные стачки, выступления солидарности. К этому следует добавить, что при обилии высказываний о политическом характере движения в годы войны имеется всего лишь одна специальная работа на эту важную тему¹. Существует большой разницей в методическом подходе к определению характера стачек, причем дело доходит до признания всех выступлений в период войны политическими, что размывает границы самого этого понятия. К этому следует добавить, что и в материалах фабричной инспекции под политическими стачками понимались не только классово-политические, но и патриотические выступления, например, стачки в связи с взятием русскими войсками Перемышля в марте 1915 г., которые заслуживают выделения в особую рубрику. Нередко чисто экономические стачки, начатые независимо от таких дат, как 9 января или 1 мая, но приходившиеся и на эти дни, зачислялись в политические.

Стачки, в том числе и политические, проходили во многих случаях не изолированно, а переплетаясь с собраниями, митингами, уличными демонстрациями, продовольственными выступлениями и т.п. Однако специальные исследования о нестачечных формах борьбы фактически отсутствуют. Вспомнить эти существенные пробелы и недочеты и призвана настоящая работа, привлекая для этого самые различные виды источников, включая многочисленные хроники рабочего движения, подготовленные отдельными исследователями или целыми авторскими коллективами².

К сказанному следует добавить, что создание банка данных о различных формах борьбы рабочих в годы Первой мировой войны позволяет вернуться — уже на новой основе — к решению вопроса о том, какова была роль тех или иных социальных, экономических, политических, а также культурных факторов в активизации (или торможении) рабочего движения, которое привело в конечном счете к Февральской революции 1917 г. Какова была, например, при этом роль изменений в составе рабочих, деятельности различных политических партий, профсоюзов, предпринимательских организаций, а также дороговизны, отставания зарплаты от уровня цен на предметы первой необходимости, отсутствия продуктов и т.д. Все эти вопросы поставлены, но ответы на них в предшествовавшей литературе давались неоднозначные и главное — слабо аргументированные.

Кратко нужно сказать о главном «действующем лице» этой работы — рабочем классе, содержании и границах этого понятия. Современными специалистами в это понятие включаются такие отряды промышленных и непромышленных наемных рабочих, как фабрично-заводские, горнозаводские (рабочие металлургических заводов, выплавлявших сталь и чугун), горнодобывающие (рабочие, занятые добычей угля, железной руды, цветных металлов, марганца, торфа)*, рабочие казенных предприятий, рабочие железнодорожного и водного транспорта, рабочие коммунального хозяйства, строители, рабочие мелких, ремесленно-кустарных заведений, рабочие промыслов (рыбных и др.), сельскохозяйственные рабочие, рабочие торговых заведений (без служащих и приказчиков). Все они составляли ту часть наемной армии труда, которая была занята изготовлением материальных ценностей и доставкой их потребителю. Не относятся к рабочему классу домашняя прислуга, приказчики торговых заведений (хотя в литературе они нередко назывались «пролетариями прилавка»), обслуживающий персонал гостиниц, официанты, фотографы, легковые извозчики. То же можно сказать об учителях, среднем медицинском персонале, низших служащих железных дорог, почты, телеграфе.

В обрабатывающей промышленности (текстильной, пищевой, машиностроительной, деревообрабатывающей, химической и др.) было занято в 1913 г. 2467 тыс. рабочих (14,7%), в горнодобывающей (добыча каменного угля, нефти,

* С 1908 г. нефтяники были включены в группу фабрично-заводских рабочих.

руды, золота) и горнозаводской (черная и цветная металлургия) — 647,7 тыс. (3,9%), на транспорте — около 0,9 млн (5,4%), в мелкой промышленности — 3 млн (17,9%), строительстве — 1,5 млн (8,9%), сельском хозяйстве — 5 млн (2,8%), чернорабочих было 2,85 млн (17%), торговле — 0,45 млн (2,4%). Общий итог составляет 16,8 млн чел.³

Источниковая база настоящей работы вполне достаточна и надежна. О стачечном движении имеются материалы фабричной и горной инспекции, хранящиеся в РГИА в С.-Петербурге в виде помесечных отчетов (они опубликованы)⁴. При этом, если материалы о фабрично-заводских рабочих концентрируются прежде всего в фондах фабричной инспекции, то сведения о горнозаводских, горнодобывающих, транспортных и особенно непромышленных рабочих имеют несравненно меньшую концентрацию, а нередко и специфику хранения.

Кроме материалов фабричной инспекции и горного надзора, важным (а иногда и уникальным) источником сведений о различных формах социального протеста рабочих являются полицейские документы. Здесь прежде всего следует назвать документы губернских жандармских управлений и охранных отделений, отложившиеся как в областных и республиканских, так и в центральных архивах. Подробный обзор документов об основных формах массовой борьбы рабочих в России в 1895-1917 гг. сделан нами в специальной работе⁵.

Особенно следует выделить погубернские материалы 4-го делопроизводства Департамента полиции МВД, хранящиеся в ГА РФ. Они имеют тематическую группировку «Рабочее движение» (часть 2) и «Митинги, демонстрации, массовые волнения» (часть 3). Кроме того, здесь же в деле 108 отложились ежегодные погубернские отчеты о настроении населения. В ГА РФ имеются также фонды жандармских управлений железных дорог, содержащие сведения о стачках в паровозных и вагонных мастерских.

Несомненный интерес представляют фонды Особого совещания по обороне государства и его местных органов, хранящиеся в РГВИА (Ф. 369) и в областных и городских архивах. Особое совещание и местные его органы собирали информацию о рабочем движении с лета 1915 г. на наиболее крупных предприятиях, а с марта 1916 г. — на всех предприятиях, обслуживавших оборону страны. Этот источник за 1916 г. содержал оригинальные сведения о предприятиях, которые не обслуживались фабричной и горной инспекцией или по каким-то мотивам выпадали из поля ее зрения. Этот

же источник позволяет сказать, насколько активно принимали участие в стачечном движении рабочие, занятые на оборонных предприятиях, по сравнению с рабочими других фабрик и заводов. Его материалы содержат и сведения о применении оружия против рабочих и некоторые другие.

Нельзя не отметить также попытки рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета разрабатывать данные о стачечном движении. Следы этого сохранились в ряде архивов⁶.

В материалах судебных органов отложились документы в основном о наиболее крупных стачках, обычно заканчивавшихся вызовом солдат и применением против участников огнестрельного оружия. Они хранятся как в центральных (ГА РФ и РГИА), так и в областных архивах. Выступления, заканчивавшиеся столкновением рабочих с солдатами, нашли также отражение в материалах военных округов. Эти документы находятся в РГВИА.

Значительные подборки копий документов, а также мемуаров хранятся в фондах Истпрофов и Государственного издательства «История фабрик и заводов» в ГАРФ. Фонды истпрофов представляют особый интерес потому, что концентрируют материалы не только о промышленных рабочих, подведомственных фабрично-заводской инспекции⁷, но и о других отрядах рабочего класса, включая непромышленных рабочих⁸.

В республиканских, областных и городских архивах документы о различных формах рабочего движения отложились в фондах канцелярий фабричных инспекторов (в том числе и окружных), горных управлений, губернаторов, губернских жандармских управлений, охранных отделений.

В связи с характеристикой настроений рабочих и отдельных их выступлений, важное значение имеет переписка участников рабочего движения и иных лиц, отложившаяся в фондах «Перлюстрации» и «Вещественные доказательства» ДП МВД — в ГА РФ.

Для характеристики политических форм борьбы важное значение имеет фонд Петроградского военно-цензурного комитета. В «Альбоме исключений» этого фонда, хранящегося в РГИА в С.-Петербурге, отложились не пропущенные цензурой корреспонденции о демонстрациях и других выступлениях в столице и Москве в январе-феврале 1917 г.⁹ Содержавшаяся в них информация шире и более всесторонне представляет политические выступления рабочих, чем это делалось в полицейских источниках.

Нельзя не указать также на некоторые личные фонды ГА РФ — товарища министра внутренних дел В.Ф.Джунковского (Ф. 826), председателя Центрального Военно-промышленного комитета, А.И.Гучкова (Ф. 555), видного политического деятеля историка П.Н.Милюкова (Ф. 579), премьер-министра Б.В.Штюрмера (Ф. 627) и др., в которых отложились разнообразные документы, характеризующие рабочее движение в годы войны.

При подготовке настоящей монографии автор проработал названные фонды центральных архивов — ГА РФ в Москве и РГИА в С.-Петербурге, ЦГИА в Киеве и Минске, а также некоторых областных и городских архивов (Ростовского, Владимирского, Московского, г. Москвы). К этому добавим, что использованы все известные хроники рабочего и социал-демократического движения и периодическая печать различных направлений за 1914-1917 гг.

Легальная пресса периода войны обычно не касалась рабочего движения, так как эта тема была под запретом. Исключения были немногочисленными¹⁰. Нелегальная же печать имела очень небольшие возможности для сколько-нибудь подробного освещения рабочего движения на местах¹¹.

Говоря об источниках, следует указать на небольшие шевистские издания, сведения которых практически не использовались ни в публикациях документов, ни в литературе. Между тем таких изданий было немало и содержащийся в них материал представляет несомненный интерес для решения некоторых поставленных в историографии вопросов (характер выступлений, роль в них партийных организаций различных политических направлений и др.). В этой связи можно указать на газету «Вперед» — орган Петербургского междурайонного комитета объединенных с.-д. (№ 1, 13 декабря 1915 г.), газету «Призыв» — объединенный орган социал-демократов и социалистов-революционеров (№ 5, 30 октября 1915 г.), газету «Известия Заграничного секретариата ОК РСДРП» — заграничный орган меньшевиков-интернационалистов и др.

Ценным источником являются прокламации революционных партий и мемуары участников рабочего движения, особенно вышедшие в свет вскоре после события 1914-1917 гг.¹² Некоторые же из них до сих пор являются достоянием лишь архивистов (они хранятся как в специальных фондах мемуаров, так и в фондах истпрофов и некоторых других центральных и местных архивов).

- ¹ См.: *Уткин А.И.* Ленинская партия во главе революционной борьбы рабочего класса России (июнь 1907 – февраль 1917 г.). М., 1985.
- ² К настоящему времени опубликовано уже немало общероссийских и локальных хроник революционного и рабочего движения. См.: *Авдеев Н.* Революция 1917 г. (хроника событий). Т. 1. (Янв.- апр.). М.; Пг., 1923; *Воинова К.* Рабочее движение в Москве в 1914-1917 гг. (неизданные архивные документы // Пролетарская революция. 1923. № 2 (14); Хроника рабочего движения на Урале в годы войны (1914-1916 гг.) // Рабочее движение в годы войны и революции. В док. и мат. Т. 1. Свердловск, 1927; *Беленький С., Манвелов А.* Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). Баку, Истпарт. 1927; *Шаханов Н.* 1917 г. во Владимирской губ. Хроника событий. Владимир, 1927; *Дианова М.К. и Экземлярский П.М.* 1917-й год в Иваново-Вознесенском районе (хроника). Иваново-Вознесенск, 1927; 1917 год в Москве. М., 1957; Хроника стачечного движения в Петрограде в период с апреля 1912 по февраль 1917 г. // Рабочее движение в Петрограде в 1912-1917 гг.: Док. и мат. Л., 1958. С. 553-608; У истоков коммунистической партии Казахстана: Летопись важнейших событий. Ч. 1. Конец XIX в. – февраль 1917. Алма-Ата, 1966; Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане: летопись событий. Ч. 1. 1903 – февраль 1917. Ташкент, 1971; Стаечная борьба рабочих Сибири в период империализма: Хроника. Статистика. Историография. Томск, 1978; Летопись борьбы и побед: хроника революционной борьбы на Дону. 1875-1920. Ростов н/Д, 1984; Хроника революционного рабочего движения на Украине. 1900-1917 гг. Справочник. Киев, 1987; Стачки в России в 1914 – феврале 1917 г. Хроника / Сост. Г.Г.Касаров. М., 1989; Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: в 3-х тт. Томск, 1991 и др.
- ³ См.: *Иванова Н.А.* Структура рабочего класса России 1910-1914 гг. М., 1987. С. 41, 44, 46.
- ⁴ Рабочее движение в годы войны / Сост. Флеер М.Г. М.; Л., 1925; Стаечное движение рабочих России в годы Первой мировой войны. Материалы официальной статистики за август 1914 – январь 1917 гг. В 4-х частях. М., 1986-1989.
- ⁵ См.: *Додонов Б.Ф., Кирьянов Ю.И.* Обзор архивных источников об основных формах массового рабочего движения в России (1895 – февраль 1917 гг.). Методическое пособие для составителей «Хроники рабочего и социал-демократического движения». М., 1990.
- ⁶ См.: Записку ЦВПК «Некоторые соображения о современном рабочем движении и некоторых мерах к его урегулированию» // РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 6. Л. 114-А и 114-Б. Имеются сведения о том, что, по подсчетам членов рабочей группы ЦВПК, рабочее движение второй половины октября 1916 г. захватило

- свыше ста тысяч петроградских рабочих (ГА РФ. Ф. 892 (министр иностранных дел А.А.Гирс). Оп. 1. Д. 69. Л. 8 об.).
- 7 См. фонды исппрофов: металлистов (Ф. 6860), текстильщиков (Ф. 6868), швейников (Ф. 6869), печатников (Ф. 6864), кожевников (Ф. 6866), деревообделочников (Ф. 6874), химиков (Ф. 6876), бумажников (Ф. 6877), рабочих сахарной промышленности (Ф. 7051).
- 8 См. фонды исппрофов: горнорабочих (Ф. 6870), железнодорожников (Ф. 6865), водников (Ф. 6863), работников связи (Ф. 6871), рабочих народного питания (Ф. 6861), коммунального хозяйства (Ф. 6867), местной промышленности (Ф. 6888).
- 9 Частично материалы этого фонда по интересующему нас периоду были использованы ранее М.С.Балабановым в книге «От 1905 к 1917 г.» М., 1927. С. 427-429 и др.
- 10 Так, в «Известиях заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района» приводились сведения о забастовках на фабриках и заводах предпринимателей — членов общества в июле 1914 г. и в сентябре — октябре 1915 г. Касались этой темы и «Известия Центрального военно-промышленного комитета», особенно в связи с поддержкой рабочей группой ЦВПК Государственной думы. Рабочего движения касались также следующие издания: «Наш голос» (Самара, 1915-1916 гг.), «Голос труда» (Самара, 1916 г.), «Дело» (Москва, 1916-1917 гг.), «Начало» (Харьков, 1916). Перепечатки текстов из этих газет отложились также в фондах исппрофов (см.: ГА РФ. Ф. 6874. Оп. 1. Д. 92; Ф. 6864. Оп. 1. Д. 116; Ф. 6935. Оп. 5. Д. 138-А; Ф. 6935. Оп. 5. Д. 148).
- 11 Здесь следует назвать большевистский «Социал-демократ», издававшийся за рубежом, «Осведомительный листок» Бюро ЦК РСДРП (тексты № 1 и 2 за январь и февраль 1917 г. частично опубликованы в сб. «Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917». [М.], 1939), «Пролетарский голос», издававшийся в Петрограде (№ 1-4 за 1914-1916 гг. опубликованы в «Красной летописи». 1924. № 1 (10). С. 133-166) и др.
- 12 См.: Пятая годовщина Октябрьской революции. Екатеринослав, 1922; Пять лет. Таганрог, 1922; Октябрьская революция. Первое пятилетие. Харьков, 1923; *Арский Р.* В Петрограде во время войны // Красная летопись. 1923. № 7; Борьба за Советы на Екатеринославщине. Днепропетровск, 1927; Борьба за Октябрь на Артемовщине. Артемовск, 1929; *Каюров Р.Н.* Петроградские рабочие в годы империалистической войны. М., 1930 и др.

Глава 1.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАЧЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Стачка — это прекращение работы с предъявлением тех или иных требований, а также в знак солидарности с другими группами рабочих или протеста против действий властей. По своему характеру они бывают экономическими и политическими. В ходе экономических стачек рабочими выдвигались требования повышения заработной платы, сокращения рабочего времени или улучшения условий их труда и быта, а также выражалась солидарность с товарищами, бастовавшими на экономической почве на других предприятиях. «Мы понимаем везде под экономической борьбой (согласно установившемуся у нас словопотреблению) ту “практически экономическую борьбу”, которую Энгельс назвал... “сопротивлением капиталистам” и которая в свободных странах называется профессиональной, синдикальной или тредьюнионистской борьбой», — отмечал В.И. Ленин¹. В политических стачках требования предъявлялись рабочими не отдельному предпринимателю, а правительству и касались изменения существующих в стране порядков. Производились они и в знак протеста против каких-либо конкретных действий властей (арест рабочих вожakov, применение против рабочих насилия и т.д.), или в знак солидарности на почве классовых интересов пролетариата (празднование 1 Мая и т.д.).

Несмотря на то, что изучение стачечного движения имеет давнюю традицию, мы до сих пор не имеем достаточно полного представления о количестве стачек и стачечников на территории всей страны и его динамике, роли различных профессиональных и региональных отрядов пролетариата на различных этапах борьбы, выступлениях непромышленных (транспортных, строительных, сельскохозяйственных) рабочих и т.д. Необходимо также особо выделить в качестве предмета самостоятельного изучения политические стачки, оказывавшие большое влияние на ситуацию в стране.

До начала Первой мировой войны данные о стачках собирались, публиковались и анализировались фабричной (и горной) инспекцией Министерства торговли и промышленности. В годы войны, по крайней мере с 1916 г., учетом стачек стали заниматься Особое совещание по обороне государства. Департамент полиции МВД, а также рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета и некоторые региональные общества фабрикантов и заводчиков, например Петроградское, Московское, горнопромышленников Юга России. Что касается легальной и нелегальной печати, то ее информация по этому вопросу носила сугубо отрывочный и локальный характер.

С 1914 г. в официальном учете сведений о стачках в России был сделан дальнейший шаг вперед: стали фиксироваться выступления рабочих предприятий не только так называемой фабрично-заводской промышленности (обрабатывающей, а также переданной с 1908 г. под надзор фабричной инспекции нефтедобывающей), но и горнозаводской (металлургической) и горной промышленности. Заметим, что количество стачечников в горнозаводской и горной промышленности, по официальным данным, в 1915 г. составляло 17,6 тыс., а в 1916 г. — 76,9 тыс. чел., т.е. соответственно 3% и 7% общего количества зафиксированных правительственными органами участников забастовочного движения. При этом надзор фабричной инспекции распространился на всю территорию России, включая Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан и некоторые губернии Кавказа, ранее оставшиеся вне надзора*. Правда, по-прежнему не учитывались стачки рабочих железнодорожного, водного и городского транспорта, коммунального хозяйства, строительства, сельского хозяйства, мелкой промышленности, а также сферы услуг. К этому следует добавить рабочих казенных предприятий, находившихся под контролем военного и морского ведомств.

* Согласно закону 7 июня 1913 г., деятельность фабричной инспекции была распространена на все губернии Сибири, Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Как отмечалось в «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1914 г.», надзор фабричной инспекции в полном объеме распространялся в отчетном году на губернии Елисаветпольскую и Эриванскую, а также на Дагестанскую область, что дало в общей сложности увеличение числа поднадзорных инспекции предприятий на 110 с 4524 рабочими (Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 г. Пг., 1915. С. XVI).

Согласно имеющимся в литературе подсчетам, в 1913 г. численность рабочих, не находившихся под надзором фабричной и горной инспекции, была следующей: на казенных военных заводах — 222 тыс. чел., на железнодорожном и водном транспорте — 824 (по другим данным, 891) тыс., в строительстве — 1500 тыс.; в сельском хозяйстве — 6500 (5000) тыс., занятых в лесном деле и «черной» работой в индустриальных центрах — 3300 тыс. в мелкой промышленности, в том числе занятых на дому, — 3000 тыс., занятых в торговле — 450 тыс. Общая численность всех рабочих достигала, таким образом, 18238,9 тыс., а по другим подсчетам, — 16806,3 тыс. чел.)². Данные о стачках этих категорий рабочих правительственной инспекцией специально не собирались, хотя в архивных документах можно найти следы учета отдельных выступлений такого рода³.

Однако в 1914 г. возникли и трудности с учетом сведений о стачках, связанные прежде всего с начавшейся 19 июля (1 августа) Первой мировой войной. Материалы фабричной инспекции за 1914 и последующие годы вследствие развернувшихся военных действий не учитывали сведения по губерниям Варшавского фабричного округа (Варшавская, Виленская, Гродненская, Калишская, Ковенская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувалкская и Холмская губ.). К началу 1914 г. здесь насчитывалось 4189 предприятий с 353433 рабочими⁴ и в 1913 г. — накануне войны — произошла 561 стачка с участием 111888 рабочих⁵. К этому следует добавить, что в условиях военного времени упомянутый выше закон от 7 июня 1913 г. действовал малоэффективно: на «новых» территориях учет стачек проводился далеко не везде и не всегда.

Официальные материалы о стачках в России в рассматриваемый период вскоре после Октябрьской революции 1917 г. появились в печати: годовые данные — в публикации К.Н.Яковлевой⁶, помесечные — в публикациях С.Вознесенского и некоторых других авторов⁷. Помесечные и погубернские данные в виде таблиц были опубликованы в «Статистическом сборнике за 1913-1917 гг.»⁸ и в виде перечня стачек — в специальных изданиях⁹.

«Статистический сборник» базировался на данных, «почерпнутых, главным образом, из официальных изданий бывшего Министерства торговли и промышленности, отчасти из неопубликованных материалов, собранных тем же ведомством». Как отмечалось в этом сборнике, при составлении таблиц о стачечном движении были использованы «Сводные отчеты фабричных инспекторов» за 1913, 1914 и 1915 гг. (за последний год — по корректурному оттиску). Данные о стачках за 1916 г. были взяты из «ежемесячных сводок, составлявшихся в Министерстве торговли и промышленности по сведениям, обобщаемым фабричным надзором»¹⁰. Сведения за 1916 г. были собраны и разработаны по более сокращенной программе, чем за предшествующие годы. В территориальном отношении данные за 1913 г. охватывали Европейскую Россию, включая Кавказ и 9 губерний Королевства Польского, входившего в состав России. Начиная с 1914 г., в связи с военными событиями, отпали данные по 10 привислинским губерниям (бывший Варшавский фабричный округ)*. В 1915 г. впервые появились данные по Азиатской России¹¹ (правда, в 1916 г. они вновь исчезли). Однако данные по Азиатской России за 1915 г. практически значения не имели, т.к. были явно неполными (4 стачки с 248 участниками). Что касается добывающей промышленности, то «Статистический сборник» учитывал сведения лишь по Бакинской губ., т.е. стачки на нефтедобывающих предприятиях, которые еще в 1908 г. вошли в сферу наблюдения фабричной инспекции. Стачки же на угольных шахтах, железорудных и марганцевых рудниках и золотых приисках оставались по-прежнему вне учета.

Публикации «Рабочее движение в годы войны» (1925) и «Стачечное движение рабочих России в годы Первой мировой войны. Материалы официальной статистики за август 1914 — январь 1917 г.» гораздо богаче, особенно последнее издание. В них приведены, в частности, выступления на некоторых предприятиях Варшавского фабричного округа: во второй половине 1914 — первой половине 1915 г. учтены

* В данном случае говорится о 10 привислинских губерниях, входивших в Варшавский фабричный округ (вероятно, без Виленской, Ковенской и Гродненской губ.).

стачки в Варшавской, Виденской, Гродненской и Холмской губ. Более полно представлены стачки в Сибири. Имеются сведения о стачках рабочих горнодобывающей промышленности, включая добычу каменного угля, железной руды, золота, а не только нефти.

Следует, однако, заметить, что публикации «Рабочее движение в годы войны» (составитель М.Г.Флеер) присущи ее определенные недостатки. М.Г.Флеер опускает имевшееся в ведомостях данные о продолжительности борьбы. Кроме того, он произвольно меняет рубрикации забастовок: так, если в первоисточнике фигурировали «забастовки политического и неэкономического характера», то Флеер опускает вторую часть названия данной рубрики и стачки неэкономического характера по поводу выдачи новых расчетных книжек или с требованием удаления мастеров и представителей администрации зачисляет в политические. К этому следует добавить, что официальная статистика относила к числу политических и прекращение работ в связи с участием в патриотических манифестациях по случаю взятия русскими войсками Перемышля (март 1915 г.), стачки в знак протеста против удаления администрацией с территории предприятия сборщиков средств в пользу Красного Креста и т.п.¹², которые не являлись классово-политическими выступлениями рабочих.

В годы войны учетом стачек на предприятиях, изготавливавших продукцию на военные нужды, стало заниматься Особое совещание по обороне государства. Его данные были опубликованы в 1925 г., в сб. «Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах)»¹³ и за 1914-1915 гг. мало чем отличались от показателей фабричной и горной инспекции. Но за 1916 г. они уже существенно расходились с данными фабричной и горной инспекции.

Следует сказать еще об одном источнике сведений о стачках. 8 мая 1916 г. начальникам губернских и областных жандармских управлений и охранных отделений был разослан за подписью директора Департамента полиции МВД циркуляр следующего содержания: «Для выяснения степени важности забастовочных движений, возникающих в разных местностях империи, для Департамента полиции представляется необходимым точно установить факт, выполняют ли

фабрики, заводы и другие торгово-промышленные предприятия, где возникают забастовки, заказы для целей военной обороны. Вследствие сего Департамент полиции просит ... как в сообщениях по телеграфу, так и по почте неукоснительно прояснять, работает ли данное предприятие на военную оборону или нет»¹⁴. Департамент полиции собрал соответствующие погубернские данные за март-декабрь 1916 г. и за январь 1917 г.¹⁵, которые опубликованы¹⁶. Хотя эти данные не должны были касаться всех выступлений, они тем не менее учли некоторые стачки, которые не были зафиксированы фабричной и горной инспекцией (например, в Пермской губ. и в Финляндии).

Если мы теперь попытаемся сопоставить показатели различных официальных источников о числе стачек и количестве их участников (см. табл. 1 и 2), то можно будет сделать следующие заключения. И по числу учтенных стачек, и по количеству их участников первенство остается за суммарными данными фабричной и горной инспекции. Это характерно для всех месяцев рассматриваемого военного периода (за небольшим исключением). Материалы фабричной инспекции (данные «Статистического сборника»), естественно, уступают указанному выше сводному источнику. Данные Особого совещания по обороне государства (за 1916 г.) занимают в ряде случаев как бы промежуточное положение между показателями фабричной инспекции и фабричной и горной инспекции, но это наблюдается не всегда: за июль, сентябрь-декабрь они ниже, а за август — выше, чем по другим источникам. Данные о количестве стачечников за декабрь 1916 г. резко расходятся с показателями других источников (почти в 4 раза ниже), что подрывает к ним доверие. Что же касается данных о числе стачек и количестве их участников, собиравшихся ДП МВД и касавшихся фабрик, заводов и других торгово-промышленных предприятий, обслуживавших нужды обороны, то они, как правило, уступают показателям фабричной и горной инспекции, но для второй половины 1916 г. выше, чем данные Особого совещания. Заслуживают внимания данные ДП МВД за декабрь 1916 г.: они выше показателей и Особого совещания, и фабричной и горной инспекции. Департамент полиции по сравнению с

фабричной и горной инспекциями отмечает — при меньшем числе зафиксированных стачек (46 и 60) — заметно большее количество их участников (примерно на 11%).

Поскольку данные фабричной и горной инспекции за январь и февраль 1917 г. отсутствуют, а данные Особого совещания по обороне за декабрь 1916 г. страдают неполнотой, представляют интерес сведения о стачках за указанное время, отложившиеся в материалах Министерства труда Временного правительства¹⁷ (см. прил. 3, табл. 3).

Из приведенных данных видно, что и для рассматриваемого времени наиболее представительную основу официальных сведений о стачках составляли показатели фабричной и горной инспекций. Данные Министерства труда Временного правительства фактически воспроизводили данные фабричной инспекции (без данных горной инспекции). Данные ДП МВД и Особого совещания по обороне государства являлись оригинальными (об этом свидетельствует и наличие в материалах ДП сведений по Финляндии, которые отсутствуют в других источниках). Но если данные первого источника близки к данным фабричной (или фабричной и горной) инспекции, а за январь 1917 г. даже их превосходят (44,7 тыс. и 41,0 тыс.), то данные Особого совещания по обороне государства уступают показателям фабричного и горного надзора, причем за декабрь 1916 г. в несколько раз. Данные же фабричной и горной инспекции свидетельствуют о том, что с декабря 1916 г. стачечная волна неуклонно идет вверх и в январе и феврале 1917 г. достигает апогея: никогда в годы войны количество стачечников не достигало такой величины (244 тыс. и 432 тыс.).

Таковы официальные источники о стачках в годы Первой мировой войны, характеристика и оценка их показателей. Но, как уже отмечалось, эти данные не являлись исчерпывающими. В последние два — три десятилетия было опубликовано довольно большое число исследований, посвященных стачечному движению в годы войны в отдельных регионах. Сведения о числе стачек и количестве их участников приводились в них на основе составленных авторами хроник, базирующихся на данных разнообразных архивных документов (или их публикаций) — фабричной и горной инспекции, жандармерии и

полицейские управления железных дорог), местных властей, администрации предприятий, Особого совещания по обороне государства, а также рабочей нелегальной печати. Следует заметить, что эти источники не всегда содержат широкий набор показателей о стачках, но обычно такой важный показатель стачечного движения, как количество участников, фиксируется.

Региональных подсчетов накопилось уже достаточно много. К настоящему времени они имеются по Петрограду, Центральному промышленному району (10 губ.), Центральному черноземному району (5 губ.), Северному Кавказу (2 губ. и 3 обл.), Уралу (4 губ.), Сибири, Украине (9 губ.), Екатеринославской, Херсонской и Бессарабской губерниям, Белоруссии (3 губ.)¹⁸. Но следует указать и на существенные пробелы – отсутствие таких данных по ряду губерний Северо-Западного региона, Дону, Прибалтике, Закавказью, Средней Азии и Казахстану.

По Екатеринославской губ., где было значительное число металлургических заводов, угольных шахт, марганцевых рудников и т.д., результаты подсчетов данных хроник превышают официальные показатели в 2-4 раза. Украина, включавшая часть Южного горнозаводского района, дала превышение количества стачечников в 2-3 раза. По Сибири и Северному Кавказу, а также Грузии, где имелаась горная промышленность и где инспекция во многих местах лишь с 1914 г. приступила к учету сведений о выступлениях рабочих, показатели хроник были больше официальных в несколько раз.

В ЦПР (10 губ.) превышение было на 46,5% (1916 г.), в ЦЧР (5 губ.) – на 96% (1916 г.). По Петрограду оно составило в 1915 г. 29%, в 1916 г. 56%¹⁹. Подсчеты данных хроник стачечного движения корректируют сложившееся на основании данных фабричной и горной инспекций представление о размахе, масштабах и развитии борьбы. Так, официальные данные указывают на уменьшение количества стачечников в 1916 г. – по сравнению с 1915 г. – во Владимирской, Калужской, Тульской губ. Подсчеты данных хроник говорят о том, что падения количества стачечников в этих губерниях в рассматриваемое время не было²⁰.

Кроме того, я использовал собственные подсчеты (Екатеринославская губ., область Войска Донского, Прибалтика, Северо-Запад, Закавказье, Средняя Азия, Финляндия, Царство Польское) данные специальных «хроник» (Украина, Сибирь, Бессарабская губ.) и подсчеты других исследователей (Петроград, ЦПР, ЦЧР, Урал, Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Белоруссия), причем в последнем случае предпочтение отдавалось наиболее взвешенным показателям, исключавшим безусловно завышенные данные нелегальной революционной печати. Определенным подспорьем при этом являлось издание «Стачки в России в 1914 — феврале 1917 г. Хроника» (составитель Г.Г.Касаров. М., 1989), где, однако, имеются и пробелы, и завышенные данные, и неточности.

Данные по регионам, опирающиеся на мои самостоятельные подсчеты, а также на подсчеты ряда других авторов (с предварительной оценкой репрезентативности используемых показателей) представлены в табл. 4). Из нее видно, что число стачек в период с 19 июля по 31 декабря 1914 г. было равно 170 (в 149 из них было известно количество участников), в 1915 г. — 1928 (1854), в 1916 г. — 2417 (2292), в январе — 22 февраля 1917 г. — 718 (698). Данные фабричной и горной инспекции за июль — декабрь 1914 г., 1915 и 1916 г. составляют лишь от 40 до 64% от данных, полученных историками.

Число стачек в 1915 г. по сравнению в военный период 1914 г. увеличилось в 11 раз, а в 1916 г. по сравнению с 1915 г. — на 25,4% (соответствующие официальные показатели в 15 раз и на 45%).

Основной показатель забастовочного движения — количество участников — изменялся, по данным хроник, следующим образом: 19 июля — 31 декабря 1914 г. — 86,7 тыс., 1915 г. — 862 тыс., 1916 г. — 1558,4 тыс., январь — февраль 1917 г. — 548,3 тыс. Соответствующий ряд официальных данных таков: 34,7 тыс. (август — декабрь 1914 г.), 569,2 тыс., 1172,1 тыс. и 676,3 тыс. Данные хроник превышают показатели фабричной и горной инспекции в рассматриваемый период 1914 г. на 60%, в 1915 г. — на 34% и в 1916 г. — на 25%. Количества стачечников, по данным хроник, в 1915 г. по сравнению с военным периодом 1914 г. увеличилось в 10 раз, в 1916 г. по срав-

нению с 1915 г. — на 80% (соответствующие официальные показатели — в 16 раз и на 106%).

Перейдем теперь к региональным данным и их оценке. Хорошо известна выдающаяся роль рабочих Петрограда в общероссийском стачечном движении предвоенного времени. В рассматриваемый период она становится еще более значительной. На долю Петрограда в рассматриваемый период (за исключением 1915 г.) приходилось около трети стачек и от трети до половины стачечников, зарегистрированных в России. Вторым по масштабам стачечного движения в период войны предстает ЦПР. Его сердцевиной была Москва и Московская губ. Доля стачек в ЦПР составляла в рассматриваемые периоды от 20 до 50% их общего количества по России, причем пик движения приходился на 1915 г., а доля стачечников доходила до двух третей в 1915 г. и до трети в 1916 — начале 1917 г. ЦПР представлял собой в основном текстильный регион с относительно низкими зарплатами рабочих. Рабочие региона ранее других ощутили в те годы рост цен и падение реальной заработной платы, что и вызвало широкую волну забастовок на экономической почве уже весной 1915 г. Добрая половина стачечников ЦПР приходилась на Московскую губ.

Вслед за Петроградом и ЦПР по количеству стачечников шла Украина (9 губерний). Здесь доля стачечников в 1915 г. составляла более 5% (48,1 тыс.), а в 1916 г. — более 12% (193,2 тыс.) всех бастовавших в России рабочих. В январе-феврале 1917 г. стачками на Украине было охвачено 42,1 тыс. рабочих.

Значительным было движение и в той части Южного промышленного района, которая приходилась на область Войска Донского (1915 г. — 22,4 тыс., 1916 г. — 44,6 тыс., январь — февраль 1917 г. — 4,3 тыс. рабочих)²¹.

В других регионах стачечное движение оставалось слабым. На Урале количество участников стачек в 1915 г., 1916 и январе — феврале 1917 гг. составляло лишь 1-3% от общероссийского, причем в этом регионе, как и в ЦПР, больше всего стачечников было не в 1916 г., а в 1915 г. Примерно на таком же уровне (правда, с тенденцией к росту в 1916 г. по сравнению с 1915 г.) находилось движение в 5 губерниях Среднего и Нижнего Поволжья (1915 г. — 10,2 тыс., 1916 г. —

38,9 тыс.), на Северном Кавказе (соответственно 5,4 тыс. и 20,6 тыс.), в Сибири (8,7 тыс. и 19,3 тыс.).

В Прибалтике все движение сосредоточилось в двух центрах — Риге и Ревеле. В Закавказье за счет Бакинской губ. стачечное движение стремительно набирало силу: июль — декабрь 1914 г. — 0,1 тыс.; 1915 г. — 3,9 тыс., 1916 г. — 16,4 тыс. и январь — февраль 1917 г. — 23,2 тыс. забастовщиков. Это был единственный в своем роде регион, где количество стачечников за два первых месяца 1917 г. превысило соответствующий показатель за все предшествующие военные годы.

Закончим раздел сопоставлением числа стачек и количества стачечников накануне двух демократических революций в России — за периоды 1901-1904 гг. и 19 июля 1914 — февраля 1917 гг. Общее количество стачечников в 1914 — феврале 1917 гг. достигло 3 млн человек и превзошло уровень 1901-1904 гг. в шесть раз. Существенно изменилась и география стачечного движения. Если накануне 1905 г. Петербург и ЦПР по количеству стачечников уступали первенство таким регионам, как Украина и Закавказье, то в годы мировой войны положение стало принципиально иным. По размаху стачечного движения с Петроградской и Московской губ. не мог сравниться никакой другой регион (соответственно 34 и 18% от общероссийского уровня), тогда как вышедшая на 3-е место Украина дала лишь около 10%, хотя и здесь количество стачечников по сравнению с кануном 1905 г. увеличилось почти в 2,5 раза. Другие же регионы по количеству стачечников были на уровне 0,2-3,2%. Это относится к Уралу и Приуралью, ЦЧР, Среднему и Нижнему Поволжью, Дону, Северному Кавказу, Сибири и Дальнему Востоку, Прибалтике. Царство Польское, Белоруссия, Бессарабская губ., Средняя Азия и Казахстан, а также Финляндия дали за весь период войны лишь от 3 до 10 тыс. стачечников, что в определенной мере объяснялось близостью некоторых из этих регионов к линии фронта.

Несмотря на то, что в ряде регионов в 1915-1916 гг. прошли крупные, в том числе групповые стачки (в Иваново-Вознесенске в августе 1915 г., на заводе «Наваль» в Николаеве в январе 1916 г., в Горловско-Щербинском районе Донбасса в апреле — мае 1916 г., в Луганске в июле 1916 г., в

Саратовской губ. в сентябре 1915 г. и в апреле 1916 г.), петроградские большевики не без основания констатировали в конце 1916 г., что «провинциальное рабочее движение носит зачаточный характер»²². Однако было бы неправильно сбрасывать со счета рабочее движение за пределами двух столиц. Начальник Петроградского охранного отделения 7 февраля 1916 г. отмечал, что подполье находило необходимым и возможным «использовать настоящее движение рабочих», учитывая наличие благоприятной почвы, в частности «слуха, распространявшегося среди рабочего люда столицы, о забастовочном движении на заводах и фабриках в провинции»²³. Главное же, однако, заключалось в другом. Несмотря на скромные, по сравнению со столицами, масштабы стачечного движения, российская провинция в марте 1917 г. — в отличие от Западной Европы конца XVIII-XIX вв. — быстро и довольно решительно поддержала победу рабочих и солдат в Петрограде. А это, в свою очередь, способствовало дальнейшему развитию революционного процесса в стране.

Говоря о профессиональном составе участников забастовочного движения в годы войны, следует подчеркнуть, что преобладающую их часть составляли металлисты — наиболее культурный, сознательный и организованный отряд рабочего класса России. Из таблицы 6 видно, что накануне войны более половины стачечников в фабрично-заводской промышленности составляли металлисты, тогда как на долю текстильщиков приходилось чуть более 28%. Если же обратиться к данным о политических стачках, то преобладание металлистов станет еще более внушительным (71,5%). В 1914 г. картина была примерно такой же, а в 1915 г. основную массу стачечников (кроме политических) дали уже текстильщики. Правда, в 1916 г. металлисты вновь занимают ведущие позиции в стачечном движении — 53% (текстильщики — 33%, на остальных приходилось менее 14%). В политических стачках роль металлистов в 1915 и особенно в 1916 г. совершенно исключительна: соответственно 68 и 91% (текстильщиков в 1915 г. — 18%, в 1916 г. — 6%). В январе — феврале 1917 г. металлисты по-прежнему впереди — 43%. Текстильщики в это время составляют всего 12% всех стачечников, причем их

доля в годы войны явно сокращается (1915 г. — 44%, 1916 г. — 33%).

Рабочие горнозаводской и горнодобывающей промышленности составляли всего лишь несколько процентов от общего количества стачечников, хотя в Южном промышленном районе в годы войны горняки составили 40% стачечников, а в Сибири в апреле 1916 г. — феврале 1917 г. — даже более половины²⁴.

Забастовок рабочих собственно железнодорожного транспорта (рабочих пути и подвижного состава) наподобие забастовок в октябре 1905 г. в условиях военного времени не было, да и не могло быть. Дело в том, что в целях предупреждения стачек на железных дорогах 14 декабря 1905 г. был издан закон, согласно которому в полосе железных дорог, где вводилась чрезвычайная охрана, гражданские лица подлежали военному суду и наказанию по законам военного времени «за устройство стачек и возбуждение к ним», «за бунт против верховной власти и государственную измену» и т.п. Властям предоставлялось право запрещать всякие собрания, увольнять железнодорожных служащих, высылать их из пределов полосы отчуждения и заключать в тюрьму на срок от 4 до 8 месяцев за самовольное оставление службы или неявку в назначенный срок без уважительных причин для исполнения служебных обязанностей²⁵.

В годы войны имели место стачки рабочих и служащих на отдельных железнодорожных узлах, станциях, в депо, а иногда и грузчиков. На водном транспорте учитывались стачки матросов, кочегаров и грузчиков. Итоговые данные выглядят следующим образом: на железных дорогах в 1915 г. было 5 стачек, в 1916 г. — 11, в начале 1917 г. — 2; на водном транспорте в 1914 г. — 1, в 1915 г. — 16, в 1916 г. — 18; на трамвае в 1915 г. — 25, в 1916 г. — 21, в начале 1917 г. — 12. Общее число их участников не превышало 90 тыс. чел. (в т.ч. более 20 тыс. трамвайщиков). При этом необходимо учитывать, что у транспортных рабочих не было политических, а также групповых стачек на экономической почве. Ни одна из этих стачек сколько-нибудь серьезной опасности для властей не представляла.

У строителей за время войны выявлены 20 стачек квалифицированных рабочих (каменщиков, плотников и т.д.) и 27 стачек разнорабочих, причем в них участвовали менее 20 тыс. чел. При этом необходимо иметь в виду, что часть чернорабочих (нередко местных крестьян), привлекавшихся на строительство железных и шоссейных дорог, в случае неудовлетворенности условиями содержания просто расходилась по домам («бежали с работ»), не прибегая к другим формам протеста.

Специального внимания заслуживает вопрос о выступлениях сельскохозяйственных наемных рабочих. Как известно, официальной статистики таких выступлений в деревне не велось, однако А.М.Анфимов учел как минимум 10 стачек батраков²⁶, хотя совершенно очевидно, что их было гораздо больше. Так, только на Украине исследователи зафиксировали в годы войны не менее 23 стачек сельскохозяйственных рабочих²⁷. Э.М.Савицкий по поводу забастовок сельскохозяйственных рабочих в Белоруссии писал: «... Их число было незначительным. Это объясняется сокращением крестьянского найма в помещичьих экономиях и жестокими репрессиями против участников забастовок. Протест сельскохозяйственных рабочих против жестокой эксплуатации выражался чаще всего в форме неявки на работу. Так, в июне 1915 г. бросили работы и разошлись по домам батраки помещика Корженевского Бобруйского уезда. В мае 1915 г. то же сделали 30 сельскохозяйственных рабочих в имении Глуховичи Речицкого уезда... Объясняя становому приставу причину прекращения работ, они единодушно указали на низкие заработки и плохие условия быта. На совещании землевладельцев Речицкого уезда в декабре 1915 г. отмечались случаи неявки весной и летом на работы крестьян, взявших задатки. Так, в одной экономике из 80 человек явилось только 6, в другой из 45 человек — 15, причем семеро из них тут же ушли, в третьей не пришли на работы все 40 человек, взявшие задатки, и т.д.»²⁸.

Закономерен вопрос: много ли рабочих, занятых на предприятиях, обслуживавших военные нужды, приняло участие в стачках? Для ответа на него мы располагаем данными Особого совещания по обороне государства и данными Депар-

тамента полиции МВД по крайней мере за 1916 г. Оба источника позволяют сделать заключение о том, что абсолютное большинство стачечников в период войны было занято на предприятиях, обслуживавших армию и флот. Стремление забастовать, особенно в начальный период войны, нередко сдерживалось патриотически настроенной частью рабочих, но вместе с тем рабочие считали, что ради успешного продолжения войны предприниматели и власти должны считаться с их требованиями.

Особую группу стачечников составляли военнопленные. Однако ознакомление с различного рода источниками позволило выявить всего лишь десяток с небольшим стачек в 1916 г., которые были организованы военнопленными²⁹. В каждом из таких выступлений принимали участие от 7 до 150 чел., чаще всего 20-80 чел. Требования выдвигались экономические — улучшить питание, условия труда и быта. Правда, в двух случаях военнопленные не вышли на работу 18 апреля (1 Мая), и еще в одном отказались изготавливать снаряды.

Масштабы стачечного движения, его результаты и характер требований бастующих за 20 лет с 1895 по 1917 гг. представлены в таблице 6.

Совершенно естественно, что с началом войны требования сокращения рабочего дня как бы отодвинулись на задний план, и выдвигались менее 1% стачечников (1915 г. — 0,9%, 1916 г. — 0,3%, январь — февраль 1917 г. — 0,04%), тогда как в 1905 г. по этому поводу бастовали почти 11% участников стачечного движения. Следует отметить, что в условиях войны требование установления 8-часового рабочего дня практически не выдвигалось. Политические выступления (ежегодная доля их участников в 1912-1914 гг. составляла 57-78%) в начале войны стали исключительным явлением. Политические стачки, как будет показано в следующей главе, получают распространение лишь с осени 1915 г. и особенно с осени 1916 г. Официальные данные фабричной инспекции указывают на то, что «политическими и неэкономическими стачками» в 1915-1916 гг. было захвачено соответственно 29 и 33% всех участников выступлений. Собственно же политическими стачками была охвачена еще менее значительная часть рабочих. Лишь в конце 1916 и в первые

месяцы 1917 г. многие стачки, возникшие на экономической почве (дороговизна, отсутствие продовольствия), приняли политический характер. Чисто экономические требования все чаще стали увязываться с выступлением и против войны, и против правительства. За счет этого доля участников политических и неэкономических стачек в январе-феврале 1917 г. сразу поднялась до 85% (в 1916 г. — 33%).

С началом войны, взвинчиванием цен на предметы первой необходимости и прежде всего на продовольствие основной упор в требованиях стачечников был сделан на повышение заработной платы. Во 2-й половине 1914, 1915 и 1916 гг. доля стачечников, выдвигавших это требование, была преобладающей (в 1915 г. — 43% и в 1916 г. — 54%). При этом менее чем через год после начала войны данное требование стало сопровождаться другим — продажи предметов первой необходимости по доступным ценам и налаживания снабжения рабочих продуктами. Уже в мае — июне 1915 г. рабочими Владимирской губ. выдвигались требования понижения цен на продукты питания³⁰, а вскоре — и обеспечения ими в натуре. Факт модификации требований рабочих в связи с отсутствием продуктов был зафиксирован даже в запросе, внесенном в Государственную думу летом 1916 г. В нем отмечалось: «Связь недостаточной заработной платы с дороговизною устанавливается совершенно определенно. Рабочими брянского завода в Бежице, Орловской губ., выставлено специальное требование изменения системы получения продуктов из продовольственных магазинов завода в прежнем количестве и по прежней цене. Продовольственные же требования выставлены между прочим и на многих предприятиях Горловского района Донецкого каменноугольного бассейна»³¹.

В 1916 г. цены продолжали быстро расти, а реальный заработок — падать. Как отмечалось в докладе Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде от 6 июля 1916 г., «прогрессивно возрастающая дороговизна жизни и затруднительность приобретения продуктов первой необходимости даже в центре столицы всей своей тяжестью легли на ютящийся на окраинах Петрограда рабочий класс»³². По данным Петроградского охранного отделе-

ния за октябрь 1916 г., в то время как заработная плата у основной массы рабочих столицы поднялась с начала войны на 50% и лишь у некоторых категорий (слесари, токари, монтеры) — на 100-200%, стоимость обеда в чайной возросла с 15-20 коп. до 1 руб. — 1 руб. 20 коп., «угла» — с 2-3 до 8-12 руб. в месяц, сапог — с 5-6 до 20-30 руб., рубахи — с 75-90 коп. — до 2 руб. 50 коп. — 3 руб. Экономическое положение рабочих оценивалось охранкой как более чем ужасное³³.

Положение со снабжением населения предметами первой необходимости стало настолько неудовлетворительным, что вызывало резкое недовольство широких масс: свои беды они начали связывать с безответственностью правительства и затягиванием войны. Весьма показательны, что доля участников стачек, требовавших повышения заработной платы, в январе — феврале 1917 г. падает до 10% (в 1916 г. — 54%), тогда как доля участников политических и неэкономических стачек поднимается до 85% (в 1916 г. — 33%), что в конечном счете и приводит к февральскому взрыву 1917 г.

Если говорить о «технологии» проведения стачек, то следует подчеркнуть большую роль в них стихийного начала, которое явно превалировало над результатами агитационной и организаторской работы различных революционных партий. При этом довольно продолжительное время за открытые выступления рабочих в условиях войны ратовали исключительно большевики. Меншевики, эсеры и анархисты по крайней мере до мая 1916 г. отрицательно относились к проведению стачек, демонстраций и других массовых выступлений, вредивших делу обороны страны. Первое указание на начало изменения позиции меньшевиков относится к весне 1916 г., когда рабочая группа ЦВПК предполагала призвать к всеобщей забастовке в связи с Первوماем³⁴. Однако это намерение осуществлено не было, и лишь в конце 1916 г. в рабочей группе ЦВКП был поставлен вопрос о необходимости поддержать забастовкой открывавшуюся 14 февраля 1917 г. сессию Государственной думы. Но весьма показательны, что и в данном случае на летучих собраниях некоторые ораторы призывали не прекращать работу в январе 1917 г., а забастовать и выйти на улицу лишь 14 февраля.

Столичные большевики были против развертывания массового рабочего движения в конце 1916 г. и намечали начать его к 1 Мая 1917 г. Однако вторая революция в России началась раньше, и это стало еще одним свидетельством преобладания стихийного начала в пролетарском движении, хотя радикальные партии подключались к нему — надо отдать им должное — очень быстро, да и сами стихийные проявления рабочего и солдатского протеста часто были результатом годами проводившейся революционерами работы по политическому просвещению масс.

Конкретный материал о стачечной и других формах борьбы рабочих свидетельствует о том, что преувеличивать влияние изменений в составе рабочих (мобилизация в армию кадровых специалистов и приход на предприятия новой рабочей силы) на поведение пролетариата было бы неправомерно. Определенная часть рабочих была мобилизована в первые месяцы войны, другая — призвана за участие в стачечном движении, но все же доля таких рабочих была невелика, поскольку рабочие, занятые на предприятиях, обслуживавших армию и флот, скоро стали получать отсрочки от призыва. На это обстоятельство уже обращалось внимание И.П.Лейберовым, О.И.Шкаратаном, М.Г.Лекомцевым.

В историографии неоднократно указывалось на ту важную роль, которую играл в развитии стачечного движения экономический фактор — отставания роста заработной платы от роста цен на предметы первой необходимости. Однако в литературе 1960-1980-х годов этот фактор отодвигался как бы на второй план, по сравнению с деятельностью большевистских организаций, хотя последние не обладали в годы войны необходимой для такого воздействия на массы силой. Совершенно очевидно также, что большую роль в революционировании пролетариата играла и репрессивная политика правительства и местных властей (аресты рабочих активистов, применение против участников протестных выступлений огнестрельного оружия, ликвидации рабочих организаций и т.п.). Этот фактор, хотя и отмечался в литературе, но, видимо, недооценивался. В этой связи можно отметить, что число открытых массовых выступлений (стачек, демонстраций) в годовщину

«Кровавого воскресенья» было в период войны несравненно больше, чем, скажем, первомайских выступлений.

На настроения рабочих, а в определенной мере и на само рабочее движение оказывали заметное воздействие поражения (или победы) на фронтах. В общем и целом с мая 1915 г. за небольшими исключениями (Брусиловский прорыв, вступление в войну Румынии) это воздействие было негативным, подводя массы к мысли о необходимости скорейшего прекращения войны.

Таким образом, изучение стачечного движения в годы Первой мировой войны (до Февральской революции 1917 г.) с использованием при этом хроник борьбы рабочих, существенно расширяет наше прежнее представление о масштабах, характере и этапах пролетарского движения. Согласно материалам хроник, общее число стачек и стачечников было на 60-150% выше, чем по широко использовавшимся ранее материалам фабричной инспекции. Основное приращение произошло за счет более полного учета выступлений промышленных рабочих. При этом выдающуюся роль в стачечном движении продолжали играть металлисты, в своем большинстве занятые на предприятиях, обслуживавших военные нужды. Достаточно активно в борьбе участвовали текстильщики и горняки, которые, находясь в более тяжелых материальных условиях, стали весной 1915 г. зачинателями массового рабочего движения в годы войны.

Движение вплоть до осени 1916 г. носило в основном экономический характер, хотя в Петрограде и Москве еще раньше прошли крупные политические выступления рабочих. С октября 1916 г. стачечная борьба приобретает все более ярко выраженный политический характер. Экономические требования выдвигаются вместе с политическими, выносятся стачечниками на улицу и предъявляются не предпринимателю, а властям. Стачки переплетаются с демонстрациями, а в отдельных случаях и с разгромом продовольственных магазинов и складов.

В период войны исключительную роль в стачечном движении играют рабочие Петрограда, а также Москвы. Количество стачечников в этих городах составляет примерно 3/4 от общего количества забастовщиков в стране. Именно рабо-

чие Петрограда и Москвы сыграли выдающуюся роль в углублении революционного кризиса в стране, о чем свидетельствуют политические стачки, которые будут особо рассмотрены в следующей главе.

- ¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 6. С. 54, примечание.
- ² См.: Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 г. М., 1982. С. 246; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России 1910-1914 гг. М., 1987. С. 41.
- ³ Подробнее см.: Кирьянов Ю.И. «Сводь отчетов фабричных инспекторов» и другие правительственные (ведомственные) статистические материалы как источник изучения стачечного движения в России в 1895-1916 гг. // Статистика стачек в России и в других индустриальных странах Европы и в США. М., 1986. С. 19-20.
- ⁴ См.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 г.; Статистический сборник за 1913-1917 гг. (Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 1). М., 1921. С. 140, 150, 160.
- ⁵ См.: Яковлева К.Н. Забастовочное движение в России // Материалы по статистике труда. Вып. 8. М., 1920. С. 63.
- ⁶ Яковлева К.Н. Указ. соч.; см. также: Иозефович С. Забастовки в России за период 1895-1917 гг. // Наемный труд в России. Ч. 1. М., 1927; Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX в. — 70-е годы XX в. (Статистика). М., 1980. С. 90-95.
- ⁷ См.: Вознесенский С. Стачечная борьба рабочих в 1870-1917 гг. (несколько цифр и фактов) // Архив истории труда в России. Кн. 8. Пг., 1923. С. 148-174; Рабочее движение в годы войны / Подгот. к печати М.Г.Флеер. М., 1925. С. 6-7; Рабочее движение в 1917 году. М.; Л., 1926. С. 14-15, 16-17.
- ⁸ Статистический сборник за 1913-1917 гг. С. 130-165.
- ⁹ См.: Рабочее движение в годы войны; Стачечное движение рабочих России в годы Первой мировой войны. Материалы официальной статистики за август 1914 — январь 1917 гг. Вып. I-IV. М., 1986-1988.
- ¹⁰ Статистический сборник за 1913-1917 гг. С. 90.
- ¹¹ Там же. С. 91.
- ¹² См.: Рабочее движение в годы войны. С. 20, 28, 46; см. также: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 г. С. XVIII.
- ¹³ См.: Указ. изд. С. 86-87; Эти данные находятся в материалах фонда Министерства труда Временного правительства в РГИА (Ф. 1600. Оп. 1. Д. 30. Л. 13). «Сведения о забастовочном движении на фабрично-заводских предприятиях империи, обслуживавших нужды обороны» за 1916 г. имеются также в фонде Особого совещания по обороне государства в РГВИА (Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 20 и др.). Эти данные нашли отражение и в «Журналах Особого совещания по обороне государства 1916 г.» (М., 1977. С. 122-126), где приведены сведения о

- стачках на Путиловском заводе, заводе «Наваль» и других предприятиях.
- 14 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г.; Д. 100. Т. 2. Л. 9.
- 15 Соответствующие сводки, начиная с марта 1916 г., отложились в ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во, 1916 г.; Д. 101. Т. 1-4.
- 16 См.: *Кантор Р.М.* Статистика забастовок за январь 1917 г. // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 6-7. С. 188-189. Эти данные под названием «Сведения о забастовочном движении на фабрично-заводских предприятиях империи, обслуживавших нужды обороны, за январь 1917 г.», хранятся в настоящее время в ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во, 1916 г.; Д. 108. Л. 9-10. Данные за март – декабрь 1916 г. опубликованы мною. См.: *Кирьянов Ю.И.* Стачечное движение в России в 1914 – февраль 1917 г. (по материалам официальных источников и «хроник» выступлений рабочих) // История СССР. 1990. № 5. С. 124.
- 17 См.: РГИА. Ф. 1600. Оп. 1. Д. 30. Л. 6.
- 18 См. данные по Петрограду: *Крылова В.И.* К вопросу о статистике стачек петроградских рабочих в годы Первой мировой войны // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959. С. 425-426; *Лейберов И.П.* Стачечная борьба петроградского пролетариата в период Первой мировой войны (19 июля 1914 г. – 16 февраля 1917 г.) // История рабочего класса Ленинграда. Вып. II. Л., 1963. С. 156-186; *его же.* На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). М., 1979. Данные по Центральному промышленному району (Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская и Ярославская губ.) см.: *Касаров Г.Г.* Статистика стачек в Центральном-промышленном районе в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Пролетариат Центрального промышленного района в 1907 – феврале 1917 г. Иваново, 1984. С. 158-160; Данные по ЦПР (9 губ. без Смоленской) см.: *Лекомцев М.Г.* Источники по истории стачечного движения в ЦПР в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Советские архивы. 1990. № 3. Данные по Центрально-черноземному району (Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Тамбовская губ.) см.: *Касимов А.С.* Рабочие Центрально-черноземного района в годы Первой мировой войны (1914 г. – февраль 1917 г.). Л., 1984. С. 15. Данные по Уралу (Пермская и Вятская губ.) см.: *Мусихин В.Е.* Статистика стачек рабочих Пермской и Вятской губерний в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.) // Нарастание революционного кризиса в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). Межвузовский сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 31. Данные по Уралу (4 губ.) см.: *Юдина Л.С.* Рабочее движение на Урале в годы Первой мировой империалистической войны (1914 – февраль 1917 г.) // Рабочий класс Урала в период капитализма (1861-1917). Сб. науч. трудов.

- Свердловск, 1988. С. 92-104. Данные по Северному Кавказу (Кубанская, Терская и Дагестанская обл. и Ставропольская и Черноморская губ.) см.: *Шигабудинов М.Ш.* Рабочее движение на Северном Кавказе в годы нового революционного подъема и Первой мировой войны (1910 – февраль 1917 г.). Махачкала, 1970. С. 222. Данные по Сибири см.: *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982. С. 106-107; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 400-401 (источником являлись данные кн.: *Блинов Н.В., Зольников Д.М., Плотников Е.Е. и др.* Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: Хроника, статистика, историография. Томск, 1978. С. 283-315). Данные по Украине см.: *Щербина И.Т.* Рабiтничий клас України та його революційна боротьба в 1914-1917 роках. Київ, 1963. С. 137, 245, 275 (таблицы по Украине в целом), 337-367 (хроника стачек); *Кириянов Ю.И.* Стачечная борьба рабочих Екатеринославской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // История СССР. 1960. № 4. С. 49; *его же.* Рабочие Юга России. 1914 – февраль 1917 г. М., 1971. С. 278-279; *Львошкин О.Т.* Про статистику страйкі в робiтник в Херсонської губернії в роки першої світової війни // Питання сторії народi в СРСР. Харків, 1966. Вып. 3. С. 136-143; *Алешкин О.Т.* О количестве стачек в Херсонской губ. в годы империалистической войны и Февральской революции (август 1914 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории народов СССР. Изд. Харьковского ун-та, 1969. Вып. 6. С. 85-97; Хроника революционного рабочего движения на Украине (1900-1917): Справочник. Киев, 1987. Данные по Молдавии см.: Рабочее движение в Молдавии. 1895 – февраль 1917 г.: Сб. док. Кишинев, 1985. С. 277-288 (хроника рабочего движения). Данные по Белоруссии см.: *Савицкий Э.М.* Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 г.). Минск, 1981. С. 99. Данные по Закавказью см.: *Церцвадзе М.В.* Революционное движение в Грузии в 1914-1917 гг. Ч. 1. М., 1957. С. 254.
- 19 По подсчетам некоторых исследователей оно было еще более значительным. Вот как выглядят показатели числа стачек и количества стачечников в Петрограде за период войны (до Февральской революции 1917 г.) по официальным данным (публикация 1925 г.), по подсчетам В.И.Крыловой и И.П.Лейберова: число стачек – 498, 1235, 1310; количество стачечников – 515, 978, 1031977, 1207571.
- 20 См.: *Кириянов Ю.И.* Стачечное движение в России в 1914 – феврале 1917 г. (по официальным данным и материалам хроник) // История СССР. 1990. № 5.
- 21 В нашей литературе при районировании нередко объединялись такие регионы, как Дон и Сев. Кавказ. Изучение стачечного движения свидетельствует о том, что Дон тяготел к Южному промышленному району.
- 22 Рабочее движение в Петрограде в 1912-1917 гг. Л., 1958. С. 516.

- 23 Там же. С. 438.
- 24 См.: *Кирьянов Ю.И.* Рабочие Юга России. С. 283; *Мухин А.А.* Социально-классовая активность промышленных рабочих Сибири и Дальнего Востока накануне Февральской революции 1917 г. // *Нарастание революционного кризиса в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.)*. Л., 1987. С. 62.
- 25 ПСЗ Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXV. 1905 г. Отд. 1. СПб., 1908. № 27045. С. 887-889.
- 26 См.: *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. С. 361-362.
- 27 См.: *Кирьянов Ю.И.* Крестьянское движение на Украине в годы Первой мировой войны (до Февральской революции 1917 г.) // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. Киев, 1962. С. 544-545.
- 28 *Савицкий Э.М.* Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 гг.). Минск, 1981. С. 115-116.
- 29 Стачки военнопленных в 1916 г. прошли на приисках в Томской губ., на цементном заводе в Московской губ., в ремонтных мастерских Астрахани, в экономии Киевской губ., на Каменском заводе Екатеринбургского у. Пермской губ., на угольных копях Семипалатинской губ., на лесозаготовках в одном из имений Тобольской губ., на суконной фабрике в Самарской губ.
- 30 См.: Рабочее движение в годы войны. С. 71, 76-77; Стачки в России в 1914 – феврале 1917 гг. Хроника. Ч. 1. М., 1989. С. 128-129, 130-138, 145, 147, 148, 150, 151, 155, 158.
- 31 Рабочее движение в годы войны. С. 297.
- 32 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г.; Д. 61. Ч. 2. Лит. А. Т. 3. Д. 86.
- 33 Красный архив. 1926. № 4 (17). С. 11.
- 34 См.: Рабочее движение в годы войны. С. 292.

Глава 2.

СТАЧКИ

ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Политические выступления занимают особое и важное место в рабочем движении. Они в известном смысле определяют его главные цели на конкретном историческом этапе, остроту борьбы, свидетельствуют об уровне сознания социально-активного слоя пролетариата. Для уяснения развития революционного кризиса в период Первой мировой войны и его этапов данные о политических выступлениях рабочих имеют первостепенное значение.

К числу политических форм борьбы относятся политические стачки, демонстрации, митинги. Официальная статистика фабричных инспекторов выделяла в общей массе стачек, которые стали учитываться с середины 1890-х гг. стачки экономического, а также неэкономического и политического характера. Однако первоначально к их числу относились и собственно политические выступления, и стачки, которые к политическим отнести было нельзя. Лишь в 1905 г. фабричная инспекция раскрывает содержание понятия «политическая стачка» и достаточно строго очерчивает его границы.

В материалах фабричной инспекции о стачках в 1905 г. говорилось: «В этом году прежде всего появились в значительной степени совершенно особые причины стачек, которые надо классифицировать как политические, так как целью их, прямой или скрытой, часто вовсе не служили какие-либо экономические домогательства, а исключительно и явно демонстративные выступления с заявлением неудовлетворения, неудовольствий по поводу событий этого года или с предъявлением чисто политических требований», как то: сочувствие жертвам 9 января (в С.-Петербурге), военный суд над матросами после кронштадтского восстания, объявление военного положения (Рига), похороны убитых товарищей, траур по убитым, требование освобождения арестованных, по поводу происходивших погромов (Баку, Белосток), автономия Польши, сочувствие железнодорожной забастовке,

восстание в Москве, требование учредительного собрания, всеобщего избирательного права, различного вида политических свобод и т.д. К этой же категории причин стачек надо отнести активные выступления и заранее объявленные забастовки с предъявлением общих требований, носящих характер классовых демонстраций, не имеющих в виду каких-либо экономически исполнимых пожеланий, как то: празднование 1 мая (пролетарский праздник), манифестация программных социалистических требований (8-часовой рабочий день, обязательное регулирование рабочей платы, распоряжение работами и личным составом рабочих) и т.д.

Кроме этих, так сказать, активных демонстраций, в 1905 г. обнаруживается многочисленная группа стачек, которую можно охарактеризовать как пассивно-политические стачки. При общем возбужденном состоянии умов, в особенности во время объявленных организациями генеральных забастовок или при открытых беспорядках (Петербург, Москва, Лодзь, Баку, Белосток, Рига, Ревель и т.д.), встречаются случаи, когда прекращение работ происходит без видимой причины, без предъявления требований или же стачки мотивируются такими причинами: “под влиянием угроз”, “под влиянием агитации, внешних условий”, “сняты с работ рабочими соседней фабрики”, вследствие “насилий посторонних рабочих”, толпы агитаторов, по принуждению, в силу солидарности, по сочувствию и т.д.»¹. Все стачки подобного рода, когда нельзя было усмотреть явно выраженных политических или экономических мотивов, по обстоятельствам своего возникновения, характеру и последствиям относились к пассивно-политическим акциям.

В ноябре 1912 г. съезд начальников охранных отделений, обсуждая меры борьбы против рабочего движения, пришел к заключению, что «определить с точностью признаки политической забастовки весьма затруднительно, но во всяком случае таковыми могут быть признаваемы: 1) все забастовки демонстративного характера по поводу различных общественных и политических событий, а также с выражением протеста против тех или других распоряжений власти и 2) те забастовки, когда, наряду с экономическими, предъявляются требования программного характера (8-часовой рабочий день,

участие рабочих во внутренних распорядках предприятия) или указывающие на непризнание рабочими законных распоряжений власти (требование освобождения арестованных товарищей)»².

В период Первой мировой войны к числу политических фабричная и горная инспекция относила и так называемые классово-политические стачки, и невыход по случаю взятия русскими войсками Перемышля в марте 1915 г., объявления Румынией войны Германии в августе 1916 г. (4 предприятия в Москве и Подольске)³, являвшиеся выступлениями патриотического характера. То же самое можно сказать о «стачках», возникших в связи с проведением мобилизации (и проводами родных и близких в армию), сбором средств в пользу раненых, требованием удаления с предприятий мастеров — германских и австрийских подданных. Очень часто при подсчете данных фабричной и горной инспекции о стачках неэкономического характера эти выступления механически зачислялись в политические, между тем названные выступления носили не классово-политический характер, а являлись политическими стачками особого рода (как и стачки в Москве в конце мая 1915 г., закончившиеся антинемецкими манифестациями и погромом магазинов, контор, предприятий, принадлежавших лицам с немецкими фамилиями).

В нашей литературе было обращено внимание еще и на следующее неправильное определение характера выступлений в официальных и, в частности, в полицейских источниках. В некоторых случаях в целях предохранения предприятий от штрафов за невыполнение в период стачки заказов экономические стачки характеризовались как политические или смешанные с переложением вины за них с администрации на местные власти, не сумевшие вовремя пресечь политические выступления⁴. В литературе же 1930-1950-х гг. (отчасти и в позднейшей) к политическим нередко относились чуть ли не все стачки, возникавшие в условиях военного времени.

Это и некоторые другие обстоятельства (общая установка на приукрашивание движения) имели следствием весьма расплывчатый, нечеткий подход к определению характера стачечной борьбы в годы Первой мировой войны, что и

приводило к завышению уровня политических выступлений. «Разве нужно доказывать, что стачки военного времени, независимо от того, какие требования предъявлялись забастовщиками, носят политический характер? Не направлены против существующего режима? Не подрывают политическую основу государственного строя?», — писал в конце 1950-х годов один из исследователей рабочего движения⁵. «Несмотря на экономические требования, в условиях войны стачки носили антивоенный характер», — пишет другой исследователь уже в 1988 г.⁶ Точно так же, думается, неправомерно любое стачечное выступление в годы войны считать «революционным»⁷. Собrania, уличные шествия, столкновения с полицией и солдатами, сопутствовавшие многим стачкам, могли придать выступлениям особую остроту, но от этого их характер не менялся, если требования рабочих оставались чисто экономическими.

Кратко остановимся на условиях, в которых пришлось развиваться рабочему движению после объявления войны. Верховным главнокомандующим и министром внутренних дел были отданы приказы о подавлении всяких беспорядков. Значительная территория страны была объявлена на военном положении, а остальные местности оказались «в состоянии чрезвычайной охраны»⁸.

7 февраля 1916 г. Совет министров принял постановление «О действиях правительственных властей для предупреждения и прекращения фабричных забастовок», где в п. 4 говорилось: «Все вообще рабочие предупреждаются о том, что всякое нарушение порядка тотчас же будет подавляемо, лица, препятствующие чем-либо правильному возобновлению работ, немедленно будут подвергаемы аресту и высылке, а рабочие призывного возраста будут подлежать отправке на фронт»⁹. Беспорядки «погромного характера» и оказание противодействия властям могли, по законам военного времени, подвергаться наказаниям и вплоть до смертной казни¹⁰.

Так что же такое «политическая стачка»? Каковы были конкретные поводы к таким выступлениям и требования, выдвигавшиеся во время политических стачек в 1914-1917 гг.?

К политическим следует отнести стачки, в ходе которых выдвигалось требование 8-часового рабочего дня. Оно было

обращено не к отдельным хозяевам, а к государственной власти, ко всему предпринимательскому классу и носило, по мнению Маркса и Ленина, политический, а не экономический характер. К политическим следует отнести и ставшие традиционными выступления рабочих в годовщину событий «Кровавого воскресенья» 9 января (1905 г.), расстрела на Лене (4 апреля 1912 г.), в день международной пролетарской солидарности (1 мая) и международный женский день (8 марта), в годовщину всероссийской политической стачки в октябре 1905 г., а также выступления в связи с применением против рабочих огнестрельного оружия, в знак протеста против ареста левых политических и общественных деятелей, против приостановления деятельности Государственной думы и т.д. К этой же категории протестных выступлений относятся и те, которые прошли в знак солидарности с политическими стачками рабочих других предприятий или в знак протеста против действий властей в отношении рабочих других предприятий. В то же время стачки с требованиями вежливого обращения, удаления ненавистных мастеров и т.п. неправомерно относить к политическим, хотя они и выходили за рамки чисто экономической борьбы.

В настоящее время имеются три основных группы источников, содержащих сведения о политических стачках: 1) опубликованные данные фабричной и горной инспекции¹¹; 2) частично опубликованные данные полиции и жандармерии, отложившиеся в фондах губернских ГЖУ, охранных отделений, а также ДП МВД¹²; 3) подсчеты исследователями локальных данных о политических стачках, опирающиеся на архивные источники и материалы печати, обобщенные А.И.Уткиным¹³.

Перейдем теперь к рассмотрению конкретных документов о стачках политического характера в первые дни войны. Вот как характеризовал ситуацию в столице империи в день объявления войны петербургский градоначальник: «...19 июля, в связи с призывом запасных по мобилизации войск, возникла забастовка на 21 предприятии с общим числом рабочих до 27000 человек. Означенная забастовка, так же как и предыдущие, сопровождалась демонстративными выступлениями рабочих, причем толпа демонстрантов с фабрики Эриксон,

увидев партию запасных около 100 человек, следовавшую в сопровождении околоточного надзирателя и 2 городских на сборный пункт, встретила их криками: “Долой войну!” и, окружив тесным кольцом, стала сопровождать партию [с] пением “Рабочей Марсельезы”, требуя от чинов полиции отпуска по домам запасных. Далее означенную партию запасных, частью смешавшихся с демонстрантами, встретила вторая толпа демонстрантов, рабочих-лесснеровцев, и с криками: “Бей полицию!” набросилась на чинов полиции, сопровождавших запасных, причем все три полицейских чина были ушиблены камнями и у одного из городских, упавшего от удара камнем, был кем-то из толпы похищен револьвер. Демонстранты были рассеяны прибывшим разъездом конных городских. Разбежавшиеся запасные прибыли на сборный пункт частью сами, а частью были собраны на месте происшествия»¹⁴. Далее в этом же документе говорилось еще об одной демонстрации около Городской думы.

Воспроизведенный нами документ интерпретируется большинством авторов как указание на антивоенную стачку 19 июля 1914 г. 27 тыс. рабочих 21 предприятия столицы. Так, в «Истории рабочих Ленинграда» говорится: «18 июля (1914 г.) Петербургский комитет РСДРП выпустил антивоенную листовку “Ко всем рабочим, крестьянам и солдатам”. В ней разъяснялись характер и причины надвигающейся войны, рабочие и солдаты призывались к революционным выступлениям. Забастовкой, протекавшей 19-21 июля 1914 г., было охвачено 27,4 тыс. рабочих 26 промышленных предприятий ... Антивоенные выступления рабочих состоялись на Сампсониевском пр., Знаменской пл., на Невском пр. у Городской думы, за Невской заставой. На ряде заводов ... прошли антивоенные митинги и собрания. Эти выступления и интернационалистская позиция думской фракции большевиков показали, что петербургские рабочие не дрогнули в условиях начала войны»¹⁵.

Между тем для подобной интерпретации цитируемого документа нет оснований. Эти «стачки» представляли собой невыход рабочих на предприятия в первые дни после объявления мобилизации и были связаны с призывом или проходами в армию близких или товарищей и не носили антиво-

енного характера. Требований в виде протеста против войны во время этих стачек нигде зафиксировано не было (произошло лишь несколько демонстративных выступлений на улице антивоенного характера). Забегая вперед, отметим, что в «Отчете» фабричной инспекции о стачках за август 1916 г. впервые для характеристики подобного случая вводится понятие «приостановка работ», что гораздо точнее отражало истинное положение дел. «В Московской губ., – говорилось в “Отчете”, – 16 и 17 августа на некоторых фабриках и заводах приостановлены были работы в связи с объявлением Румынией войны Германии»¹⁶.

Другие документы подтверждают правильность подобного подхода. В одном из них читаем: «В июле 1914 г. в Петрограде имели место большие рабочие беспорядки. С объявлением войны на всех фабриках и заводах усердно и дружно приступили к работам. Признаки брожения обнаружались впервые только в июле 1915 г., когда, с одной стороны, стали значительно подниматься цены на предметы первой необходимости, а с другой, когда военные неудачи могли явиться достаточно удобным поводом для агитации...»¹⁷.

Показательна и характеристика стачек в начале войны, данная петербургскими большевиками в программной прокламации «Стачечное движение и задачи момента», изданной в июле 1916 г. В ней сказано: «Самое начало войны вызвало ряд забастовок. Как в Петербурге, так и в провинции стачечное движение не прекращалось за два года войны и, хотя носило экономический характер ...»¹⁸. Трудно предположить, что авторы прокламаций не указали бы на антивоенные стачки в июле 1914 г., если бы картина была такой, какой она рисовалась в советских исторических работах.

Эти заключения находят подтверждение и в мемуарах активных участников рабочего движения. Так, один из них вспоминал: «19 июля по старому стилю началась война, которая разбила все революционное настроение и ослабила его в огромной степени. Десятки тысяч рабочих и сотни тысяч горожан, которые раньше сочувствовали движению, были совершенно выбиты из колеи и покорно шли на призывные пункты»¹⁹.

К более сдержанной оценке поведения рабочих в июльские дни 1914 г. побуждают и документы, характеризовавшие положение в других промышленных губерниях страны — Московской, Костромской, Владимирской, Лифляндской. Вот, что говорится по интересующему нас вопросу в донесении московского градоначальника от 17 сентября 1914 г.: «Объявленная 17 июля мобилизация была встречена населением Москвы с полным сознанием серьезности момента и прошла с редким подъемом и в блестящем порядке, надвигавшаяся военная гроза сразу образумила рабочую массу, и забастовочная волна стихла. Великие общерусские интересы отодвинули на задний план мелкие и ложно понимаемые классовые интересы. Здоровое русское сознание победило в рабочих массах навязанную им “пролетарскую сознательность”. Партийные вожаки, которые в первые моменты этого могущественного психологического и политического переворота в среде рабочих еще не вполне его осознали, вскоре вынуждены были отказаться от своей политической работы в широких массах, чтобы не оказаться в смешном положении ненужных и лишних людей...»²⁰.

В докладе начальника Костромского ГЖУ от 27 октября 1915 г. отмечалось, что «с самого начала войны рабочая масса была настроена патриотично и не только не препятствовала делу войны, но насколько могла, помогала ему. Такое положение дел в рабочей массе продолжалось до нашего галицийского и последующего отступления, когда под влиянием военных неудач стало замечаться недовольство войной и возмущение существующим порядком в государстве»²¹. В протоколах областной большевистской конференции Иваново-Вознесенского района (август 1915 г.) можно прочесть следующие сообщения из различных мест Владимирской губ.: Гальчиха — «при объявлении войны был сильный патриотический подъем в массах, в настоящее же время подъем патриотизма сошел на нет...»; Родники — «патриотические чувства масс были, но слабы...»; Кохма — «в начале войны... наблюдался небольшой патриотический подъем (на фабрике)»²². В итоге в крупнейшем Центральном промышленном районе, охватившем 9 губерний, в июле — декабре 1914 г. не было ни одной политической стачки²³, тогда как в советской

историографии можно было встретить указания на стачки протеста против войны, которые проходили будто бы на ряде предприятий Москвы²⁴, на Людиновском заводе в Жиздринском уезде Калужской губ.²⁵, на вагоностроительном заводе в Твери²⁶.

Однако эти указания не находят подтверждения в официальных источниках и, по-видимому, основывались либо на мемуарах, либо на неправильной интерпретации документов. В этой связи приведем выдержку из «Отношения» калужского губернатора. «Настроение рабочего класса спокойное. До объявления мобилизации на Людиновском Мальцовском заводе в Жиздринском уезде рабочие устроили забастовку, носившую политический характер, причем они выкинули три флага — два черных и один красный и пытались петь революционные песни. Принятыми полицией мерами движение было прекращено, а на другой день все рабочие приступили к работе. Объединение всего населения губернии на почве патриотизма захватило собой и рабочий класс, в котором затем никаких покушений на забастовки или агитацию к забастовкам не наблюдалось»²⁷. Что же касается выступления 1500 рабочих вагоностроительного завода в Твери, то антивоенный характер носила лишь демонстрация примерно 100 рабочих 18 июля. Прекращение же работ на заводе было связано с проводами родных и близких в армию²⁸.

Аналогичные передержки с целью «политизации», приукрашивания рабочего движения в июле 1914 г., придания ему антивоенного направления нередко можно встретить и в литературе о других регионах страны, например об Урале²⁹. Между тем документы говорят о другом. Как отмечалось во всеподданнейшем отчете пермского губернатора, мобилизация нижних чинов запаса и ополчения в июле 1914 г. омрачилась «многочисленными беспорядками». В 29 селениях имело место нападение на казенные винные лавки, причем в 6 случаях они были отбиты полицейскими, а в 23 — вино было расхищено. В 4 пунктах полиция прибегла к оружию. В результате были убиты 4 и ранены 13 человек. В этом же отчете особо описывались события на Надеждинском заводе Богословского горнозаводского общества в Верхнетурском уезде. Здесь «призванные, бывшие рабочие, требовали выда-

чи им пособия от заводууправления, а затем толпою, к коей примкнули женщины и подростки, разгромили 5 частных пивных склада и покушались разгромить казенный винный склад и квартиру полицейского надзирателя, ранив при этом околоточного надзирателя. Полиция также отбила нападение, причем из числа нападавших выстрелами было убито 2 и ранено 5, в том числе и две женщины ...»³⁰. На Лысьвенском заводе, в Пермском уезде «рабочие и запасные нижние чины, не получив удовлетворения на свое незаконное требование (открыть винные лавки), заперли в конторе заводскую администрацию и чинов полиции, облили здание керосином и зажгли его, а выбегавших оттуда зверски убивали»³¹.

Не соответствует действительности и утверждение ряда авторов о том, что 22 июля 1914 г. рабочие кузнечного цеха Красноярских железнодорожных мастерских (в Енисейской губ.) организовали стачку протеста против мобилизации в армию³². В действительности это был типичный невыход на работу, связанный с проводами родных и близких в армию (кстати, архивная ссылка Д.М.Зольникова и Л.В.Максимовой ошибочна).

Обратимся теперь к событиям в шахтерском районе близ Макеевки в области Войска Донского. Вот как они характеризуются на основе архивного материала: «Утром 19 июля 1914 г. передовые рабочие шахты № 1 Парамоновского рудника под влиянием проводившейся здесь агитации с призывом “бросить военную службу” и в крайнем случае настоять, чтобы призываемые предъявили к правительству требования об обеспечении их семейств, придя в мастерские и кузницу шахты «Елпидифор», убедили остальных рабочих под предлогом проводов мобилизованных прекратить работу». После этого все разошлись по рудникам, «видимо, с целью антиправительственной пропаганды... Цеховыми рабочими было решено: 19 июля вечером на работу не являться». И действительно в вечернюю смену многие на работу не вышли, причем полицмейстер объяснил это проводами близких в действующую армию³³. Едва ли можно это выступление шахтеров признать «антивоенной забастовкой», хотя и был элемент скрытого протеста против войны определенных групп рабочих. Но даже таких стачек было немного.

Не являлись антивоенными, как об этом писали многие авторы, и имевшие место во время июльской мобилизации крупные выступления запасных, отправляемых в действующую армию, на Украине³⁴. Это были столкновения мобилизованных с полицией на почве «усмирения» запасных, пытавшихся перед отправкой в части громить винные склады³⁵. Подобные выступления мобилизованных наблюдались и при довоенных призывах на военную службу³⁶. «Правда», описывая подобного рода выступления на Северо-Западной железной дороге накануне войны, называла их «бунтами новобранцев»³⁷. В этих «бунтах» принимало участие немало патристически и монархически настроенных запасных³⁸.

Указанные выше подходы к оценке июльских выступлений 1914 г. были типичны и для литературы, посвященной событиям в Закавказье³⁹.

Две «стачки» в Риге 19 июля 1914 г. на заводах «Феникс» и «Унион», надо полагать, имели в своей основе также не протест против войны, а совсем иные мотивы. Источником, послужившим основанием для утверждения об антивоенных выступлениях рижских рабочих, являлась информация в социал-демократической газете «Страдниека балес» («Голос рабочего») от 21 июля 1914 г., где говорилось, что забастовали рабочие рижских заводов «Феникс» и «Унион», а на остальных предприятиях работа прекратилась без объявления забастовки и несколько дней в Риге не работало ни одно крупное предприятие. Таков пересказ этой информации, сделанной в «Хронике истории Коммунистической партии Латвии»⁴⁰. Приведенный в газете материал вполне укладывается в нашу трактовку невыхода рабочих на работу в связи с проводами родных и близких в армию (показательно в этой связи и указание на то, что на многих предприятиях работа прекратилась без объявления забастовки). Каких-либо конкретных данных об антивоенных акциях рабочих в эти дни нет.

Таким образом, антивоенные выступления рабочих в первые дни войны хотя и имели место, но были единичны и проходили в основном в виде кратковременных демонстраций небольших групп рабочих, а не массовых стачек. В освещении этого вопроса советская литература, используя нечеткие и неточные формулировки некоторых полицейских

документов, а нередко и просто вольно их интерпретируя, искажала действительную картину событий.

В дальнейшем небольшая вспышка политических стачек имела место сразу после ареста 5 депутатов-большевиков IV Государственной думы, задержанных на нелегальном собрании в Озерах под Петроградом, где принималась резолюция об отношении к войне. С призывом провести «однодневную забастовку и митинги протеста» против ареста выступил Петербургский комитет РСДРП. С призывом организовать забастовку протеста обратился к рабочим и Харьковский комитет РСДРП⁴¹ (депутатами от рабочих этих губерний были арестованные большевики А.Е.Бадаев и М.К.Муранов). Однодневной всеобщей стачки в Петрограде организовать не удалось, но стачки на отдельных столичных предприятиях 12 ноября 1914 г. все же прошли.

В столице, например, на минном заводе Русского общества для изготовления снарядов и боеприпасов 12 ноября из 1300 рабочих бастовали 1050⁴². Но рабочая масса еще очень слабо реагировала на подобные акции властей. Петроградский градоначальник не без удовлетворения отмечал: «Подготавливаемые революционной средой на 12-е минувшего ноября демонстративные выступления и однодневная забастовка — протест по поводу ареста пяти депутатов социал-демократической фракции Государственной думы... не встретили среди громадного большинства рабочих никакого сочувствия и, несмотря на все усилия, проявленные революционными элементами, 12 ноября работы на фабриках и заводах столицы производились вполне нормально и были лишь незначительные нарушения порядка»⁴³.

Кроме Петрограда, 11 ноября 4 стачки по поводу ареста депутатов Думы прошли в Харькове — в переплетных мастерских М.Г.Шепшелевича (24 стачечника), типографии «Утро» (15), типографии Калугина (18) и в типографии-переплетной Б.Г.Шепшелевича (11 человек)⁴⁴. Забастовщиками не было предъявлено никаких требований и не были объяснены причины прекращения работы⁴⁵. В карточке учета сведений о стачках на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции в Харьковской губ., за ноябрь 1914 г. ука-

заны 3 стачки «политического и другого неэкономического характера» с 72 участниками⁴⁶.

Имеются свидетельства и о том, что в ряде мест, несмотря на попытки партийных кругов организовать выступления протеста против ареста депутатов-большевиков, «рабочая масса» не проявляла склонности к подобного рода выступлениям⁴⁷. В фонде «вещественных доказательств» ДП МВД сохранилось письмо В.Г.Иванова, направленное из Москвы в декабре 1914 г. и в значительной мере посвященное реакции рабочих на арест депутатов (сам автор с возмущением сравнивает этот арест со злодеянием в отношении втородумских депутатов). Вот что говорится в этом письме: «В мастерских, фабриках (Москва) часть рабочих, быть может, так рвавшаяся и жаждавшая сразиться и победить своего злейшего врага полгода тому назад, теперь... с кичливостью, со злостью заявляют, что так им (арестованным депутатам) и надо, в такое время они устраивают... Я слышал, правда, немного таких отзывов, но противных им было еще меньше. Правда, говорили, что в Москве один завод (один завод во всей Москве) готов выступить с протестом против ареста депутатов, но в конце концов и он не выступил. Правда, в Петербурге... что-то было посерьезнее. Нам передавали из редакции одной газеты, что московским градоначальником отдано распоряжение в газеты, чтобы они не печатали о происходивших в Петербурге беспорядках»⁴⁸.

Согласно донесению начальника Нижегородского ГЖУ от 22 января 1915 г., в Сормове с ноября 1914 г. замечалось «оживление революционной деятельности». Был образован местный социал-демократический комитет. «Организация... предполагала перед Рождеством печатать протест против привлечения [к суду] депутатов — социал-демократов Государственной думы и против войны, но намерение это отложено, так как не ожидается сочувствия массы рабочих. Последние службой на заводе освобождаются от призыва на военную службу, почему дорожат местом и не будут выступать активно»⁴⁹.

Таким образом, для второй половины 1914 г. можно назвать две причины, побудившие отдельные группы рабочих Петрограда, Харькова и одной из шахт Донбасса организо-

вать стачки политического характера: начало войны и арест депутатов-большевиков IV Государственной думы. В выступлениях участвовало ограниченное количество рабочих. В 1914 г. стачки политического характера были еще единичным, локальным явлением⁵⁰.

На основании публикаций С. Вознесенского (1923 г.) и М. Г. Флеера (1925 г.), где были представлены материалы фабричной и горной инспекции, в историографию вошли следующие показатели о политических забастовках в 1914 г.; в августе – 3 с 3450 участниками и в ноябре – 5 с 895 участниками⁵¹. Но в данном случае речь в помесечных отчетах фабричных инспекторов шла о стачках, которые относились к политическим и неэкономическим. Из текста фабричных инспекторов совершенно очевидно, что некоторые упоминаемые здесь стачки к политическим в строгом смысле слова забастовкам не относились.

В августе 1914 г., по данным фабричных инспекторов, прошли в общей сложности 24 забастовки с 24688 участниками. Стачки «неэкономического характера» в Москве и Харькове составляли по отношению к общему числу забастовок 8,3%, а число их участников – 9,8% всех забастовщиков. В Москве 21 августа бастовали в течение дня 450 рабочих машиностроительного завода т-ва «Дангауер и Кайзер». Забастовка была вызвана следующим обстоятельством. Сборщики пожертвований в пользу раненых, продававшие с разрешения градоначальника национальные флаги, не получили от управляющего заводом разрешения на вход на заводскую территорию. В ответ рабочие приостановили с обеда работу, потребовав увольнения управляющего. 22 августа работы на заводе возобновились. В Харькове 12 августа забастовали 1500 рабочих завода Русского паровозостроительного и механического общества, выставив требование «об увольнении мастеров – германских и австрийских подданных. После того, как требование это было удовлетворено, рабочие приступили к работам»⁵². Из приведенного материала следует, что обе эти стачки не имели отношения к политическим выступлениям рабочих.

Что же касается пяти политических забастовок в ноябре 1914 г., то во время одной из них 73 рабочих завода

бр.Бромлей в Москве потребовали удаления литейного мастера, австрийского подданного⁵³, и эту стачку тоже нельзя считать политической.

* * *

С начала 1915 г. струя политических стачек рабочих стала шириться и набирать силу. 8-9 января прошли стачки в память жертв расстрела рабочих 9 января 1905 г. В столице 8 января ночная смена рабочих фабрики «Л.Кениг-наследники» в количестве 220 чел. «пробыла на фабрике лишь 10 минут и спокойно разошлась по домам». 9 января в Петрограде бастовали 2528 рабочих 14 предприятий⁵⁴ (4 предприятия бастовали, правда, со второй половины дня). Как доносил петроградский градоначальник, «традиционные забастовки, как протест против расстрела рабочих 9 января 1905 г. молчаливо проведены лишь в немногочисленных предприятиях, в большинстве неполным составом рабочих»⁵⁵.

Кроме того, согласно отношению Лифляндского губернатора, 9 января 1915 г. забастовали 4 фабрики и 3 мастерских с 472 рабочими⁵⁶. Надо полагать, что местом этих выступлений была Рига. Это подтверждается и данными фабричной инспекции о забастовке рабочих двух предприятий в этом городе — фабрики подков и шипов «Буш, Занин, Маршалк» (58 чел.). Пружинного и рессорного завода акц. общества «Рессора» (190 чел.)⁵⁷.

10 февраля состоялся суд над большевистскими депутатами IV Думы, арестованными в ноябре 1914 г. и приговоренными к ссылке в Сибирь. В день суда в столице, а в последние дни и в некоторых других городах были проведены стачки протеста против судебной расправы над депутатами. 10 февраля кратковременные стачки (на полдня) прошли на нескольких предприятиях Петрограда — в хромолитографии Ивановой (27 стачечников из 85 рабочих), типографии «Экономия» (10 чел. из 30), на заводе «Стеклопромышленного общества» (37 и 320), механическом заводе «Туанлей» (12) и чугунном и сталелитейном заводе акц. общества Л.Нобель⁵⁸. Кроме того, 14 февраля кратковременная

стачка прошла в слесарной мастерской воздухоплавательного завода В.А.Лебедева (150 стачечников)⁵⁹. 13-18 февраля 1915 г. стачки протеста прошли на некоторых предприятиях Москвы — на заводе «Динамо» (13 февраля в течение 1 часа бастовали 300 и 17 февраля — 1238 рабочих), в типолитографиях Крылова (70 чел.) и Шушукина (80 чел.), на заводе Общества трубопрокатных заводов (103 чел.) хирургической оптической фабрике Трындына (170 чел. из 170), мебельной фабрике Юрасова (57 чел.)⁶⁰.

Как доносил петроградский градоначальник, «индифферентизм большинства рабочих по отношению к арестованным и подлежащим суду депутатам и критическое отношение рабочих к листкам и воззваниям, призывающим к выступлению в день суда (10 февраля), заставили инициаторов затем отказаться от задуманных эффектных выступлений ввиду отсутствия каких бы то ни было надежд на успех и во избежание дискредитирования авторитетности обслуживаемого ими партийного подполья. Рассмотрение дела над бывшими членами Гос. думы, продолжавшееся в течение 4-х дней, и вынесенный судом обвинительный приговор, опубликованный во всех газетах, почти не произвел на рабочих никакого впечатления»⁶¹. Мемуаристы также отмечали, что «рабочий класс был слишком сильно связан и скован по рукам и ногам для того, чтобы протестовать активно против пленения своего думского представительства. И арест шестерки (точнее пятерки. — Ю.К.), и осуждение депутатов, и ссылка их в Сибирь прошли малозаметными, без крупных движений. Если бы правительство подумало проделать такую комбинацию в довоенное время, оно натолкнулось бы на такие протесты, которые напомнили бы процесс над с.-д. Фракцией II Государственной думы или над Советом рабочих депутатов в 1906 г.»⁶²

4 апреля в память о жертвах Ленского расстрела 1912 г. прошли стачки на трех приисках «Лензото» (Витимский горный округ в Иркутской губ.). В «Справке» статистического отдела Главного промыслового управления отмечалось, что из 6441 контрактанных рабочих «только 35 процентов не вышли по поводу годовщины 4 апреля»⁶³. Эти 35% составляли 2254 рабочих.

Откликнулись на годовщину этого печального события только рабочие сибиряки. В других местах выступлений не было. Петроградский градоначальник отмечал в этой связи: «День 4-го апреля, ознаменовавшийся в предшествовавшие годы... агитацией партийных деятелей, забастовками и уличными выступлениями в воспоминание событий на Ленских приисках, в этом году (1915 г.) прошел совершенно спокойно и никакого нарушения порядка на фабриках и заводах, а также демонстративных выступлений на улицах не было»⁶⁴.

Первая достаточно широкая волна стачек политического характера, захватившая рабочих обеих столиц и ряда других городов, прошла в связи с 1 мая⁶⁵. Как доносил начальник Петроградского охранного отделения, «наиболее революционная часть рабочих, желавшая ознаменовать сегодняшний день забастовкой, прекращала работы и спокойно расходилась по домам». Согласно тому же источнику, в течение дня бастовали на предприятиях фабрично-заводской промышленности 185 чел., на мелких заводских и торговых предприятиях — 195 чел. и на пяти заводах, выполнявших заказы Военного и Морского ведомства, — 479 чел. Всего же в течение дня бастовали 859 чел.⁶⁶ Эти данные подтверждаются в донесении петроградского градоначальника от 5 мая 1915 г.: «Не работали же во всех фабрично-заводских предприятиях, типографиях, мастерских столицы в этот день (1 мая 1915 г.) лишь около 1000 чел.»⁶⁷ «... День 1-го мая прошел в 1915 г. очень грустно», — отмечал один из мемуаристов, работавший тогда в Петрограде⁶⁸. Приведенный материал дает основание считать бытующие в литературе сведения о количестве участников первомайских стачек в Петрограде в 1915 г., заимствованные из «Социал-демократа» (№ 481) — 35 тыс. — неправдоподобными⁶⁹.

Было зафиксировано также прекращение работы в столярной мастерской М.В.Григорьева в Кронштадте, что произошло, однако, по инициативе хозяина (привлекавшегося в 1906 г. по делу Военно-революционной организации)⁷⁰.

Согласно «Списку фабрик и заводов, прекративших работы по случаю 1 мая 1915 г.», составленному охранным отделением, в Москве бастовали 19 тыс. рабочих с 74 предприятий⁷¹. Эти данные вошли в литературу и были даже допол-

нены и уточнены⁷². Однако охранка, приводя указанные выше цифры (1 мая — 19 тыс. стачечников на 74 предприятиях), сопровождала их пояснением: «Сегодня (1 мая 1915 г. — Ю.К.) бастовало [в] Москве девятнадцать тысяч рабочих [на] семидесяти четырех предприятиях, причем во многих предприятиях работы кончились после обеда, по соглашению с хозяевами, по издавна установившейся традиции, вне связи [с] первым мая. При выходе с завода “Динамо” рабочие пытались запеть “Марсельезу”, но пение было немедленно прекращено нарядом полиции. Никаких демонстраций [в] городе не было...»⁷³. Это заключение находит подтверждение в материалах фабричной инспекции. В майском отчете инспекции, зафиксировавшем 18 политических забастовок по случаю празднования дня 1 мая в Петрограде, Нахичевани-на-Дону, Самарской, Саратовской, Тверской и Харьковской губ., Москва как место проведения таких стачек не упоминается⁷⁴. Есть и еще один аргумент, который нельзя не принять во внимание: на фоне единичных первомайских выступлений рабочих в других местах страны большое число первомайских стачек в Москве представляется неправдоподобным. Поэтому, определяя реальное число первомайских стачек и количество их участников в Москве в 1915 г., представляется целесообразным ограничить показатели максимумом, характерным для других городов и прежде всего для Петрограда: 1 тыс. рабочих на 15 предприятиях.

В некоторых случаях упоминается также кратковременная первомайская забастовка на заводе акц. общества «Зингер» в Подольске Московской губ.⁷⁵ Но отнесение этой стачки к числу первомайских — типичная ошибка. Московский губернатор в донесении от 8 мая 1915 г. писал: «Забастовок, связанных с прекращением работ 1 мая во вверенной мне губернии не было, день прошел обычным порядком рабочего дня и лишь на заводе Зингера рабочие, по соглашению с администрацией, прекратили работу ранее на 1 1/2 часа. На некоторых заводах и фабриках рабочие отсутствовали вследствие объявленных ранее забастовок на экономической почве и в этом случае празднования рабочими 1 мая не наблюдалось»⁷⁶. Кроме того, в ЦПР 1 мая прошли небольшие

стачки в Костроме в типографиях Галина (22 стачечника) и Ритгера (4 из 44), на Сормовском заводе Балахнинского уезда Нижегородской губ. (34 стачечника из 12350 рабочих) и в Твери на механическом заводе т-ва А.И.Зверинцева (166 чел.)⁷⁷.

Впервые во время войны проявили политическую активность рабочие Среднего и Нижнего Поволжья. В Самаре первомайские стачки в 1915 г. были организованы рабочими фабрики металлических и штамповочных изделий «А.В.Алексеевский, Г.А.Зимина и К^о» (44 стачечника из 426 рабочих) и 6 типографий⁷⁸. В общей сложности в первомайских стачках в Самаре приняли участие 178 рабочих 7 предприятий. 4 небольших первомайских стачки прошли в Саратове и Саратовской губ.⁷⁹ В общей сложности в них приняли участие 65 рабочих.

Несколько небольших частичных первомайских стачек прошли в Ростове-на-Дону и в Нахичевани: на заводе Донского акц. общества не явилось на работу 53 и на чугунолитейном заводе Марченко — 23 чел. Как сообщал Ростовский-на-Дону градоначальник, «кроме того, в некоторых других предприятиях в этот же день [1 мая] не явились на работы 10 чел.»⁸⁰. Таким образом, здесь были захвачены первомайскими стачками по крайней мере 3 предприятия, а количество участников составило 86 чел.

С определенной долей условности одну из стачек в Сибири можно отнести к числу первомайских. В телеграмме из Иркутска сообщалось: «Первой мая [во] всем районе покойно. Только [на] копиях близ Черемхово не работали»⁸¹. Рабочие Ивано-Матвеевских копей в п. Касьяновка близ Черемхова Ангарского горного округа (Иркутская губ.), придя на работу в 5 1/2 часов утра, заявили, что «в этот день они желают отдохнуть, и ушли с работ, второго мая на работы явились все рабочие»⁸².

В 1915 г. первомайские стачки прошли также в Прибалтике, на Украине, на Кавказе, в Казахстане.

Из Риги было несколько сообщений. В первом говорилось, что 18 апреля 1915 г. «все крупные фабрики и заводы работали. Были лишь частичные забастовки мелких предприятий»⁸³. В донесении же Лифляндского губернатора от 20 апреля сообщалось: из 50 тыс. рабочих на 324 фабриках и

заводах в подобных промышленных предприятиях в г. Риге забастовали (18 апреля, т.е. по случаю Первомая. — Ю.К.) всего 403 рабочих: «на сапожной фабрике Кропмана (все 70 чел.), на сапожной фабрике «Меркурий» (205 из 220), на фабрике обуви Миндлина (20 из 57), на обувной фабрике «Буффало» (48 из 150), на заводе акц. общества «Люкс» (60 из 110)⁸⁴. Всего, таким образом, было 5 стачек с 403 участниками.

На Украине первомайские стачки состоялись в Харькове на керамическом заводе т-ва Бергенгейма (334 стачечника из 646 рабочих), чугунолитейном и машиностроительном заводе Н.Ф.Дитмара (160 из 189) и в трех типографиях — Дрейшпуля, Калугина и «Просвещение» (24 из 77; 12 из 19 и 13 из 35)⁸⁵. В уездных городах, по сообщению харьковского губернатора, день 1 мая прошел спокойно⁸⁶.

Одна первомайская стачка была зафиксирована в Закавказье. Речь идет о рабочих типографии грузинского издательского т-ва в Тифлисе. «Из других местностей края, — отмечалось в донесении канцелярии наместника на Кавказе от 27 мая 1915 г., — подобных сведений не поступало»⁸⁷.

На угольных коях Киргизского горного общества в Экибастузе Павлодарского уезда Семипалатинской обл. день 1 мая 1915 г. отметили забастовкой 67 военнопленных⁸⁸.

Здесь нельзя не упомянуть и о попытках отдельных групп рабочих организовать первомайские выступления, которых, вероятно, предпринималось немало. Согласно данным Балахнинского уездного исправника Нижегородской губ., на сормовских заводах А.Ф.Сорокин, крестьянин Ф.М.Шишкин и В.П.Шишкин уличались «в агитации в арматурно-снарядном цехе по снятии рабочих с работ 1 сего мая» и были арестованы⁸⁹.

Первомай в 1915 г. впервые в годы войны поднял одновременно отдельные группы рабочих в различных регионах страны. Правда, в стачках обычно принимала участие лишь небольшая часть рабочих предприятия, что объяснялось условиями военного времени и опасением отправки за участие в стачке в действующую армию.

Остановимся теперь на выступлениях рабочих Москвы в конце мая 1915 г., вызванных обострившимися антинемец-

кими настроениями. Представляется безосновательным причислять забастовки в дни погромов магазинов и контор предприятий, владельцами которых были немцы, к числу стачек протеста против таких погромов, как это делается в некоторых изданиях. Так, в хронике «Стачки в России в 1914 – феврале 1917 г.» (Ч. 1. С. 133, 139-140), наряду с правильным определением характера стачки на ситценабивной фабрике А.Гюбнера 26 мая как «политического (шовинистического)» и стачки на Прохоровской Трехгорной мануфактуре 28-29 мая – как экономического (отчасти шовинистического) выступлений характер 9 стачек 29 мая на котельном заводе Бари, трубопрокатном заводе Гана, машиностроительном заводе Гутмана, заводе Дангауэра и Кайзера, рессорном заводе Мохова, заводе акц. об-ва «Поставщик», котельном заводе Смита, типографии Сытина, химическом заводе Шеринга* определен как «протест против погрома в Москве», что неправильно. Все стачки 29 мая (и в предшествовавшие дни) организовывались и проводились для выражения протеста против «немецкого засилья», а нередко и для участия в погромах магазинов, складов, контор предприятий, принадлежавших лицам с немецкими или австрийскими фамилиями. Проверка ссылок, которые были сделаны в предшествовавшей литературе (ЦГАОР СССР. – ныне ГА РФ. Ф. 63. 1915 г., Д. 1325. Л. 278; Д. 1327. Л. 24-26), показала, что «стачек» 29 мая было не 9, а гораздо больше, но все они были связаны с волной антинемецких настроений. Только в одних случаях дело ограничивалось прекращением работы, а в других – участием также в манифестациях, а нередко и в погромах.

Московский градоначальник доносил по начальству 10 июля 1915 г.: «На почве раздражения применяемым германцами и австрийцами способом ведения войны, а также в связи с возникшими на Прохоровской мануфактуре острожелудочными заболеваниями, которые народная молва приписывала отравлению немцами питьевой воды, возникли серьезные беспорядки». Начались столкновения женщин, выполнявших заказы на пошивочные работы, с принятой ими за

* В стачках на этих 9 предприятиях участвовали по крайней мере 1,5 тыс. человек.

немку заведующей мастерской, которая якобы «отняла у них работу», передав ее австрийской фирме. К тому же она производила «оскорбительные для российской армии выражения». На фабрике Гюбнер рабочие, прекратив работу, потребовали удаления с фабрики всех лиц германского происхождения.

Далее градоначальник писал: «27 мая манифестации охватили большую часть московских окраин, и к вечеру этого дня толпа, насчитывавшая от 8 до 10 тыс. человек, ворвалась во двор, а затем и в контору фабрики Циндель, где убила управляющего фабрикой, пытавшегося оказать ей сопротивление. Той же толпой были произведены беспорядки на фабрике Шрадера и других фабриках и заводах, причем убито еще четыре человека и избито несколько чинов полиции. 28 мая забастовали все рабочие Москвы и начался в центральных частях города погром немецких магазинов, постепенно охвативший почти весь город». В погроме вначале принимали участие и некоторые интеллигентные лица, причем имущество разбиваемых магазинов и контор уничтожалось без расхищения, но к вечеру и настроение толпы, и состав ее значительно изменились, — начался грабеж, в котором участвовали женщины и подростки. «Во многих случаях ограбленные помещения поджигались. Разбитие водочной фабрики Шустера и винных погребов еще более озверило толпу, которая начала уже врываться в частные квартиры, разыскивая немцев и уничтожая их имущество. Поджоги, грабежи, буйство продолжались всю ночь с 28 на 29 мая, и только утром этого дня погром был прекращен совместными усилиями полиции и войск с применением оружия, так как в некоторых местах толпа проявила попытки строить баррикады».

В ходе столкновений пострадало несколько чинов полиции, а со стороны участников беспорядков были убиты 6 и ранен 31 человек. «Враждебного правительству характера действия толпы не имели, сцены разрушения нередко сопровождались пением гимна и “Спаси, Господи”, а отдельные попытки связать в глазах толпы немецкое засилье с действиями некоторых представителей революционных партий остались безуспешными»⁹⁰.

Показательно, что в материалах фабричной инспекции за май и июнь 1915 г. вообще ничего не говорится о стачках,

манифестациях и беспорядках на различных предприятиях в Москве 26-29 мая 1915 г. Лишь в отчете за июнь имеется следующее косвенное упоминание об этих событиях в том месте, где говорится о забастовке 362 рабочих кондитерской и макаронной фабрики Г.Л.Динг, потребовавших прибавки жалованья и «уплаты за 3 дня прогула, вызванного разгромом кондитерского отделения фабрики во время происхождения в Москве беспорядков»⁹¹.

Не следует сбрасывать со счета и прямые указания на то, что в мае — июне 1915 г. были довольно сильны «анти-немецкие настроения рабочих», связанные с «немецким за-сильем». По агентурным данным, уже после событий конца мая в чайных и трактирах Тверской части Москвы «между рабочими был такой разговор: по отношению бывшего погрома некоторые высказывали сожаление, что из-за немцев пострадали русские торговые предприятия и иностранцы ненемецкого происхождения; некоторые высказывали порицание правительству и администрации за то, что в Москве есть много немцев и немецких предприятий, и высказывались, что если немцы будут и дальше находиться в Москве, то будет еще погром...»⁹².

Об этом же свидетельствует и донесение начальника Тверского ГЖУ от 9 июня 1915 г., где говорилось: «Среди рабочих на фабриках Тверского района, особенно на Морозовской, происходит, пока в весьма скрытой форме, брожение на почве неудовольствия, что на некоторых из этих фабрик, продолжают оставаться на службе немцы. Брожение это... легко может вылиться в немецкие погромы, могущие распространиться на город и окрестности»⁹³. Сходные настроения рабочих были зафиксированы полицией на Сормовском заводе Нижегородской губ.. Трубочном заводе Столь Воронежской губ., на предприятиях Ярославской губ.⁹⁴

Среди требований 1600 рабочих верфи Путиловского завода в Петрограде, предъявленных 19 августа 1915 г., было и такое: «...3) удалить германских и австрийских подданных, перешедших в русское подданство...»⁹⁵. (Двумя же днями ранее имел место разгром «возбужденной толпой» булочной по Клинскому пр. швейцарца Ю.Мюллера, принятого за германского подданного)⁹⁶. Открытое возмущение рабочих

представителями администрации немецкой и австрийской национальности были отмечены в мае — июне 1915 г. и на ряде предприятий юга России в мае — на Лидиевском руднике и на Сулинском заводе, в июне — на Петровском заводе⁹⁷. Два последних предприятия относились к числу металлургических. Вероятно, было бы неправильно абсолютизировать участие рабочих в московских погромах, но данные о стачках протеста против них отсутствуют. В то же время антинемецкие настроения были достаточно распространенными, причем не только в Москве.

Имеются и другие свидетельства активного участия рабочих в антинемецких погромах в Москве. Так, академик А.Соболевский писал 16 июня 1915 г., т.е. примерно через две недели после московских событий: «Никогда больше, как теперь, не чувствовались значение и сила внутреннего немца. Погром немцев и евреев в Москве, конечно, не без праздного и излишнего насилия. Но если мы чувствуем внутреннего немца, то как должны его чувствовать рабочие, работающие под его руководством и видящие результаты этого руководства... Градоначальник Адрианов был одним из покровителей... внутреннего немца. Понятно раздражение рабочих, понятен и их самосуд»⁹⁸.

Июнь и август 1915 г. были отмечены волной стачек протеста против применения властями оружия для подавления выступлений рабочих в Костроме и Иваново-Вознесенске. 5 июня, в пятницу рабочие костромской фабрики т-ва Большой льняной мануфактуры, выдвинувшие несколькими днями ранее требование прибавки 2 руб. квартирных денег (как это было сделано на фабрике Зотова), явились за ответом и, не согласившись на условия администрации, заявили, что «на работу не встанут»⁹⁹. Выйдя с фабрики, забастовщики пошли на соседние фабрики Бельгийского об-ва и Зотова «с целью снять с работ рабочих этих фабрик». Это удалось сделать на первом предприятии (здесь были сняты все рабочие — около 1000 чел.). У фабрики Зотова, выполнявшей военные заказы, толпа, в которой было «много женщин и подростков»¹⁰⁰, встретила наряд полиции и стражников, «но ворвалась на эту фабрику сквозь сломанные задние ворота». Здесь 9 рабочих были арестованы. Как телеграфировал

6 июня в Петроград губернатор, возле фабрики Зотова толпа «стала себя вести агрессивно». «Часть мостовой была разобрана, по-видимому, для цели нападения». Рабочие требовали освобождать арестованных, в чем им было категорически отказано. «Для охраны завода вызвал роту, — сообщал губернатор. — Около девяти вечера толпа значительно увеличилась, стала бросать камнями в стражников. Приказано было разогнать толпу нагайками. Толпа повалила телеграфный столб, устроила баррикаду и не поддалась. Тогда стражникам было приказано произвести залп. Толпа рассеялась». Пятеро рабочих были убиты и 9 ранены. Из чинов полиции 17 человек получили легкие ушибы¹⁰¹.

Эти действия властей вызвали протесты со стороны рабочих прежде всего фабрики Зотова, а также нескольких типографий. Как отмечала фабричная инспекция, «8 июня бастовали полдня 1338 (из 1557) рабочих прядильной фабрики т-ва бр. Зотовых в виде протеста против применения оружия»¹⁰². В телеграмме губернатора сообщалось: «...Забастовка в типографиях длилась лишь один день и имела характер политического протеста против бывшей 5 июня стрельбы»¹⁰³. Бастовали рабочие 6 типографий. В 4 из них бастовали 83 рабочих¹⁰⁴. Другие отклики последовали несколько позднее.

Что касается организаторов и партийного руководства этой стачкой, то на этот счет имеются данные губернатора и начальника ГЖУ. В телеграмме губернатора отмечалось, что «все принуждавшие к забастовке, в числе семи человек, арестованы (скрылся лишь один человек Симковский), причем выясняется, что они, по-видимому, руководили забастовками на фабриках и почти все состояли в составе правления костромского профессионального общества печатного производства, которое мною по этому поводу закрыто»¹⁰⁵. В докладе начальника Костромского ГЖУ от 25 июня 1915 г. прямо указывалось на связь организаторов стачки, в частности членов профсоюза, с местными социал-демократами: «Лица местной с.-д. группы, входившие в состав “Профессионального общества рабочих печатного производства”, создали забастовку печатников в виде протеста против при-

менной полицией силы в столкновении с фабричными рабочими»¹⁰⁶.

10 августа 1915 г. в Иваново-Вознесенске произошли события, аналогичные костромским: с целью подавления поднявшихся на стачку рабочих вновь было применено огнестрельное оружие: 30 рабочих были убиты и 53 ранены¹⁰⁷. Этот факт получил широкую огласку. 11 августа в городе по этому поводу бастовало 25182 рабочих¹⁰⁸. В материалах фабричной инспекции за август 1915 г. читаем: «Наибольшее число забастовок политического характера имело место во Владимирской губ., на фабриках и заводах г. Иваново-Вознесенска, где в этих забастовках приняли участие 32 предприятия, преимущественно по обработке хлопка... Мотивом забастовок выставлялся протест против войны, причем создавались они небольшими группами рабочих, насильственно снимавшими остальных рабочих с работ, общая масса рабочих не только не сочувствовала этим забастовкам, но оказывала противодействие руководителям последних; это видно из того факта, что фабрики в большинстве случаев прекращали работу не добровольно, а под влиянием принуждения со стороны незначительных групп забастовщиков, причем во многих случаях дело доходило до столкновения их с желающими работать. Большинство этих забастовок начались 10 августа и продолжались от 1/4 дня до 3 дней. 12 августа большая часть принимавших участие в забастовках предприятий работали уже нормально. Из особых обстоятельств, сопровождавших течение этих забастовок, надлежит отметить применение военной силы против толпы забастовщиков, в результате чего среди рабочих были убитые и раненые... Забастовки эти не сопровождались предъявлением каких-либо экономических требований со стороны рабочих и имели, как отмечено выше, демонстративно-политический характер¹⁰⁹. В одном из писем, отправленных из Иваново-Вознесенска 16 августа в Москву, отмечалось, что забастовка в городе, «стоившая жизни и здоровью сотне людей, продолжалась два дня. Забастовка происходила на политической почве: "Долой" и т.п.». Забастовки сопровождались митингами и выступлениями ораторов¹¹⁰.

17, 18, 19 и 20 августа в знак протеста против произвола властей в Иваново-Вознесенске и Костроме бастовали также рабочие многих предприятий Петрограда. В «Ведомости о происшествиях по г. Петрограду» отмечалось, что утром 17 августа в одном из отделений завода «Айваз» 933 рабочих, «прекратив работу, собрались на сходку, продолжавшуюся несколько минут, на которой решили забастовать до полудня 18 августа с целью выразить протест по поводу стрельбы в рабочих в Иваново-Вознесенске и Костроме, после чего разошлись по домам»¹¹¹. В 8 часов вечера прекратила работу ночная смена того же завода в количестве 1000 чел., «не объясняя мотива забастовки. По предположению, причиной ее послужили события в Иваново-Вознесенске и Костроме»¹¹². Всего в течение дня 17 августа бастовало 7482 рабочих 9 предприятий¹¹³. 18 августа по тому же поводу бастовали 9600 рабочих 15 фабрично-заводских предприятий, а «бастовавшие накануне... приступили к работам»¹¹⁴. 19 августа «с целью выразить протест по поводу событий в Иваново-Вознесенске и Костроме прекратили работы рабочие 6 фабрично-заводских предприятий в числе 3327 человек. Бастовавшие накануне рабочие приступили к работе»¹¹⁵. В материалах фабричной инспекции назывались 12 конкретных предприятий, на которых бастовали 13347 рабочих¹¹⁶. Однако перечень предприятий заканчивался словом «и проч.», что указывает на его неполноту.

В приведенных нами данных за 17, 18 и 19 августа в перечне охваченных забастовками предприятий нет повторов, из чего можно заключить, что в стачках в Петрограде в указанные дни участвовали 20409 рабочих с 30 предприятий¹¹⁷.

В Сборнике «Социал-демократа» за 1916 г. относительно реакции рабочих на применение против их товарищей в Иваново-Вознесенске огнестрельного оружия сказано: «До рабочих известие об избиении пришло значительно позднее и вызвало протесты и стачки. Стаечная волна прошла по всей России, но писать об этом не полагалось. Крупные стачки были в Питере, Нижнем Новгороде, Сормове, Туле, Харькове, Екатеринославе и Москве. Все в значительной степени были вызваны событиями в Иваново»¹¹⁸. Однако

подтверждение находят только данные о стачке в Петрограде, но тем не менее широко используются в литературе.

Почти одновременно в Петрограде прошла стачка, которая стала как бы предвестником крупной волны сентябрьских политических стачек в поддержку Государственной думы. Согласно донесению Петроградского градоначальника, утром 19 августа 1915 г. 1600 рабочих верфи Путиловского завода, не приступая к работе, «стали группироваться на дворе завода. Несмотря на все увещания администрации, мастеровые заявили, что они не приступят к работам впредь до удовлетворения следующих их требований; 1) освободить из ссылки пять членов Гос. думы; 2) продлить деятельность Гос. думы; 3) удалить германских и австрийских подданных, перешедших в русское подданство; 4) призвать (в армию) полицию из внутренних городов России и заменить ее инвалидами и теми лицами, которые неспособны идти на поле брани; 5) свобода печати; 6) всеобщее избирательное право до 18-летнего возраста включительно и 7) убрать казаков, охраняющих завод». После этого рабочие «спокойно разошлись» и лишь после обеда, ознакомившись с объявлением дирекции, приступили к работе¹¹⁹.

Однако напряженность продолжала нарастать и к тому было несколько причин. 29 августа — 2 сентября полиция произвела в Петрограде аресты партийных работников (лишь на Путиловском заводе были арестованы 23 большевика, 1 меньшевик, 6 эсеров)¹²⁰. 3 сентября была распущена (до февраля 1916 г.) Государственная дума. В итоге указанные аресты и роспуск Думы явились поводом для новых выступлений рабочих.

31 августа полдня бастовали 250 рабочих лафетно-сборочной мастерской Путиловского завода в знак протеста против ареста рабочих¹²¹. 2 сентября забастовали рабочие уже всего Путиловского завода (19366 чел.) и Путиловской верфи (3213 чел.). При этом рабочие верфи в определенной мере повторили ранее выдвинутое требование возвращения пяти социал-демократических депутатов Думы, выразили протест против ее роспуска, а также против ареста рабочих-путиловцев. Здесь уместно сказать о смысле протестов рабочих против роспуска Государственной думы. Как отмечалось в докладе московского губерна-

тора в МВД, «вследствие роспуска Государственной думы и бывших забастовок в Москве и Петрограде настроение населения, в особенности рабочих, было крайне тревожным; по мнению последних, правительство тяготеет к фабрикантам и заводчикам, и только Государственная дума входит в их (рабочих) нужды и желала бы облегчить их положение...»¹²². Были и такие группы рабочих (частично в Екатеринославской губ.), которые, относясь к Думе безучастно и не понимая смысла и значения ее работы, тем не менее бессознательно считали, что «существовать Дума должна и что так будет лучше». Вместе с тем было и немало рабочих, прислушивавшихся к голосам левых депутатов и питавших иллюзии относительно улучшения условий труда с помощью Думы¹²³.

Как доносил петроградский градоначальник, 2 сентября «в виде протеста против роспуска Гос. думы и ареста в ночь на 30 августа с.г. рабочих некоторых заводов, возникла забастовка на Путиловском заводе, в которой приняло участие около 20000 чел. рабочих. 3-го сентября к ним присоединился Выборгский район рабочих, причем число бастовавших достигло 45 тыс. 4 сентября общее число бастовавших рабочих увеличилось до 65 тыс. чел. В течение двух дней (3-го и 4-го) работы не производились в 62 предприятиях, изготовлявших заказы Военного ведомства»¹²⁴.

Со второй половины дня 2 сентября, согласно «Ведомости о происшествиях по г. Петрограду», начались забастовки «с целью выразить солидарность с забастовавшими рабочими Путиловского завода». Рабочие чугунолитейного и котельного завода Г.А.Лесснер (4000 чел.) и металлического завода (7000 чел.), собравшись вечером на кратковременные митинги, приняли решения выразить протест против ареста рабочих и с 3 сентября не производить работы. 3 сентября в течение дня работы прекратили рабочие Путиловской верфи и 34 фабрично-заводских предприятия. Общее число стачечников на этих предприятиях составило 35760 чел. Расходившиеся по домам рабочие завода Лесснер запели революционную песню. В чинов полиции, потребовавших прекратить пение и разойтись, было брошено несколько камней. Камнем был нанесен «тяжкий ушиб» городовому. В ответ последовало 5 выстрелов, одним из которых был ранен рабочий.

4 сентября на Путиловском заводе и верфи производились расчет забастовщиков и одновременно новый набор рабочих. Вследствие этого в некоторых мастерских работы возобновились. Как сообщалось в «Ведомости о происшествиях по г. Петрограду», «в течение дня, из числа бастовавших накануне (рабочих 36 предприятий общим числом 35760 чел.) приступили к работам рабочие 8 фабрично-заводских предприятий в числе 2500 чел. и прекратили работы рабочие 32 предприятий в числе 22270 чел. Общее количество бастующих достигает 70000 чел.» Как сообщалось, в том же источнике, «несколько произведенных в течение дня попыток собраться в толпу и запеть революционную песню были немедленно же прекращены нарядом полиции»¹²⁵.

5 сентября главным начальником Петроградского военного округа было издано постановление об ответственности забастовщиков за самовольное прекращение работ. Постановление оказало воздействие на рабочих. В тот день приступили к работе около 60 тыс. чел. (на Путиловском заводе и верфи вновь было принято на работы свыше 10 тыс. чел.)¹²⁶. Таким образом, количество бастовавших 5 сентября сократилось примерно до 10 тыс. чел. Всего же в Петрограде в начале сентября бастовали 70 тыс. рабочих с 60 предприятий.

В первой декаде сентября 1915 г. стачки в знак протеста против роспуска Думы прошли и в Москве. В материалах фабричной инспекции отмечалось: «В Москве на той же почве (протест против роспуска Государственной думы. — Ю.К.) бастовали в отчетном месяце рабочие 76 предприятий в количестве 22092 чел. (Стачки) происходили с 4 по 9 сентября и продолжались от 1/2 до 3 дней»¹²⁷. Эти показатели вошли в литературу¹²⁸. Однако эти данные, видимо, неполны. В «Справке по г. Москве», рассылавшейся от имени министра внутренних дел говорилось: «Рабочее движение выразилось в забастовке 5 сентября на 31 предприятии с 17794 рабочими, и, кроме того, забастовали 200 рабочих Центральной электрической станции, вследствие чего прекратилось трамвайное движение. Забастовка эта, как протест против роспуска Государственной думы, протекала спокойно, по числу бастующих к 6 числу увеличилась до 30 тысяч»¹²⁹. Согласно полицейским данным, 3 сентября бас-

товали рабочие 9 предприятий, 4 сентября – 29, 5 сентября – 61 и 7 сентября – 10. Всего в перечне было названо 109 предприятий¹³⁰.

В Москве, по данным «Хроники», 3 сентября по поводу роспуска Думы бастовали 58,7 тыс. рабочих 162 предприятий¹³¹. Эти цифры заметно выше тех, которые приводятся в полицейских документах, а данные нелегальной печати и по Петрограду, и по Москве (соответственно 150 тыс. и 90 тыс.)¹³² в еще большей мере превосходят наши подсчеты. Но в интересах сопоставимости мы будем пользоваться, как и в других аналогичных случаях, суммарными показателями официальных источников.

В письме Н.Строева из Москвы от 6 сентября 1915 г. дается следующая характеристика возникшей ситуации, причин стачки и состав ее участников: «У нас в Москве забастовки со вчерашнего дня; все трамваи стоят, булочные и типографии бастуют, железные дороги тоже начинают бастовать, а также большая часть фабрик не работает. Вот что натворил полоумный Горемыкин. Мы все находимся в нервном состоянии...»¹³³.

Кроме Петрограда и Москвы, небольшие стачки по поводу роспуска Думы прошли 11 сентября в Нахичевани области Войска Донского. В материалах фабричной инспекции за сентябрь 1915 г. отмечалось: «В Донской области по мотивам неэкономического характера бастовали рабочие чугунолитейного завода Е.А.Гушнера в г. Нахичевани-на-Дону (бастовали 1/3 дня 42 рабочих) и завода сельскохозяйственных машин Донского акц. об-ва в Нахичевани-на-Дону (бастовали 1 день 78 рабочих). Обе эти забастовки не сопровождались предъявлением со стороны бастовавших каких-либо требований и являлись результатом повышенного настроения среди рабочего населения вследствие призыва ратников ополчения 2-го разряда и роспуска Государственной думы»¹³⁴. В некоторых местах (напр., в Донбассе), как отмечала полиция, во время заседаний и после внезапного перерыва занятий Думы рабочие «заметно волновались», хотя до стачек дело не дошло¹³⁵.

При всех расхождениях данных различных источников о сентябрьских политических стачках они тем не менее дают

основание сказать о первой широкой волне политического движения рабочих. 1 мая 1915 г. в стране бастовали 21,4 тыс. рабочих (фактически несколько меньше) 120 предприятий в 16 городах. В первой половине сентября — 100,1 тыс. рабочих 169 предприятий (правда, лишь в 3 городах). «Социал-демократ» отмечал, имея в виду положение в Москве: «С роспуском Думы движение входит окончательно в политическое русло. Забастовка, возникшая стихийно, была поддержана организацией и рассматривалась как протест против общей политики правительства, как один из этапов борьбы, а не как поддержка Думы. Бастуют все более крупные металлические заводы. Собрания и шествия на многих фабриках..., брожение среди железнодорожников..., сдвиг, в сравнении с маем, громадный»¹³⁶. Сходную характеристику находим в корреспонденции, опубликованной в парижском «Призыве» — объединенном органе социал-демократов и социалистов-революционеров (под редакцией, в частности, Г.В.Плеханова): «Московская забастовка в связи с роспуском Думы несомненно носила характер предупреждения. Все данные говорят за то, что мы живем накануне большого массового движения»¹³⁷.

15-17 сентября 1915 г. в Москве прошли стачки рабочих нескольких предприятий, в знак протеста против действий полиции 14 сентября на Страстной площади. Поводом к этим событиям стала передача городовому раненого солдата, ехавшего в трамвае без билета. Во время столкновения у солдата нечаянно был сорван Георгиевский крест. Это вызвало озлобление наблюдавшей за стычкой толпы, которая стала защищать солдата. На помощь городовому пришло подкрепление, но и толпа увеличилась до 1000 чел. Солдат был вырван из рук полицейских. В завязавшемся столкновении 4 человека были убиты и свыше 40 ранены. Кроме того, были ранены 25 полицейских¹³⁸. Такой оборот дела вызвал стачки протеста. Они прошли на 11 предприятиях (по другим данным — на 17)¹³⁹. Общее количество их участников составило 5360 чел. (из этого числа две стачки с 350 участниками проходили на 9-й день после событий в память о погибших)¹⁴⁰.

В октябре 1915 г. по призыву Петербургского комитета РСДРП (впервые в годы войны прозвучал призыв к

«всеобщей политической стачке»)¹⁴¹, прошла стачка рабочих дневной смены (150 чел.) телеграфного и телефонного завода офицерской электротехнической школы в Петрограде в знак протеста против призыва на действительную службу ратников ополчения 2-го разряда с заводов «Феникс» и «Первайянен»¹⁴². Еще одна полигическая забастовка с участием 1900 рабочих прошла в октябре в Петрограде с требованием освобождения арестованных рабочих¹⁴³.

В последние месяцы 1915 г. прошли еще несколько стачек политического характера. 9 ноября 4 из них имели место в Саратове и были связаны с участием в перенесении на пассажирский вокзал тела скончавшегося члена II Думы В.Б.Ломтатидзе, ранее осужденного правительством за общественную деятельность¹⁴⁴.

В декабре 1915 г. имела место лишь «одна забастовка политического характера, происходившая в Петрограде на Полостровском заводе акц. об-ва «Промет»: бастовали 1 день 958 рабочих в виде протеста против запрещения собрания рабочих на заводе для выслушивания доклада рабочего, избранного в военно-промышленный комитет»¹⁴⁵.

В заключение приведем показатели, полученные на основе ежемесячных обзоров стачек фабричной и горной инспекциями (см. прил. 3, табл. 7).

По крайней мере 21 стачка из 215, или 10%, зачисляемых по формальному признаку в классово-политические, к такому не относятся. Количество участников этих стачек равнялось 8 тыс. чел. Это составляло всего несколько процентов от приводимой обычно цифры, но в данном случае дело в более строгом и четком подходе и исправлении переходящих из работы в работу ошибочных показателей.

В феврале две стачки в Москве прошли «с целью празднования дня освобождения крестьян» и две стачки в Коломне с целью удаления расценщика и в знак солидарности. В марте все стачки были связаны со взятием русскими войсками Перемышля. В сентябре прошли 3 забастовки в знак солидарности с рабочими, желавшими добиться повышения зарплаты. В октябре в Самарской губ. в знак солидарности с товарищами бастовали рабочие 7 типографий. В ноябре имели место стачка на заводе в Нахичевани с требованием уда-

ления с завода военнопленных, а также стачка в Петрограде в знак протеста против призыва в ряды армии 7 чел. из числа принимавших участие 7 ноября в забастовке.

* * *

«1916 год в смысле рабочего движения был временем более живым, чем первые I 1/2 года», — вспоминал один из активистов рабочего движения Петрограда¹⁴⁶. Достаточно широко была отмечена 11-я годовщина «Кровавого воскресения». Правда, выступления рабочих приходились в основном на столицу. Большевики и эсеры-интернационалисты выпустили к этой дате листовки с призывом к забастовкам и демонстрациям¹⁴⁷. Меньшевики-оборонцы были против стачки по принципиальным соображениям, а меньшевики-интернационалисты считали целесообразным беречь силы для предстоящих более крупных выступлений.

Сбор и учет данных о стачках и других выступлениях рабочих по случаю годовщины 9 января облегчается составленной Охранным отделением ДП МВД подборкой документов. Сохранилось специальное дело «О праздновании 9 января» в 1916 г.¹⁴⁸, представляющее собой сводку сведений, полученных от губернаторов, начальников местных жандармских управлений и полицмейстеров. В Петрограде «9 января с утра прекратили работу рабочие 50 фабрично-заводских предприятий и типографий в числе 57000 чел.»¹⁴⁹. Видимо, со второй половины дня количество бастующих увеличилось, и по данным охранного отделения всего в этот день и по указанному поводу бастовало 66767 рабочих 55 предприятий¹⁵⁰.

Составители публикации «Рабочее движение в Петрограде в 1912-1917 гг.» дополняют эти данные, ими приводятся сведения о стачках рабочих на сапожной фабрике Столярова (300 стачечников) и на чугунолитейном заводе Эссенсона (35), а также о стачке рабочих т-ва обработки волокна (65)¹⁵¹. Таким образом, общее число предприятий увеличивается до 58, а количество участников до 67167 чел.

По данным корреспонденции «Политическая стачка 9 января» в Петрограде, опубликованной в «Социал-демократе», «общее количество стачечников 9 января в Питере было около 100 тыс. рабочих»¹⁵². Однако эта цифра скорее всего завышенная, на что обратили внимание и составители сборника «Рабочее движение в Петрограде в 1912-1917 гг.»¹⁵³

9 января 1916 г. стачки имели также место в Москве, Ревеле, Харькове (на паровозостроительном заводе). В литературе приводились сведения о том, что в Москве в 1916 г. в связи с годовщиной 9 января, «по неполным данным, бастовало 31 тыс. человек»¹⁵⁴. Однако эти данные, не подкрепленные ссылкой на источник, являются необоснованными и завышенными.

Годовщина суда над депутатами была отмечена лишь в Москве на заводе моторов «Сальмсон», где 12 февраля бастовали все 200 рабочих. Здесь следует иметь в виду, что пролетарский Петроград в это время был отвлечен выступлениями в поддержку рабочих Путиловского завода, получивших расчет. Дело в том, что 4 февраля 1916 г. 230 рабочих электрического цеха Путиловского завода, прекратив работу, предъявили администрации требование об увеличении заработной платы на 70%. Дирекция объявила о том, что готова рассмотреть вопрос о повышении зарплаток, но лишь тем, кто получал менее 100 руб. в месяц. Одновременно было вывешено объявление главного начальника Петроградского военного округа Туманова, приглашавшее стачечников приступить к работе. Но к вечеру 5 февраля работы были прекращены почти во всех мастерских за исключением тигельной, прокатной, прессовой, мартеновской и кузнечной, обслуживавшихся 750 рабочими (всего же на заводе насчитывалось 21 тыс. рабочих).

В связи с этим завод по приказу Туманова был закрыт, а рабочие рассчитаны. В ответ на эти действия властей рабочие многих предприятий столицы стали устраивать сходки и выражать солидарность с путиловцами. Одновременно велась агитация за устройство в ближайшие дни всеобщей забастовки протеста против действий властей¹⁵⁵. За стачку-протест вели агитацию ПК РСДРП и социалисты-революционеры¹⁵⁶.

На некоторых предприятиях такие стачки прошли уже 29 февраля. Согласно докладу начальника Петроградского охранного отделения от 1 марта 1916 г., в течение дня бастовали 33854 рабочих 29 предприятий столицы, а 3 марта — 20890 чел.¹⁵⁷ В литературе приводились и более значительные показатели. Так, в сб. «Рабочее движение в Петрограде» отмечалось: «29 февраля — 3 марта. Стачка солидарности с бастующими путиловцами рабочих 39 предприятий в количестве более 48000 человек». В других случаях, со ссылкой на официальные данные, приводились и еще большие цифры: 57,5 тыс. стачечников на 42 предприятиях¹⁵⁸. По подсчетам И.П.Лейберова, в стачке 1-3 марта участвовало 73,1 тыс. рабочих 49 предприятий¹⁵⁹.

В начале марта 1916 г. в Москве прошли стачки протеста против военного суда над 25 рабочими и служащими городского трамвая — организаторами и руководителями забастовки в октябре предшествовавшего года. Этому способствовала деятельность МК РСДРП, который выпустил специальную прокламацию с призывом к всеобщей забастовке протеста. Хотя из-за арестов широкого выступления организовать не удалось, тем не менее 7 марта по этому поводу забастовали 3249 рабочих 7 предприятий. 8 марта к ним присоединились 700 рабочих типографии Сытина (200 рабочих этой типографии начали забастовку ранее на чисто экономической почве)¹⁶⁰. Таким образом, можно говорить о рабочих 8 предприятий, причем на 7 из них бастовало 3949 чел., хотя намерение забастовать 7 марта было и у рабочих некоторых других предприятий.

4 апреля 1916 г. в Петрограде, Москве, Витимском горном округе Иркутской губ. прошло несколько забастовок в память жертв Ленского расстрела 1912 г. Согласно данным Охранного отделения, в столице в этот день были прекращены работы на 5 предприятиях (8090 стачечников)¹⁶¹. Однако фабричная и горная инспекция указывали еще на 2 забастовки — на Русско-балтийском воздухоплавательном заводе (450 стачечников) и заводе Русского об-ва для изготовления снарядов и военных припасов, бывш. «Лесснер» (5200 стачечников)¹⁶². Таким образом, общие показатели по столице выглядят так: 7 стачек с 13740 участниками.

По поводу годовщины Ленских событий прошла стачка 140 рабочих кондитерской фабрики в Москве, причиной забастовки была, по определению полиции, «память Ленских событий»¹⁶³. Согласно телеграмме окружного инженера Витимского горного округа (Иркутская губ.) от 8 апреля 1916 г., «[В] годовщину четвертого апреля 1912 года рабочие Феодосиевского, Нижнего приисковых управлений Лензото, около 4000 человек, [по] примеру прежних лет не вышли [на] работы. [На] приисках Андреевского, Накаталинского управлений Лензото работы продолжались общим числом 1300 рабочих. Настроение рабочих спокойное, утром пятого работы пошли полным ходом»¹⁶⁴. В литературе, на основе сведений Главного приискового управления, констатируется, что горняки «Лензото» отметили 3-4 апреля 1916 г. 4-ю годовщину Ленского расстрела забастовкой, в которой приняло участие около 5 тыс. рабочих (без вспомогательных). В 8 приисковых управлениях из 6453 рабочих 3 апреля бастовало 1569 чел. и 4 апреля — 3256 чел.¹⁶⁵

Следующая волна политических выступлений пришлась на Первомай. Стачками он был отмечен скромно (в ряде мест были разбросаны прокламации социал-демократов и эсеров-интернационалистов, вывешены красные флаги)¹⁶⁶. Следует, однако, принять во внимание, что этот день в 1916 г. приходился на воскресенье. Возможно, по этой причине некоторые комитеты РСДРП призвали сконцентрировать усилия на проведении демонстраций. В листовке Петербургского комитета РСДРП «Первое мая» говорилось: «Пусть в этот день на всю страну, на весь мир прозвучат наши лозунги: Долой романовскую монархию! Долой позорящую человечество кровавую бойню! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует международная солидарность пролетариата и III Интернационала!»¹⁶⁷.

Имеется специальное дело ДП МВД «О праздновании 1 мая 1916 г.»¹⁶⁸, концентрирующее собранный с мест материал по данному вопросу. Фабричная и горная инспекция констатировала, что «весьма многочисленных обычно забастовок в день 1 мая в отчетном месяце не происходило, ибо 1 мая пришлось на нерабочий день (воскресенье)»¹⁶⁹. Начальник Волынского

ГЖУ в своем донесении от 27 апреля 1916 г. отмечал, что рабочие Житомира «решили в этом году день 1 мая не праздновать и вообще ничем не отмечать, основанием к тому выставляют: 1) совпадение дня 1 мая с воскресеньем, когда христианские учреждения не работают, а работают лишь еврейские и потому боязнь сосредоточить именно на еврейских рабочих репрессии... 2) боязнь особо сильных репрессий со стороны администрации ввиду нахождения г. Житомира в непосредственной близости к фронту»¹⁷⁰.

Тем не менее в отдельных местах первомайские стачки прошли, хотя их было немного, а количество участников — невелико.

В Петрограде была зафиксирована одна стачка на Северном механическом и котельном заводе (32 стачечника из 900 рабочих)¹⁷¹. В Москве в ночь на 23 апреля организация большевиков подверглась репрессиям. Первомайская прокламация за подписью группы социал-демократов была, правда, выпущена¹⁷². Поскольку 1 мая приходилось на воскресенье, большевики призывали рабочих перенести празднование на 2 мая, 30 апреля на некоторых предприятиях (военно-артиллерийском заводе при фабрике Цинделя, заводе «Динамо» и др.) была распространена прокламация Петербургского комитета большевиков. Охранное отделение вело усиленное наблюдение за 30-ю пунктами города, где были возможны первомайские выступления.

В Москве 1 мая «прошло совершенно спокойно, никаких демонстративных выступлений не было, все заводы, исполнявшие военные заказы, работали нормально. [По] случаю первого мая бастовали 35 рабочих (из 200) депо Брянских железнодорожных мастерских». 2 мая «прошло также совершенно спокойно. [По] случаю дня рабочего праздника бастовало 30 чел. Кошелечной мастерской Гвоздева»¹⁷³. Оба названных выступления квалифицируются как первомайские и в телефонных сообщениях в Охранное отделение за 1 и 2 мая 1916 г. Кроме того, этот же источник отмечал, что 2 мая 29 портных мастерской Логинова «после обеда, не предъявив никаких требований, на работу не явились» (но вышли на работу на следующий день)¹⁷⁴. Можно допустить, что так этой группой портных был отмечен Первомай.

Между тем в «Сводке телефонных сообщений полицейских надзирателей в Московское охранное отделение за 2 мая», опубликованной в сборнике документов «Первое мая в царской России» (С. 280), указываются 13 предприятий, не работавших в день 1 мая и где, как можно полагать, отмечался Первомай. Однако в этой «Сводке» лишь в одном случае (относительно кошелечной мастерской Гвоздева) сказано: «Рабочие по случаю 1 мая не приступили к работам». К этому выступлению можно добавить еще одно — «скрытое» (в мастерской Логинова). Во всех остальных случаях говорится о том, что рабочие выдвигали экономические требования, и бастовали нередко вплоть до 4 и 5 мая. То же самое следует сказать и по поводу перечня стачек в Москве 2 мая 1916 г., приведенного в комментариях к сборнику «Первое мая» (С. 324). Надо полагать, что именно на этом основании А.И.Уткин делает заключение: «...Наиболее значительным было выступление московского пролетариата. В Москве бастовало 9907 рабочих на 13 предприятиях»¹⁷⁵. Однако с этим согласиться нельзя. Из сказанного выше следует, что в Москве было 3 первомайских стачки (1 и 2 мая) с участием 104 рабочих.

В донесении начальника Ярославского ГЖУ об одной из стачек, имевшей место 18 апреля, говорилось: «...Описанный в п. 1 моего донесения от 30-го апреля... случай прекращения 18-го апреля работ на табачной фабрике “акц. об-ва насл. Н.А.Вахрамеева” в г. Ярославле... носил чисто экономический характер, как выяснилось, никакого отношения к первомайскому дню по новому стилю не имел, ближайшим доказательством чего является то, что, прекратив работу, рабочие в числе 340 чел. по предъявлению требований о прибавках на дороговизну разошлись по домам, а к работам приступили спустя несколько дней, после сделанных правлением фабрики надбавок»¹⁷⁶.

Нельзя отнести к числу первомайских и стачку рабочих 1-го оружейного и 4-го снарядного цехов пермских пушечных заводов, как это сделано в сборнике документов «Первое мая в царской России» (С. 323) и в другой литературе¹⁷⁷. Рабочие этих цехов, как сообщал в МВД губернатор, считая этот день «очередным» гулевым воскресеньем (рабочие указанных заводов через два воскресенья на третье

на работы не выходили), «несмотря на выпущенное объявление администрацией заводов, что в это именно воскресенье они должны работать, прекратили работы в 10 часов утра и разошлись по домам»¹⁷⁸. Эта стачка не проходит как первомайская и в специальном сборнике документов о рабочем движении на Урале в годы войны¹⁷⁹.

Видимо, на тех же самых основаниях к первомайским причислялись стачки рабочих во Владивостоке¹⁸⁰, рабочих Усть-Катавского вагоностроительного завода в Уфимской губ., табачной фабрики общества «Комета» в Тифлисе¹⁸¹. Более того, некоторые авторы произвольно, без каких-либо оснований писали о волне первомайских выступлений. Так, в монографии М.В.Церцвадзе говорилось: «Рабочие, несмотря на меры, принятые властями, отметили первое мая (1916 г. — Ю.К.), в некоторых местах были организованы итальянские, а в других местах однодневные забастовки. Отдельные первомайские забастовки, имевшие место на фабриках и заводах и других предприятиях и на транспорте, перерастают в мощную волну стачечной борьбы по всей Грузии»¹⁸². Фактически же в Грузии в 1916 г. не было ни одной первомайской стачки.

Подобные безосновательные утверждения встречаются и в литературе об Урале. «В мае (1916 г. — Ю.К.) произошла 51 забастовка, в которых участвовали 21 тыс. чел., — пишет Л.С.Юдина. — Только 1 мая бастовали рабочие 13 заводов... 1 мая бастовали рабочие Пермского пушечного завода (Мотовилиха), рабочие Оренбурга, Перми, Миньярского, Невьянского, Верх-Исетского, Верхне-Туринского, Полазинского заводов, железнодорожных мастерских Екатеринбурга»¹⁸³.

То же самое следует сказать о стачках в Витебске и Орше, календарно приходившихся на 1 мая, и порой тоже причислявшихся к первомайским¹⁸⁴. Между тем в архивном документе, на который делается ссылка в связи с описанием стачки в Витебске, сказано: «...Рабочие сапожной механической мастерской... в числе 78 человек 18 минувшего апреля потребовали от владельцев... прибавки заработной платы, не получив ответа, прекратили работу и разошлись». 19 и 20 апреля забастовщики приступили к работе¹⁸⁵. Из этого описания следует, что к «первомаю» имел отношение лишь

один атрибут — дата забастовки — 18 апреля (1 мая по н.ст.), но в данном случае этот показатель являлся сугубо формальным. Составленная еще в 1925 г. на основании донесений местных ГЖУ сводка «происшествий» 1 мая 1916 г. подтверждает правильность нарисованной выше картины¹⁸⁶.

Крупная волна политических выступлений рабочих и прежде всего политических стачек приходится на октябрь 1916 г. В «Ведомости» забастовочного движения на промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекций, за октябрь 1916 г. сказано: «Забастовок политического характера в отчетном месяце было 119 с 138531 участником». Первое место здесь принадлежало Петроградской губ., где было зарегистрировано 115 забастовок с 138076 участниками. «Забастовки эти происходили в связи с имевшим место на Выборгской стороне беспорядками рабочих и с продовольственными затруднениями¹⁸⁷. В литературе отмечалось, что в основе этих выступлений лежало недовольство рабочих продовольственным положением и в связи с этим — политикой правительства и войной¹⁸⁸.

Приведем выдержки из полицейских документов о выступлении рабочих Выборгской стороны: «17 октября в 10 часов утра на минном заводе Русского об-ва изготовления снарядов и военных припасов..., где работает до 5000 человек, забастовала дневная смена в числе около 3000 чел. за исключением до 300 рабочих. Рабочие, выходя спокойно с завода на полотно Финляндской ж.д., запели «Марсельезу», но тотчас пение прекратили, увидя выдвинувшийся наряд полиции, и затем, не нарушая порядка, разошлись. В 4 часа забастовали рабочие чугунолитейного завода и стали выходить по Б.Сампсониевскому пр.в сторону к Флюгову пер., где по одной стороне расположен завод «Рено», а вся противоположная сторона... занята бараками 181-го пехотного запасного полка. Забастовщики направились к низкому забору высотой до 1 1/2 арш., отделяющему расположение полка от улицы. Вдоль всего забора стояли массы солдат и криками приветствовали рабочих, которые в свою очередь приветствовали солдат»¹⁸⁹.

Согласно донесению начальника Петроградского охранного отделения от 19 октября 1916 г., в этот день с утра не

приступили к работе 46957 рабочих 33 предприятий, а после обеденного перерыва вновь забастовали рабочие 11 предприятий (12168 стачечников). «Всего в течение дня бастовали 59125 чел. с 44 предприятий»¹⁹⁰.

Общая картина забастовочного движения в столице 17-19 октября 1916 г. выглядела так (см. прил. 3, табл. 8):

Но октябрьские выступления на этом не закончились. 23 октября состоялось заседание Петербургского комитета РСДРП. «Отметив возрастающую дороговизну жизни и обостренность продовольственного вопроса, Петербургский комитет решил выразить протест пролетариата однодневной стачкой на всех фабрично-заводских предприятиях г. Петрограда, приурочив время стачки к 26 октября, т.е. к дню суда над матросами Кронштадтской военной организации, дабы одновременно выразить протест и против суда над матросами». По сообщению охранки, «предполагалось устраивать митинги, на которых будут призывать рабочих к прекращению войны»¹⁹¹.

В связи с судом над 19 кронштадтскими матросами ПК РСДРП выпустил листовку, призывающую рабочих остановить заводы и фабрики «в знак союза революционного народа с революционной армией»¹⁹². Прямо противоположную позицию заняла комиссия по организации труда, существовавшая при меньшевистской рабочей группе ЦВПК. Она резко осудила предполагавшуюся забастовку, отметив, что вся ответственность за этот шаг ложится на «безответственных лиц и группы, призывающие к крайним формам рабочей активности в такой неудачный момент»¹⁹³.

В ответ на призыв ПК РСДРП с 26 октября в Петрограде начались забастовки, продолжавшиеся до 31 октября, когда работы всюду возобновились. Согласно справке о ходе октябрьских стачек, составленной для министра торговли и промышленности, картина забастовочного движения в эти дни выглядела следующим образом (см. прил. 3, табл. 9).

Таким образом, общее количество участников политических стачек в Петрограде в октябре 1916 г. (17-20 и 26-31) составило 132,9 тыс. чел., а число самих стачек — 110 (при этом, однако, следует иметь в виду, что в первой и второй октябрьских стачках часто принимали участие одни и те же

рабочие одних и тех же предприятий. Если в октябре 1915 г. около половины участников политических стачек выступали с протестом против разгона Думы, то октябрьская стачка 1916 г. в Петрограде не была прямо связана с деятельностью царского парламента.

Волна политических выступлений в самом конце 1916 г. спала, но движение продолжалось. Фабричная инспекция дала следующую характеристику политическим забастовкам в ноябре 1916 г.: «Забастовок неэкономического характера зарегистрировано всего 15 с 10877 участниками (из этого числа 14 забастовок с 10867 участниками происходили в Московской губ. и 1 забастовка с 10 участниками — в Саратовской губ.)».

В Московской губ. 19 ноября на некоторых предприятиях были приостановлены работы (от 1/2 до 1 дня) в связи со слухами о роспуске Думы, а также в виде протеста против отказа в публикации речей депутатов*. Данные о стачках в Москве и Московском уезде в поддержку Государственной думы выше показателей, приводимых в материалах фабричной и горной инспекции о подобных стачках в России в целом: 23 стачки с 16773 участниками против 15 стачек с 10877 участниками.

Здесь уместно заметить, что стачки в поддержку Государственной думы характеризовались и оценивались в литературе очень неопределенно. К. Воинова в своей статье-обзоре стачек в Москве и Московской губ. упоминает в ноябре одну лишь стачку (не заводе Михельсона) «для выражения сочувствия Гос. думе в борьбе с правительством»¹⁹⁶. В позднейшей литературе ноябрьские стачки в Москве в поддержку Думы вообще перестали упоминаться. Отдельные авторы в этой связи считали возможным писать, что политические стачки в ноябре явились якобы откликом московского про-

* По этому поводу, в частности, не работали 2500 рабочих машиностроительного завода бр. Бромлей, 1600 рабочих завода международной компании жатвенных машин в России, 1450 рабочих электромеханического и подковного завода т-ва «Износков, Зуккау и К⁰», 1368 рабочих мытищинского вагоностроительного завода, 1350 рабочих завода Доброва и Набгольца, 1061 рабочий снарядного и машиностроительного завода Л.А. Михельсона¹⁹⁴. К этим данным фабричной инспекции следует добавить данные «Телефонных сообщений» в Московское охранное отделение за 19 ноября 1916 г. о стачках в связи со слухами о роспуске Думы и в целях поддержания ее оппозиционного настроения¹⁹⁵.

летариата на октябрьскую политическую стачку в Петрограде¹⁹⁷, что неверно. Между тем, заявления во время стачек о поддержке Думы звучали не только осенью 1915 и в конце 1916 г., но и позднее — в годовщину «Кровавого воскресенья» в 1917 г.

В заключение обзора политических стачек в России в 1916 г. прокомментируем данные литературы, опирающиеся на помесячные сводки фабричной и горной инспекции (см. прил. 3, табл. 10).

Отсюда вытекает, что из причисляемых в литературе к участникам политических стачек 310300 рабочих 13,8 тыс. (4,4%) таковыми не являлись. Показательны в этом отношении некоторые стачки в августе. Как отмечала фабричная инспекция, «В Московской губ. 16 и 17 августа на некоторых фабриках и заводах приостановлены были работы в связи с объявлением Румынией войны Германии»¹⁹⁸. Были указаны 5 таких случаев с участием 6720 чел. В строгом смысле это были не стачки (прекращение работы с предъявлением требований), а именно «приостановка работ», как, наконец-то, совершенно правильно отметила фабричная инспекция.

Можно указать также на «стачку» 500 рабочих-латышей «ВКЭ» в Петрограде, праздновавших в июне Иванов день. Этот невыход на работу, естественно, не имел отношения к забастовкам политического характера. Некоторые стачки, попавшие в число политических, сопровождались требованием удаления мастера. Здесь же заметим, что стачек рабочих того или иного предприятия с требованием освободить их арестованных товарищей, с протестом против их высылки (из крепости Кронштадт и т.п.) было сравнительно немного.

* * *

В обстановке усилившейся социальной напряженности рабочими использовался любой повод для выражения недовольства и протеста. 9 января, в день памяти жертв «Кровавого воскресенья» 1905 г. в России бастовали рабочие многих предприятий, причем не только Петрограда и Москвы, но и других городов. Как отмечала петроградская охран-

ка, увеличение количества бастующих в этот день в 1917 г. объяснилось «общим повелением населения империи», чему способствовал целый ряд причин: «вздорожание продуктов первой необходимости и недостаток их, утомление войной, масса разнородных слухов, волнующих население, и т.д.»¹⁹⁹.

В некоторых местах усилия по подготовке выступлений рабочих 9 января 1917 г. проявили не только социал-демократы, но и социалисты-революционеры, а также анархисты, которые, как сообщалось в докладе начальника Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве, первоначально предполагали «объединиться в этом вопросе с социал-демократами»²⁰⁰. 28 декабря 1916 г. на собрании Петербургского комитета РСДРП было решено «выпустить листовку с призывом к однодневной стачке на 9 января, устроить демонстрации на улицах с пением революционных песен, доводя их в отдельных случаях даже до столкновений с чинами полиции...»²⁰¹. Как отмечала петроградская охранка, «общее повеление населения способствовало росту революционных организаций и успешности их пропаганды, а кроме того, в нынешнем году играла роль и рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета, которая перед 9 января при участии своих представителей провела ряд митингов, способствовавших общей стачке. Тогда как в 1916 г. рабочая группа в подготовке стачки не принимала решительно никакого участия и даже пыталась сократить стачечное движение»²⁰².

В прокламации МК РСДРП был призыв «ко всеобщей забастовке в день 9 января» 1917 г. Обращения провести в этот день стачки и демонстрации прозвучали в прокламациях ряда других комитетов и групп РСДРП²⁰³. В связи с годовщиной «Кровавого воскресенья», наряду с большевиками, группы анархистов Екатеринослава 7, 9 и 10 января 1917 г. распространила от своего имени антивоенную прокламацию²⁰⁴.

9 января 1917 г. в Петрограде, по данным властей, бастовали 144675 рабочих на 114 промышленных предприятиях. Большевики считали, что в тот день в столице бастовали 150 тыс. чел., а на страницах рабочей печати фигурировала цифра 300 тыс. чел.²⁰⁵

В Москве стачечное движение 9 января 1917 г. охватило по сведениям начальника МОО, 31662 рабочих 51 предприятия²⁰⁶.

Как отмечалось в его докладе от 11 января 1917 г., листовки РСДРП «получили весьма незначительное распространение». Там же читаем: «Благодаря произведенным арестам наиболее активных деятелей выступление рабочих в день 9 сего января, хотя и не было предотвращено совершенно, но в весьма значительной степени ослаблено... Всего бастовало несколько больше 10% всех рабочих. При прекращении работ рабочие почти всюду расходились спокойно без всяких эксцессов, и только рабочими некоторых предприятий... были сделаны попытки пройти по улицам с пением революционных песен»²⁰⁷.

Сохранился и опубликован список фабрично-заводских предприятий, работавших на оборону, где в январе 1917 г. были забастовки, с указанием их мотивов, а также общего количества рабочих, количества стачечников и продолжительности стачки (в днях)²⁰⁸. В этом списке упоминаются 62 стачки, в том числе в «ознаменование дня 9 января» — 46. Подсчеты данных хроники событий, базировавшейся на широком круге опубликованных и архивных материалов²⁰⁹, позволяют говорить о еще более высоких показателях: 36779 стачечниках на 76 промышленных предприятиях²¹⁰. Наиболее существенно расхождение этих показателей с приведенными выше официальными данными числа предприятий, охваченных забастовками. Это дает основание полагать, что Г.Касаровым дополнительно были учтены стачечники, работавшие, в основном на мелких предприятиях (или небольшие группы стачечников). В рабочей печати отмечалось, что 9 января 1917 г. с утра бросили работу рабочие заводов Бромлей, Доброва и Набгольца, Износкова и Зуккау (бывший Гаккенталь), Михельсона (бывший Гоппер), «Динамо», Бари, Г.Листа, фабрики Цинделя и др. Бастовали также портные и много мелких предприятий. Всего с утра не работали приблизительно 20% рабочих, а после обеда число бастующих поднялось процентов до 30²¹¹. Однако эти показатели следует признать преувеличенными.

Если в Петрограде стачки протеста против отсрочки открытия Думы, а также против продолжения войны до победы с выдвиганием одновременно и экономических требований прошли в декабре 1916 — самом начале января 1917 г.

(54 тыс. участников), то в Москве протест против отсрочки созыва Думы прозвучал во время стачек в годовщину событий 9 января 1905 г. Во время 46 зафиксированных нами стачках в Москве по поводу событий 9 января этот протест присутствовал в 11 случаях²¹². Наряду с этим в ряде случаев выражался протест и в связи с недостатком хлеба²¹³.

К стачкам в Москве следует добавить по крайней мере еще три, прошедшие на предприятиях Московского уезда, но за пределами городской черты: на Мытищинском вагоностроительном заводе (1351 рабочий из 1580), на Люберецком заводе сельхозмашин и на шерстопрядильной фабрике наследников Е.Х.Бальшева²¹⁴. Стачки в годовщину «Кровавого воскресенья» прошли также в Ростове-на-Дону (800 рабочих завода «Аксай»), Новочеркасске, на сталелитейном заводе об-ва «Унион» в Макеевке (более 2100 рабочих), на Лысьвенском заводе в Перми, в Симферополе, Харькове (9,4 тыс. рабочих), Ревеле²¹⁵.

В литературе встречается также указание на стачку в Туле. Однако по поводу этой стачки, пришедшейся на 9 января 1917 г., в справке ДП МВД о забастовках в империи сказано: «В Туле в мастерских бастовало 775 рабочих по экономическим мотивам (ввиду неполучения по примеру мастеровых Московского уезда полуторного предпраздничного вознаграждения)». Поэтому стачку в Туле нельзя считать политической²¹⁶.

В Москве вскоре после стачек в годовщину «Кровавого воскресенья» прошла новая волна политических забастовок. По полицейским данным, 12 января 1917 г. в 12 час. дня на Калужской пл. начали собираться рабочие заводов Михельсона, Броккара, Бромлея. Их количество достигло 2 тыс. чел. Было заявлено «желание идти к градоначальнику ввиду отсутствия в Москве хлеба». По требованию полиции толпа разошлась, но уже к 5 час. вечера прекратили работу 15 тыс. рабочих 25 предприятий в «знак протеста против отсрочки занятий Государственной думы и отсутствия хлеба»²¹⁷. По уточненным официальным данным, 12 января в Москве бастовали 19390 рабочих 37 предприятий, причем «были отмечены попытки снимать рабочих с работ»²¹⁸. Согласно хронике рабочего движения во второй столице, 12 и отчасти

13 января бастовали 21 тыс. рабочих 40 предприятий (а также 70 рабочих в Московской губ.).

В стачках рабочих ряда предприятий Москвы 9-12 января 1917 г. переплелись протест против произвола властей в прошлом (9 января 1905 г.) и настоящим (отсрочка созыва Государственной думы) с требованием обеспечения рабочих хлебом. При этом возможное улучшение продовольственного положения виделось рабочим в масштабах всего города и страны в целом и обращались они со своими требованиями прямо к местной и государственной власти. Такое переплетение требований становилось характерной и симптоматической чертой многих стачек начала 1917 г. не только в столицах, но и в других городах страны.

С 17 по 30 января 1917 г. в Баку бастовали 12,5 тыс. рабочих 47 предприятий, требуя освободить 25 арестованных на сходке 16 января рабочих²¹⁹. В результате 14 рабочих были освобождены. В ходе этих стачек в некоторых случаях выдвигались также и чисто экономические требования (вместе с тем в указанный период в Баку проходили стачки исключительно экономического характера).

30 января – 3 февраля 1917 г. в Макеевке (область Войска Донского) бастовали 775 рабочих (из 986) Старого труболитейного завода об-ва «Унион». Причиной стачки стал арест 5 рабочих завода. Под давлением забастовщиков двое арестованных были освобождены²²⁰.

Вслед за этими выступлениями сходные стачки прошли в Нижегородской губ. Здесь 3 февраля в знак протеста против суда над сормовскими рабочими, участвовавшими в стачке 25-27 июля 1916 г., забастовали рабочие некоторых цехов этого завода (5400 из 11600), чугунолитейного и машиностроительного завода Фельзера, работавшего на оборону и расположенного в д. Карповка Балахнинского уезда (550 из 850), а также оборонного завода «Сименс и Гальске» (490 чел., большинство рабочих). Забастовки эти были непродолжительными, но с попытками проведения митинга и даже шествия с красным флагом «на соседнюю Молитовскую фабрику с целью снять с работ рабочих»²²¹.

Социальная напряженность продолжала нарастать. Усиливалось открытое недовольство отсутствием или дороговиз-

ной предметов первой необходимости, произволом властей (арестами, судебными процессами, запретами и т.п.). В этой связи существенно менялось и отношение к войне. Одним из поводов для нового взрыва массового недовольства послужило сообщение об открытии V сессии IV Государственной думы 14 февраля 1917 г. (в конце предшествовавшего года Дума была временно распущена). Если с октября 1916 г. по февраль 1917 г. во время забастовок и на митингах звучали протесты против отсрочки возобновления работы Думы, то теперь открытие очередной Думской сессии стало поводом для политических выступлений и заявления рабочими своих требований. В этой обстановке представители меньшевиков (а также эсеров) призывали рабочих выразить свое уважение к Думе и устроить 14 февраля 1917 г. стачки и демонстрации.

В конце января 1917 г. поводов для недовольства рабочих становилось все больше: в ночь на 27 января 1917 г. полиция арестовала 11 из 16 членов рабочих групп Центрального и Петроградского областного военно-промышленного комитетов, по партийной принадлежности — меньшевиков. Им инкриминировались подготовка «демонстрационных выступлений рабочей массы столицы на 14 февраля — день возобновления заседаний Государственной думы с тем, чтобы рабочие, прекратив работу..., двинулись массами к Таврическому дворцу» и потребовали от депутатов незамедлительно вступить в «открытую борьбу с ныне существующим правительством и верховной властью» и объявить себя, «впредь до установления нового государственного устройства, Временным правительством»²²². Арест представителей легально существовавших рабочих групп ВПК подлил масла в огонь, вызвав очередную волну протестов.

Две стачки прошли в Москве. 30 января 1917 г. 120 рабочих отделения завода Гакенталь при Техническом училище прекратили работу, «заявили протест по поводу ареста рабочих Военно-промышленного комитета» и разошлись по домам. 31 января по этому же поводу в Москве забастовали 50 рабочих завода Людвиг и Смит²²³.

В сложившейся обстановке большевики сделали попытку противопоставить плану меньшевиков свой план действий.

Русское бюро ЦК РСДРП приняло решение отметить вторую годовщину суда над думскими депутатами-большевиками. Бюро предложило: «1) в день суда над рабочими депутатами, 12 февраля, выпустить листки с призывом к однодневной забастовке на 13 февраля (12 февраля приходилось на воскресенье. — Ю.К.). Если организация найдет момент подходящим для более широкого выступления, то призвать к демонстрации под нашими лозунгами. В случае продолжения движения и 14 февраля, способствовать расширению и углублению его, всюду противопоставляя свою политическую позицию гвоздевской политике поддержки реакционной Думы и либералов. Таким образом, инициатива движения и будет вырвана из рук гвоздевцев»²²⁴. ПК РСДРП выпустил специальную листовку с призывом к однодневной забастовке 10 февраля (в годовщину суда над большевистской думской фракцией)²²⁵. Однако вследствие заблаговременно принятых властями мер и арестов рабочих активистов, а также некоторых тактических просчетов выступления 10-13 февраля оказались весьма немногочисленными.

10 февраля лишь на трех столичных предприятиях прошли сугубо экономические стачки с участием 424 рабочих²²⁶. Сам ЦК РСДРП, учитывая, что 10 февраля приходилось на пятницу масляной недели, когда работы заканчивались с половины дня, вынужден был перенести общее выступление рабочих и демонстрацию на 14 февраля, призвав, однако, не идти в этот день к Таврическому дворцу, где заседала Государственная дума, как намечали меньшевики, а организовать демонстрацию на Невском проспекте под большевистскими лозунгами²²⁷. 13 февраля (в понедельник) в Петрограде прошли две политические забастовки: на Вагоностроительном заводе (500 чел.) и Северном механическом и котельном заводе (1300 чел.)²²⁸.

МК РСДРП выпустил листовку с призывом к выступлению 13 февраля. События в Москве развивались примерно так же, как в столице. Согласно телеграмме начальника МОО, в этот день «бастовало две тысячи девятнадцать рабочих Динамо и Бари»²²⁹. О забастовке рабочих завода «Динамо» в полицейской телеграмме сообщалось: в 9 часов утра 1168 рабочих прекратили работу и большей частью ра-

зошлись по домам, а «около 300 направились на фабрику Циндель, где были рассеяны. Мотивы забастовки — отправление делегации в Государственную думу и протест на отсутствие продовольствия»²³⁰. 13 февраля в связи с арестом рабочей группы ЦВПК прошла забастовка 190 (из 640) рабочих двух цехов механического завода К.Г.Шиманского в Харькове (большинство ее участников в прошлом являлись петроградскими рабочими)²³¹.

14 февраля картина событий в Петрограде и Москве существенно изменилась. По данным ПОО, в столице в этот день бастовали 89576 рабочих 58 предприятий²³². В большинстве своем рабочие спокойно разошлись по домам, но три небольшие группы забастовщиков «пытались произвести демонстрации, но попытки эти были тотчас же прекращены мерами полиции»²³³.

Приведенные выше характеристики событий и показатели количества их участников подтверждаются и материалами нелегальной печати. Так, в «Осведомительном листке» Русского бюро ЦК РСДРП (1917, февраль, № 2) отмечалось: «Ввиду того, что 10-го часть заводов совсем не работала или работала только до обеда, что на многих заводах были полочки, а также ввиду возникших разногласий среди передовых групп, — день прошел, в смысле выступления, неудачно». 14 февраля были отмечены «митинги и демонстрации на улицах, стычки с полицией и аресты во время демонстраций. Число бастующих около 80 тысяч»²³⁴. В частном письме одного из членов Думы от 18 февраля 1917 г. читаем: «У нас, в Думе, настроение тяжелое, дух несколько придавленный, того и гляди пробка вылетит. Благодаря обращению Родзянко и некоторых депутатов к рабочим 14-е февраля прошло отчасти спокойно. Забастовки были, но теперь депутаты рабочих обратились ко всем мастеровым с просьбой стать на работу и пока, кажется, все»²³⁵. В Москве, по данным охранного отделения, «14-го [в целях] поддержания Государственной думы, а также [в] знак протеста против недостатка хлеба бастовало двенадцать тысяч пятьсот пятьдесят рабочих [на] шестнадцати предприятиях. Других выступлений не было»²³⁶. Представим теперь данные о стачках в Петрограде 23-

28 февраля 1917 г., т.е. в дни начавшейся и победоносно завершившейся Второй российской революции:

Даже если принять во внимание расхождения в показателях количества стачечников, содержащиеся в полицейских документах и в исследовательских работах, можно констатировать, что в первый день революции, 23 февраля доля стачечников составляла 20-30%, а во второй — 30-50% всех рабочих столицы. На заключительном же этапе революции в стачечном движении приняли участие почти 400 тыс. рабочих, или 100% от их общего количества.

Представляет интерес характеристика события, сделанная в донесении начальника Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде вечером 23 февраля 1917 г.

«Сегодня с утра явившиеся на заводы мастерские Выборгского района постепенно стали прекращать работы и толпами выходить на улицу, открыто выражая протест и недовольство по поводу недостатка хлеба. Движение масс в большинстве носило настоящий демонстративный характер, что их приходилось рассеивать нарядами полиции. Вскоре весть о забастовке разнеслась по предприятиям других районов, мастерские которых также стали присоединяться к бастующим. Таким образом, к концу дня бастовало 43 предприятия с 78443 человеком. Большинство оставивших заводы рабочих почти все время находилось на улицах и при первом удобном случае устраивали демонстрации и беспорядки»²³⁷. В этих первых официальных сообщениях о событиях, которые явились началом революции, со всей рельефностью вырисовывается место и роль стачек, начавшихся как будто бы на экономической почве (нехватка хлеба), но принявших характер демонстративного политического протеста, против водки и самодержавия.

* * *

Подводя итог, следует сказать, что общее число политических стачек в рассматриваемый период было сравнительно невелико (см. прил. 3, табл. 12), как и количество их участников.

Это объясняется условиями военного времени и ужесточением репрессий властей в отношении участников таких выступлений.

По моим подсчетам, число политических стачек в каждый из периодов (19 июля – 31 декабря 1914 г.; 1915 г.; 1916 г.; январь – 22 февраля 1917 г.) не превышало 400, а количество стачечников – 340 тыс. чел. Количество стачечников в каждом периоде неуклонно и заметно увеличивалось. Приведенные показатели выше, чем данные фабричной и горной инспекции, но заметно ниже (в 1914-1916 гг. – в 2 раза и более) показателей, полученных различными последователями и обобщениями в общероссийском масштабе А.И.Уткиным. Даже если и нашим данным за январь – 22 февраля 1917 г. прибавить 393,8 тыс. политических стачечников Петрограда – участников событий 23-28 февраля (и учтенных мною), то общее количество участников не превысит 732,7 тыс. и будет на 200 тыс. меньше, чем в подсчетах моих предшественников. О причинах расхождений уже говорилось и будет сказано еще раз несколько ниже.

Обратимся теперь к данным о поводах политических стачек и участии в них рабочих различных регионов (см. прил. 3, табл. 13).

Переходя к характеристике полученных данных в региональном разрезе, следует сразу же принять во внимание, что некоторые регионы, рабочие которых в прошлом проявляли значительную политическую активность, оказались если не в зоне военных действий, то вблизи от нее. Подобные условия снимали вопрос о каких-либо политических выступлениях. Между тем в числе таких зон в 1916 г. оказались Царство Польское, отчасти Прибалтика (Литва, а на заключительном этапе и Латвия), Белоруссия и Украина, Бессарабия, Закавказье.

В 1914 г. политические забастовки имели две причины; начало войны и арест депутатов-большевиков IV Государственной думы. Общее число выступлений было менее двух десятков, а количество участников – около 12 тыс. (а возможно, и меньше). По первому поводу бастовали рабочие в Петрограде, Риге, и Макеевке), по второму – в Петрограде и Харькове. Приводимые ранее в нашей литературе показатели являются явно завышенными (46,5 тыс. стачечников в связи с началом войны 9,5 тыс. в связи с арестом депутатов)²³⁸.

В 1915 г. число политических стачек по различным поводам увеличивается. Достаточно заметных размеров достигает и количество участников — 165,3 тыс. Наряду с традиционными поводами — 9 января, 4 апреля, 1 мая, появились и новые (имевшие, однако, старые причины — репрессии); суд над рабочими депутатами IV Государственной думы, применение огнестрельного оружия против стачечников в Костроме и Иваново-Вознесенске, на Страстной пл. в Москве, а также роспуск Государственной думы в сентябре 1915 г. Первомай, протест против расстрела рабочих в Костроме и Иваново-Вознесенске и протест против роспуска Думы дали наибольшее число выступлений и наибольшее количество участников. Роспуск Думы получает в рабочей среде особенно широкий отклик. Увеличивается и число городов, в которых происходили политические стачки, но все же оно остается незначительным. Наряду с Петроградом и Москвой это Кострома, Иваново-Вознесенск, Сормово, Тверь, Рига, Ростов-на-Дону, Нахичевань-на-Дону, Саратов, Самара.

Мои подсчеты и для 1915 г. расходятся с теми, которые встречались в литературе, например у А.И.Уткина. Приведем показатели количества стачечников по тем или иным поводам (в сравнении): 9 января — 3,2 тыс. (мои подсчеты) и 2,7 тыс. (Уткин и др.), 12-23 февраля — 2,2 тыс. и 3,3 тыс., 4 апреля — 2,3 тыс. и 0 тыс.; 18 апреля — 1 мая — 3,4 тыс. и 84,9 тыс.; 5 июня и 10 августа (Кострома и Иваново-Вознесенск) — 47,3 тыс. и 67,0 тыс.; 3-9 сентября (роспуск Гос. думы) — 100,1 тыс. и 273,1 тыс.; 15-17 сентября (события в Москве) — 5,4 тыс. и 0,0; проводы на вокзал тела скончавшегося в Саратове члена II Думы Ломтатидзе — 0,3 тыс. и 0 тыс.

1916 г. дает дальнейшее расширение и углубление политической стачечной борьбы. К традиционным выступлениям в «табельные» для революционеров «дни добавились стачки-протесты против действий администрации и властей в отношении путиловцев, по поводу суда над трамвайщиками Москвы, в связи с продовольственным положением в Петрограде и судом над кронштадтскими матросами, а также стачки в поддержку работы Государственной думы. Наибольшее количество участников приходится на 9 января — 69,8 тыс.

(стачки прошли, кроме столиц, в Московском уезде, Ревеле) и на последнюю декаду октября, когда бастовало 132,9 тыс. петроградских рабочих. К упомянутым городам, в которых рабочие бастовали по политическим мотивам ранее, в 1916 г. можно добавить лишь Харьков, Ревель и прииск «Лензото» в Иркутской губ.

И в данном случае наши показатели количества стачечников меньше, чем те, которые приводились в литературе: 9 января — 69,8 тыс. и 130,5 тыс.; 4 февраля — 3 марта — 34,2 тыс. и 83,4 тыс.; суд над трамвайщиками в Москве (7-8 марта) — 3,9 тыс. и 0 тыс.; Ленский расстрел (4 апреля) — 17,8 тыс. и 0 тыс.; 1 мая (18 апреля — 11 мая) — 0,1 тыс. и 106,6 тыс.; октябрь — 132,9 тыс. и 270,4 тыс.; в поддержку работы Думы (в ноябре) — 14,4 тыс. (в Москве) и 0 тыс.

Январь — февраль 1917 г. дают еще более впечатляющую картину. За два месяца количество участников политических стачек превысило не только показатели 1915, но и 1916 г. Стачки прошли в связи с годовщиной событий 9 января, по поводу отсрочки сессии Думы (12 января), в поддержку Думы и в знак протеста против осуждения депутатов-большевиков, а также ареста рабочей группы ЦВПК и ПОВПК, а также по поводу ареста рабочих и суда над стачечниками (в Баку, Макеевке и Сормове). К этому необходимо добавить крупные групповые стачки в связи с отсутствием продовольствия в Москве. Особенно мощными были стачки по поводу годовщины «Кровавого воскресенья», в поддержку Государственной думы, в связи с отсутствием продовольствия. Подчас все три повода присутствовали в одном выступлении.

Кроме рабочих обеих столиц, в политических стачках в это время участвовали рабочие Лысьвенского завода в Перми (Урал), Ревеля (Эстляндская губ.), Харькова, Симферополя, Ростова-на-Дону, Новочеркасска, Баку, Макеевки, Сормова. Показатели количества участников по поводам (по подсчетам моим и Уткина) таковы: 9 января — 196,3 тыс. и 363,7 тыс.; протест в Москве против отсрочки сессии Думы и отсутствия хлеба (12 января) — 19,4 тыс. и 0 тыс.; в поддержку Думы, в знак протеста против осуждения депутатов-большевиков и ареста рабочей группы ВПК — 104,3 тыс. и

571,3 тыс. Кроме того, в связи с арестами рабочих в стачках в Баку в январе участвовало 12,5 тыс., в Макеевке (30 января — 3 февраля) — 775 чел. и в Сормово в феврале — 6,4 тыс. рабочих.

Сопоставление полученных мною данных о политических стачках в России с данными моих предшественников свидетельствует о том, что приводившиеся ранее показатели были завышенными, хотя и не учитывали сведения о некоторых политических стачках. Причин этого завышения было несколько. Во-первых, в ряде случаев в качестве политических стачек, наряду с антиправительственными, учитывались и «патриотические» (взятие русскими войсками Перемышля в марте 1915 г., вступление в войну против Германии Румынии в августе 1916 г.). Сюда же можно отнести и стачки по случаю годовщины издания манифеста 19 февраля 1861 г. Во-вторых, нередко были случаи, когда сугубо экономические стачки, приходившиеся на пролетарские «табельные» дни, зачислялись в политические (хотя, согласно данным источника, они были начаты ранее по конкретному экономическому поводу и заканчивались позднее «табельного» дня). Подобный подход имел место даже в таком издании, как документальная публикация «Первое мая в царской России» (М., 1939) прежде всего в отношении стачек в Москве в 1916 г. В-третьих, в литературе всегда отдавалось предпочтение максимально высоким показателям, к которым относились, в частности, данные нелегальной печати, превышавшие обычно данные полиции, фабричной инспекции и др.

Если выделить в особую группу выступления по случаю Первомая, то абсолютное большинство политических стачек рабочих будет иметь своим поводом репрессии властей всех уровней в отношении рабочего движения и его участников, а также в отношении Думы и для конца 1916 г. — начала 1917 г. — отсутствие продовольствия.

Забастовки по последнему поводу обычно относятся к числу экономических. Однако осенью 1916 г. во многих случаях требования хлеба стали трансформироваться в требования «обеспечить снабжение рабочих предметами первой необходимости», предъявлявшееся не только администрации предприятия, но и местным властям. Стачки становятся

групповыми, общими для рабочих многих заводов и фабрик, приобретают массовый характер, сопровождаются собраниями, митингами, а запреты на уличные шествия приводят к стычкам с полицией. В этих условиях забастовки на экономической почве, даже по свидетельству представителей местных властей, приобретали политический характер. Неудовлетворительное снабжение рабочих, занятых на оборонных предприятиях, стало увязываться рабочими с затянувшейся войной и необходимостью скорейшего заключения мира. Подобные стачки, прошедшие в Петрограде и Москве в октябре – декабре 1916 г. и январе – феврале 1917 г., знаменовали перелом в развитии стачечного движения и переход его на политические рельсы. Эти стачки имели широкую экономическую основу, но в них звучали и политические мотивы, связанные с отношением к войне и к политике правительства, в целом. При этом наблюдалось явное ослабление патриотических настроений, характерных для начального периода войн.

Уже в донесении нижегородского губернатора от 22 августа 1915 г. отмечалось, например, что «в связи с последними событиями на театре военных действий во всех слоях населения... губернии стала проявляться некоторая нервозность и стремление искать виновников неудач... Хотя пока общее всем слоям населения патриотическое настроение и уверенность в конечной победе и не ослабевают, но ввиду постепенного расширения круга лиц, дающих веру злонамеренным слухам, есть основания опасаться, что надежда на благоприятный исход войны в народе подорвана»²³⁹.

В докладе помощника начальника Черниговского ГЖУ (январь 1917 г.) отмечалось: «В данное время отношение рабочих и крестьян к войне уже не вытекает, как прежде, из высоких чувств патриотизма; ближайшие задачи и цели войны в сознании двух названных классов населения почти совершенно ступшевались перед лицом острой нужды в продуктах питания, предметах одежды и топлива. Увеличения заработной платы, периодически делаемые рабочим предпринимателями, далеко не поспевают за ростом дороговизны, вследствие чего степень Нужды не понижается и рабочий, недоедая и страдая от холода, естественно, чужд соображе-

ний, заставляющих продолжать войну... Два описанных условия в итоге дают нескрываемое желание скорейшего мира, как бы для приличия иной раз вскользь обуславливаемого конечной победой»²⁴⁰. Если летом 1915 г. ослабление патриотического духа связывалось с поражениями на фронте, то в конце 1916 – начале 1917 г. изменение отношения к войне являлось уже следствием резко ухудшившегося к этому времени экономического положения трудящихся и главное – неверия в возможность улучшить его без прекращения кровавой бойни.

Стачки конца 1916 – начала 1917 гг. по своему объективному содержанию, масштабам, накалу борьбы представляли опасность не только для отдельных предпринимателей, но и для правительства. К тому же к подобным стачкам со все большим пониманием начинали относиться тыловые солдаты, время от времени вызывавшиеся для подавления выступлений рабочих. В отдельных случаях они открыто выражали стачечникам свои симпатии и демонстрировали неповиновение властям, становясь как бы соучастниками революционных событий. Симптомом в этом отношении явилось поведение в Петрограде солдат 181 полка в ходе октябрьских политических стачек 1916 г., когда они с воодушевлением приветствовали стачечников и выражали свою неприязнь к полиции. Этот надлом в психологии солдатской массы (напомним, что солдаты стреляли в стачечников летом 1915 г. в Костроме и Иваново-Вознесенске, а в мае 1916 г. – в Горловско-Щербиновском районе Донбасса) имел первостепенное значение для развития рабочего движения, что и подтвердили февральские события 1917 г.

Особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о выдвигании рабочими требования 8-часового рабочего дня. Как известно, оно относилось к программным лозунгам РСДРП (один из «трех китов»). Сразу же следует сказать, что в период войны вопрос о продолжительности рабочего дня меньше всего затрагивался в требованиях бастующих. Большинство предприятий изготовляло продукцию для фронта, и поэтому требование 8-часового рабочего дня выдвигалось рабочими очень редко, причем причисление этих случаев к выступлениям политического характера, как это нередко де-

лалось в литературе, представляется неоправданным. При этом нельзя смешивать выдвижение данного требования как классового (обращенного ко всем предпринимателям, правительству) с его предъявлением рабочими в качестве профессионально-цехового.

Для того, чтобы получить более конкретное представление по этому вопросу, приведем если не исчерпывающий, то достаточно полный перечень стачек в России в июле 1914 — феврале 1917 г с выдвижением требования 8-часового рабочего дня.

В 1914 г. это требование выдвигали 7 октября 40 рабочих (по всей видимости, какого-то цеха) Верх-Исетского завода Екатеринбургского уезда Пермской губ.²⁴¹, 9 октября — рабочие Кирсинской железодобывательной фабрики в Вятке²⁴². В 1915 г. — 9 апреля 250 рабочих Карабашского завода (металлического) в Пермской губ.²⁴³, 25 июня — рабочие латунной мастерской Тульского меднопрокатного патронного завода (они требовали даже 6-часового рабочего дня)²⁴⁴, 30 октября рабочие Кварцханского медеплавильного завода Батумской обл. потребовали установления 8-часового рабочего дня вместо 10-часового²⁴⁵. Сходный случай произошел на уральском Сысертском заводе в январе 1916 г. Здесь рабочие мартеновского цеха вместо изнурительных 12-часовых смен установили 8-часовые смены. Вот что сказано по этому поводу в рапорте Екатеринбургского уездного исправника Пермской губ.: «...Рабочие означенного цеха работали на две смены по 12 часов каждая с 2-часовым перерывом на обед... 9-го января, прибыв на работу в обычное время, в 6 час. утра, проработали до 12 час. дня и затем ушли, заявив, что все мартеновские рабочие порешили перейти на 8-часовой рабочий день. Последующие дни стали работать на три смены по восьми часов каждая. Других нарушений не было. В мартеновском цехе работает 48 человек, все местные крестьяне»²⁴⁶. На рабочих были наложены штрафы от 10 до 100 руб. (с возможной заменой арестом от 14 дней до 3 месяцев).

Требование 8-часового рабочего дня (наряду с требованием увеличить заработную плату) выдвигали рабочие электрического цеха Путиловского завода в начале февраля 1916 г. Примечательно, что начальник ПОО в своем докладе по поводу стачки на этом заводе отмечал: «5 сего февраля на Пу-

тиловском заводе возникла забастовка чисто экономического характера...»²⁴⁷. 15 апреля 1916 г. 36 рабочих буровой партии акц. об-ва бр.Веппле (на участке № 4 Бакинского нефтяного общества в Сураханах) прекратили работу и предъявили администрации требование об установлении трехсменных вахт (вместо существовавших двухсменных), а также увеличения пособия²⁴⁸ (этот случай напоминает выступление рабочих Сысертского завода). Данное требование выдвигалось рабочими тяжелых цехов — старомартеновского и новомартеновского — Днепровского металлургического завода в пос. Каменском Екатеринославской губ. в апреле 1916 г.²⁴⁹ Известен также случай выдвижения требования 8-часового рабочего дня (наряду с другими) в Москве на котельном заводе Сокова 14-15 января 1917 г.²⁵⁰ Другие случаи выдвижения этого требования — неизвестны, если не считать двух колбасных заведений²⁵¹.

Из этого следует, что требование 8-часового рабочего дня как общепролетарское, классовое практически не выдвигалось, несмотря на то, что социал-демократические листовки неоднократно призывали рабочих делать это²⁵². В этой связи представляется неправильным отнесение всех случаев выдвижения требования 8-часового рабочего дня к политическим выступлениям, как это делалось во многих предшествовавших работах (Л.В.Бардаговой, М.В.Церцвадзе, Л.С.Юдиной)²⁵³.

«География» политических стачек указывает на выдающую роль Петрограда, а также Москвы, на долю которых приходилась преобладающая часть и самих стачек, и их участников. Кроме столиц, политические стачки прошли в нескольких городах ЦПР — Иваново-Вознесенске, Костроме, Нижнем Новгороде и Сормове, Твери, а также на Дону — в Ростове, Нахичевани, Новочеркасске, Макеевке, в Среднем и Нижнем Поволжье — в Самаре и Саратове, на Урале — на Лысьвенском заводе в Перми, в Сибири — на приисках в Иркутской губ. В национальных регионах политических стачек в период войны было немного. Отчасти это можно объяснить близостью к фронту таких в прошлом активных в политическом отношении регионов, как Прибалтика, Белоруссия, отчасти Украина, Закавказье. На Украине политические стачки неоднократно имели место в Харькове. В Прибалтике

они прошли в Риге и Ревеле, на Кавказе — в Баку и Тифлисе. В большинстве случаев политические стачки как накануне, так и в период войны проходили в губернских городах. Не было политических стачек в Центральном черноземном районе, Белоруссии, в Средней Азии и Казахстане (в Средней Азии имела место одна политическая стачка, организованная военнопленными).

Нельзя не отметить, что многие политические стачки в 1914 — начале 1916 г. были как бы привязаны к месту событий, откликом на которые они являлись. Широтой подхода к поводам выступлений отличались почти исключительно лишь рабочие Петрограда и Москвы. Они бастовали и по поводу ареста и суда над рабочими депутатами IV Думы, и в связи с расстрелом стачечников в Костроме и Иваново-Вознесенске летом 1915 г., и в годовщины 9 января 1905 г. и Ленских событий в апреле 1912 г. и т.д. Рабочие же других городов остро реагировали главным образом на те события, которые проходили в их городе. Суд над депутатами-большевиками IV Думы вызвал стачки рабочих лишь в Петрограде, Москве и Харькове (от Харьковской губ. по процессу проходил депутат М.К.Муранов). Вместе с тем нельзя не отметить, что рабочие Костромской и Владимирской губерний по этому поводу не бастовали, хотя судили их депутатов Самойлова и Шагова.

Политические стачки в стране, но крайней мере в первые два года войны, имели сравнительно скромные масштабы. Но год от года рабочих, бастовавших по политическим мотивам, становилось все больше. Это наглядно иллюстрируют данные о стачках в связи с годовщиной 9 января 1905 г. Если в 1915 г. показатели были достаточно скромными (21 стачка и 3 тыс. участников в 4 городах), то в 1917 г. было уже 214 стачек с 196,4 тыс. участников в 12 городах. Особенно мощными эти выступления были в Петрограде, а также в Москве.

В профессиональном отношении участниками политических стачек чаще всего были металлисты (рабочие металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий и металлургических заводов), печатники (рабочие типографий и переплетных мастерских в Петрограде, Москве, Самаре, Са-

ратове, Костроме, Харькове), в январе 1917 г., текстильщики Иваново-Вознесенска и Костромы, а в отдельных случаях рабочие деревообделочных, столярных мастерских, сапожных и обувных фабрик, кондитерских предприятий, булочники, рабочие золотых приисков в Сибири, нефтяники Баку. Нельзя не упомянуть также трамвайщиков, бастовавших в Москве в сентябре 1915 г. и в Новочеркасске в январе 1917 г.

В сентябре 1915 г. в знак протеста против роспуска Думы и ареста рабочих на некоторых заводах прошли стачки в Петрограде преимущественно на металлообрабатывающих предприятиях. В знак протеста против роспуска Думы бастовали 22 тыс. рабочих 76 предприятий Москвы. По поводу этих забастовок в отчете фабричных инспекторов говорилось: «Среди бастовавших предприятий наиболее значительную группу по числу составляли металлообрабатывающие заводы (34 предприятия) и типографии (26 предприятий); остальные забастовки приходятся на фабрики обуви, кондитерские, смешанные производства по обработке волокнистых веществ и пр.»²⁵⁴ При этом профессиональный состав участников политических стачек в годы войны был схож с тем, каким он был в предвоенные годы, когда фабричная инспекция выделяла в качестве основных участников — металлистов, текстильщиков, печатников.

В условиях военного времени политические выступления с меньшим риском можно было организовать на предприятиях, не занятых обслуживанием армии. Однако со временем политические стачки все в большей мере захватывали и предприятия, работавшие на военные нужды, причем в 1916 г. в Петрограде последние уже преобладали среди фабрик и заводов города.

Размеры предприятий, рабочие которых участвовали в политических стачках, были различны. Преобладающее число заводов и фабрик, особенно в столице, относились к крупным. Но в движении участвовали и рабочие мелких предприятий. В Риге 18 апреля 1915 г. были «частичные забастовки мелких предприятий» («все крупные фабрики и заводы работали»)²⁵⁵. В Москве в сентябре 1915 г., как отмечалось в отчете фабричных инспекторов, «в числе металлообрабатывающих заводов... преобладали средние и мелкие по своим размерам предприятия»²⁵⁶. 9 января

1917 г. в Москве бастовали рабочие ряда крупных заводов и фабрик, а также «портные и много мелких предприятий»²⁵⁷. Типографии, рабочие которых довольно активно участвовали в политических стачках в ряде городов, также следует отнести к мелким предприятиям.

О возрастном составе участников политических стачек сведения очень редки. Тем больший интерес представляют данные о возрастном составе 1285 рабочих московского завода «Динамо», выразивших забастовкой 17 февраля 1915 г. протест против осуждения членов большевистской фракции Государственной думы (см. прил. 3, табл. 14).

У нас, к сожалению, отсутствуют данные о возрастном составе рабочей силы на заводе. Но все же можно констатировать, что в стачке протеста принимали участие представители всех возрастных групп, причем преобладающую часть составляла молодежь до 30 лет (72%).

Что же касается партийного руководства политическими стачками, то следует сказать, что в условиях войны продолжительное время оно осуществлялось почти исключительно большевиками. Меншевики отрицательно относились к стачкам, которые, по их мнению, могли повредить делу обороны страны. Так, в конце января 1915 г. при обсуждении в Харькове вопроса о том, как «отметить день суда над членами социал-демократической фракции Гос. думы», меньшевик Слюсарев заявил, что его группа «не допустит в воззвании призыва к забастовке»²⁵⁸.

Но и революционные социал-демократы в первый год войны, по крайней мере вне Петрограда и Москвы, опасаясь непонимания со стороны рабочих, очень осторожно вели агитацию в пользу политических выступлений. Так, в отчете Петроградского охранного отделения за октябрь 1916 г. отмечалось, что местные большевики «влачат жалкое существование, так как главные руководители неизменно арестовываются, а народные массы на социал-демократическую пропаганду отзываются слабо, и на открытые выступления их может толкнуть только голод и дороговизна»²⁵⁹.

В условиях затянувшейся войны позиция меньшевиков и эсеров в отношении массовых форм рабочего движения не оставалась неизменной». Через год после начала войны они

начинают проявлять интерес к забастовкам на политической почве с целью изменения состава правительства для успешного продолжения войны. Так, в докладе директора Департамента полиции от 18 августа 1915 г. отмечалось: «...Происходящие в настоящее время на политической почве забастовки рабочих, а также волнения среди них являются результатом революционной деятельности членов социал-демократической и трудовой фракций Государственной думы, и главным образом лидера последней присяжного поверенного Керенского». Далее в этом же документе говорилось, что Керенский «через своих единомышленников внушает рабочим массам не ограничиваться одним протестом против тех или иных событий в своих выступлениях, а последние сопровождать непременно требованием Учредительного собрания. Для успеха этих требований Керенский рекомендовал рабочим устраивать явочным порядком собрания на улице (массовки) и на заводах, создавать заводские коллективы (организации) для образования по образцу 1905 г. Совета рабочих депутатов, чтобы в известный момент направить движение в определенную сторону, имея лозунгом «созыв Учредительного собрания», которое и должно взять в свои руки оборону страны, так как якобы иначе правительство заключит мир с целью подавить рабочее движение». «Изложенная преступная деятельность Керенского привела к тому, что настоящее стачечное движение, несмотря на протест социал-демократов ленинского толка, имело успех лишь потому, что ленинцам социал-демократы ликвидаторы и социалисты-революционеры народники определенно отвечали, что их «думские депутаты уже более недели стучатся в пролетарскую дверь в поисках сочувствия и поддержки», и что было бы преступным со стороны представителей пролетариата не поддерживать депутатов»²⁶⁰.

В связи с приближавшейся годовщиной «Кровавого воскресенья» в 1916 г. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице следующим образом характеризовало отношение различных политических течений к массовым выступлениям: «Социал-демократы-меньшевики и Инициативная группа социал-демократов-ликвидаторов решили воздержаться от всяких выступлений, даже хотя бы в

виде однодневной забастовки». Социалисты-революционеры свое отношение к 9 января определили в прокламации, где призывали «к забастовке и устройству митингов, предоставляя во всем остальном полную свободу действий в зависимости от личной инициативы каждого отдельного члена организации и того, как сложится обстановка. Что же касается социал-демократов-большевиков, то последние стоят на крайней точке зрения, агитируя не только за проведение однодневной забастовки, которую они предполагают перевести в общеполитическую, но и за уличные демонстрации, оказывая вооруженное сопротивление чинам полиции при разгоне демонстрантов»²⁶¹.

В ходе углубления экономического и политического кризиса стремление меньшевиков-ликвидаторов, трудовиков, эсеров использовать открытые массовые выступления рабочих укреплялись. Особенно ярко это проявилось в попытках организовать поддержку Государственной думы призывами к стачкам и демонстрациям рабочих 14 февраля 1917 г. перед Таврическим дворцом, где должна была возобновить свои заседания Дума.

Конституционные демократы (кадеты) отрицательно относились к открытым массовым выступлениям рабочих практически на всем протяжении рассматриваемого периода, хотя не прочь были вызвать симпатии масс и определенную их поддержку в связи с работой Государственной думы. В этом отношении представляет интерес «Справка по г. Москве», подготовленная в МВД 29 сентября 1915 г. В ней констатировалось, что забастовка как протест против роспуска Государственной думы охватила в городе к 6 сентября до 30 тыс. рабочих не менее чем 31 предприятия, и давалась следующая характеристика позиций московских кадетов: Местная кадетская группа не ожидала выступления рабочих и не верила в его прочность как не имевшего организации и руководителей. Тем не менее это выступление, по-видимому, подействовало охлаждающим образом на тактику кадетской группы, которая, опасаясь дальнейших выступлений улицы, склонна держаться умеренной тактики, не доводя дела до забастовки организаций, обслуживающих армию»²⁶². Такое отношение к массовым выступлениям было характерно для

организации этой партии и в других местах вплоть до февраля 1917 г. Согласно агентурным сведениям по общественному движению в Петрограде от 16 января 1917 г. «вожди н.-д. групп часто за последнее время выражают свое опасение, как бы действительно не началась подобная забастовка помимо их и против их предположений»²⁶³.

Кадеты выразили отрицательное отношение к массовым выступлениям и 14 февраля 1917 г. в поддержку Думы. Примечательно, что в газете «Речь» от 10 февраля рядом с публикацией обращения командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова, призвавшего рабочих оставаться 14 февраля у станков, было напечатано открытое письмо П.Н.Милюкова с призывом к рабочим не поддаваться на провокацию и не выходить на улицу, чтобы не омрачать возобновление занятий Думы «действием, которое вселит в умы смуту»²⁶⁴.

Чтобы закончить эту тему, можно отметить, что правые и их организации (а они были и на ряде промышленных предприятий в Петрограде, Москве, Екатеринославе и в других местах) крайне отрицательно относились к любым массовым выступлениям, включая забастовки, которые осложняли снабжение армии.

В отдельных случаях большевики обсуждали с левыми элементами партийных организаций других политических направлений некоторые вопросы подготовки масс к революционной борьбе. В январе 1917 г. на собрании рабочих в Заднепровье (Екатеринослав) с участием представителей большевиков, украинских социал-демократов, эсеров, анархистов было принято решение о приобретении оружия для предстоящей борьбы²⁶⁵. В 20-х числах февраля 1917 г. большевики Васильевского острова в Петрограде действовали в контакте с левыми эсерами и меньшевиками²⁶⁶.

Роль партийной пропаганды и агитации (прежде всего листовко-прокламационной) в организации выступлений рабочих 1 мая, 9 января и т.п. была существенной, но явно отставала от потребностей развития политического движения даже в конце 1916 – начале 1917 гг. В начальный период войны влияние нелегальной литературы в антивоенном духе было, видимо, весьма слабым. В отношении Лифляндского губернатора от 20 марта

1915 г. отмечалось, что «агитация с.-д. партии не достигает цели как не отвечающая патриотическому настроению рабочих в переживаемое время. Разбрасываемые по временам на фабриках противоправительственные прокламации за подписью социал-демократов Латышского края никакого впечатления не производят и самими рабочими представляются фабричной администрации и полиции»²⁶⁷. Но и позднее, в октябре 1916 г. Петроградское охранное отделение, донося в ДП МВД о возможности возникновения серьезных стихийных беспорядков в столице в ближайшем будущем, отмечало: «Это стоит не в зависимости от революционной пропаганды, а лишь от продовольственного кризиса, революционные же организации лишь не пропустят случая взять на себя руководство возникшим движением, дабы провести в жизнь социал-демократические лозунги»²⁶⁸.

После начала войны первые общегородские экономические стачки прошли летом 1915 г. в Костроме и Иваново-Вознесенске, но перевод их на политические рельсы был тогда нереален. В листовках ПК РСДРП от октября 1915 г. дважды прозвучал призыв к всеобщей политической стачке. В одном случае рабочим столицы предлагалось выработать и принять общие экономические требования о повышении заработной платы и 8-часовом рабочем дне и предъявлять их «по всему городу одновременно»²⁶⁹. Здесь призыв прозвучал в несколько завуалированной форме. В прокламации же, выпущенной в связи со сдачей в солдаты 600 рабочих завода «Феникс», призыв был сделан в прямой форме: «Всеобщая политическая стачка!»²⁷⁰.

Перед годовщиной «Кровавого воскресенья» в 1916 г. петербургские большевики агитировали «не только за проведение однодневной забастовки», которую они предполагали «перевести в общеполитическую, но и за уличные демонстрации», вооруженное сопротивление полицейским, разгонявшим уличные выступления»²⁷¹.

В феврале 1916 г. Петербургский комитет РСДРП издал листовку, обращенную ко всем рабочим столицы, с призывом поддержать рабочих Путиловского завода (где администрация и власти пытались осуществить милитаризацию труда) «всеобщей забастовкой и уличными демонстрациями». За стачку протеста против действий властей выступили тогда не

только социал-демократы, но и социалисты-революционеры²⁷². ПК РСДРП выпустил листовку с призывом к рабочим организовать однодневную стачку 26 октября 1916 г. — в день суда над матросами Кронштадтской военной организации²⁷³.

Накануне годовщины «Кровавого воскресенья» 1917 г. Петербургский и Московский комитеты РСДРП приняли решения призвать рабочих к однодневной всеобщей забастовке. В листовке МК РСДРП говорилось: «Бросайте, товарищи, дружно работу, выходите на улицу»²⁷⁴. В агентурных записках по общественному движению в Петрограде за январь 1917 г. можно прочитать следующее: «...Идея всеобщей забастовки со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой была и в 1905 г.»; «...ожидаемый массами в феврале месяце роспуск Государственной думы не обязательно вызовет, но легко может вызвать всеобщую забастовку, которая объединит в себе всевозможные политические направления и которая, начавшись под флагом популярной сейчас «борьбы за Думу», окончится требованиями окончания войны, всеобщей амнистии, всех свобод и пр.»²⁷⁵. В докладе Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице от 19 января 1917 г. отмечалось, что «в дни ...января Петроград вновь сделался ареной слухов, подобных октябрьским, о начале всеобщей забастовки протеста, об остановке движения поездов и пр. Слухи эти распространялись с быстротой молнии: остановка 2-го января электрического цеха, продолжавшаяся не больше 1 часа, вызвала на огромной территории столицы упорные слухи о начале забастовки...»²⁷⁶. Наконец, в феврале 1917 г. ПК РСДРП выпустил листовку по поводу предстоявшего 14 февраля открытия сессии Гос. думы с призывом к однодневной забастовке 10 февраля²⁷⁷.

В результате проведенного исследования становится очевидным весьма искаженное освещение советской историографией июльских стачек 1914 г., выступлений в Москве в мае 1915 г., первомайских стачек в 1916 г., стачек в поддержку Думы в сентябре 1915 г., ноябре 1916 г. и в январе — феврале 1917 г. В июле — декабре 1914 г. политические выступления рабочих были единичными. Сколько-нибудь ши-

рокие волны политических стачек относятся к маю и сентябрю 1915 г. В первом случае поводом был Первомай, во втором — роспуск Государственной думы. Мотивами большинства политических стачек в первые два года войны являлись, кроме Первомая, репрессии властей (в прошлом или настоящем). В конце 1915 — начале 1917 г. положение существенно меняется. Политический характер приобретают стачки, начатые, казалось бы, на экономической почве в связи с ростом дороговизны или отсутствием продовольствия. Эти стачки способствовали изменению отношения широких масс к войне и центральным властям. В этой связи неправомерно было бы преуменьшать значение продовольственного вопроса в расширении политической борьбы рабочих и углублении политического кризиса, как это делалось ранее в литературе.

В итоге можно сделать вывод, что политические стачки военного периода сыграли большую роль в подготовке перехода рабочего движения в России на его высокую ступень в февральские дни 1917 г. Но политические стачки проходили не изолированно от других форм борьбы. Они тесно переплетались с демонстрациями, которым посвящена следующая глава настоящей работы.

-
- ¹ Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905. СПб., 1908. С. 31.
 - ² См.: *Фрейдлин В.* Массовое рабочее движение накануне империалистической войны // *История пролетариата СССР*. Сб. 2(18). М., 1934. С. 53.
 - ³ См.: *Рабочее движение в годы войны / Составитель Флеер. М., 1925. С. 181; Стачечное движение рабочих России в годы первой мировой войны. Материалы официальной статистики за август 1914 — январь 1917 г. В 4-х частях. Ч. I-II. М., 1986. С. 102; Ч. III-IV. М., 1988. С. 417-418.*
 - ⁴ См.: *Кирьянов Ю.И.* Стачечная борьба рабочих Екатеринославской губ. в годы первой мировой войны (июнь 1914 — февраль 1917) // *История СССР*. 1960. № 4. С. 48.
 - ⁵ См.: *Церцвадзе М.В.* Революционное движение в Грузии в 1914-1917 г. В 2-х частях. Ч. 1. (1914-1916 гг.). М., 1957. С. 223; См. также: *Панченко В.С.* Рабочее движение на Дону в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) // *Октябрьская революция на Дону. Ростов-на-Дону, 1957. С. 11-12.*

- 6 Юдина Л.С. Рабочее движение на Урале в годы первой мировой империалистической войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Рабочий класс Урала в период капитализма (1861-1917): Сб. науч. трудов. Свердловск, 1988. С. 94.
- 7 Лейберов И.П. О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы первой мировой войны и Февральской революции // Вопросы истории. 1964. № 2.
- 8 СУ. Отд. 1. 25 июля 1914 г. С. 3087; Свод законов. Т. XV. Статьи, введенные в действие. Издание 1909 г. с включением статей по продолжениям 1912 и 1913 г. Пг., 1916. (Ст. 126, 129).
- 9 ЦГВИА. Ф. 369. Оп. IX. Д. 6. Л. 83-85; Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Ч. 1. Свердловск, 1927. С. 182-197.
- 10 См.: Объявление и.д. Семипалатинского губернатора от 19 ноября 1916 г. // ГАРФ. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 63. Ч. 3. Л. 46.
- 11 См.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 г. Пг., 1915 (С. 240-287); Рабочее движение в 1917 г. М., 1926; Рабочее движение в годы войны. М., 1925 (данные последней публикации обобщены в статье И.И. Минца «Революционная борьба пролетариата в России в 1914-1916 гг.» // Вопросы истории. 1959. № 11, 12); Стачечное движение рабочих России в годы первой мировой войны. Материалы официальной статистики за август 1914 – январь 1917 г. В 4-х частях.
- 12 См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции. В док. и мат. Т. 1-2. Свердловск, 1927; Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. 1914-1917 гг.: Сб. мат. и док. Л., 1939; Рабочее движение в Петрограде в 1912-1917 гг.: Док. и мат. Л., 1958; Рабочее движение на Украине в период первой мировой империалистической войны. Июль 1914 – февраль 1917 г.: Сб. док. Киев, 1966. (Далее: Рабочее движение на Украине...) Революционное движение в Н.Новгороде и Нижегородской губернии (1907 – февраль 1917 г.): Сб. док. / Под ред. В.П.Фадеева / Сост. И.И.Голов, Н.И.Куприянова. Горький, 1971; и др.
- 13 См.: Уткин А.И. Ленинская партия во главе революционной борьбы рабочего класса России (июнь 1907 – февраль 1917 г.) М., 1985.
- 14 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1914 г. Д. 108. Ч. 61. Лит. А. Л. 25-26. Документ был опубликован в сб.: Рабочее движение в Петрограде. С. 247-248.
- 15 История рабочих Ленинграда. Т. 1. Л., 1972. С. 462.
- 16 Стачечное движение рабочих России... Ч. III-IV. С. 417-418.
- 17 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Оп. 124. Д. 61. Ч. 2. Лит. А. Л. 156.
- 18 Рабочее движение в Петрограде... С. 469.
- 19 Арский Р. В Петрограде во время войны (из воспоминаний) // Красная летопись. 1923. № 7. С.75.
- 20 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1914 г. Д. 108. Ч. 42. Л. 16-16 об.
- 21 Красный архив. 1934. № 6(67). С. 25-26.

- 22 Большевики в годы империалистической войны. 1914 – февраль 1917. Сб. документов местных большевистских организаций. [М.], 1939. (Далее – Большевики...). С. 62-63.
- 23 См.: *Лекомцев М.Г.* Источники по истории стачечного движения в Центральном промышленном районе в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Сов. архивы. 1990. № 1.
- 24 Это якобы имело место на заводах «Динамо», Дангаузера и Кайзера, Бардорфа, «Богатырь», на Прохоровской трехгорной мануфактуре, в технико-строительной конторе Залесского и Чаплина. См.: История Москвы. Т. V. М., 1955. С. 305; *Касаров Г.Г.* Стачечное движение в Москве в годы Первой мировой войны (19 июля 1914 – 25 февраля 1917 г.) // Вестник МГУ. Серия истории. 1970. № 6. С. 30; *Миц И.И.* История Великого Октября. Т. 1. М., 1977. С. 177.
- 25 *Спивак В., Шуркин П.* Очерки истории Калужской организации КПСС. Т. 1. Калуга, 1959. С. 247; *Миц И.И.* Указ. соч. С. 178; Стачки в России в 1914 – феврале 1917 г. Хроника / сост. Касаров Г.Г. Ч. 1. М., 1989. С. 14.
- 26 *Миц И.И.* Указ. соч. С. 178; *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 71.
- 27 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1914 г. Д. 108. Ч. 26. Л. 7-7 об.
- 28 См.: Там же. Д. 73. Ч. 3. Л. 1; ЦИАМ. Ф. 131. Оп. 84. Д. 114. Л. 1-3.
- 29 *Рычкова Г.П.* Лысьва. Страницы истории Лысьвенской большевистской организации. Пермь, 1963. С. 105.
- 30 Из истории Урала: Сб. док. Свердловск, 1971. С. 309.
- 31 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1914 г. Д. 108. Ч. 50. Л. 12 об.
- 32 См.: *Зольников Д.М., Максимова Л.В.* О стачечном движении в Сибири в годы Первой мировой войны // Рабочие Сибири в борьбе за социалистическую революцию и построение социализма. Новосибирск, 1975. С. 20; Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск, 1978. С. 284; Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Т. III. Томск, 1991. С. 244.
- 33 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1914 г. Д. 45. Ч. 2. Л. 27-27 об.; *Кириянов Ю.И.* Рабочие Юга России. 1914 – февраль 1917 гг. М., 1971. С. 218-219.
- 34 См.: *Кошик А.К.* Рабочее движение на Украине в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Киев, 1965. С. 67-79; *Ловженко И.Т.* Отношение широких народных масс к войне во время мобилизации в царскую армию (июль – август 1914 г.) // Сб. науч. трудов Криворожского горнорудного ин-та. Вып. XIV. Киев, 1962. С. 96, 111; *Шербина И.Т.* Робітничий клас України та його революційна боротьба в 1914-1917 роках. Київ, 1963. С. 95-97.
- 35 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1914 г. Д. 138. Ч. 18. Л. 5-8 (Луганск); Л. 11 (ст. Ясиноватая); Л. 12 (Бахмут); Ч. 45, Л. 9 (Макеевка); Л. 12 (ст. Криндачевка и Штеровка).
- 36 См.: *Зайцев Ф.* Большевики Юзовки до 1918 г. // Литературный Донбасс. 1933. № 10-12. С. 116.

- 37 Правда. 1912. 29 ноября.
- 38 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1914 г. Д. 138. Ч. 18. Л. 45; Ф. 7952. Оп. 6. Д. 31. Л. 152.
- 39 *Чхартушвили С.Д.* Борьба большевиков Закавказья против империалистической войны // Научная сессия по истории Первой мировой войны. Секция III. Борьба классов и партий. М., 1964. С. 49; *Церцвадзе М.В.* Указ. соч. С. 138; Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1963. С. 180.
- 40 См.: Хроника истории Коммунистической партии Латвии. В 2-х частях. Ч. 2. Рига, 1985. С. 148.
- 41 Большевики... С. 21.
- 42 Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 28; Рабочее движение в Петрограде. С. 263, 574; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 30.
- 43 И.П.Лейберов указывает еще на одну стачку по этому поводу, которая прошла 12 ноября на заводе «Новый Лесснер» (см.: *Лейберов И.П.* Стачечная борьба петроградского пролетариата в период Первой мировой войны (19 июля 1914 г. – 16 февраля 1917 г.) // История рабочего класса Ленинграда. Вып. II. 1963. С. 171.
- 44 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. Д. 108. Ч. 61. Лит. А. Л. 30.
- 45 Рабочее движение в годы войны. С. 28; Рабочее движение на Украине. С. 29, 37.
- 46 Рабочее движение на Украине. С. 37.
- 47 См.: ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1914 г. Д. 108. Ч. 42. Д. 25 об. (сведения по Москве). К. Воинова во вступительной статье к публикации документов о рабочем движении в Москве в 1914 – феврале 1917 г. не без основания отметила, что арест членов Думы в ноябре 1914 г. «встречается молчанием» (см.: Рабочее движение в Москве в 1914-1917 гг. Неизданные архивные материалы со вступительной статьей *К. Воиновой* // Пролетарская революция. 1923. № 14. С. 470.
- 48 ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 1479. Л. 1 об.-2.
- 49 Революционное движение в Н.Новгороде и Нижегородской губернии (1907 – февраль 1917 г.). С. 238.
- 50 И.П.Лейберов отмечает, что в Петрограде в августе, октябре, декабре 1914 г. не было ни одной политической стачки, в сентябре – одна, в ноябре – две (см.: История рабочих Ленинграда. Т. 1. Л., 1972. С. 475).
- 51 См.: *Вознесенский С.* Стачечная борьба рабочих 1870-1917 гг. // Архив истории труда. II. 1923. № 8. С. 172; Рабочее движение в годы войны. С. 19-20, 27-28; Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 гг. М., 1982. С. 328 и др.
- 52 Стачечное движение рабочих России. Ч. 1. С. 18-19.
- 53 Там же. С. 50-51.
- 54 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 61. Лит. А. Л. 1, 1 об.; Рабочее движение в годы войны. С. 35, 208-209; Рабочее движение в Петрограде. С. 286-287, 575; Стачечное движение рабочих России. Ч. 1. С. 75; Стачки в России. Хроника. Ч. 1.

- С. 37, 38-40; см. также: *Александров Ф.Л., Шалагинова Л.М.* День 9 января в 1908-1917 гг. // Исторический архив. 1958. № 1. С. 218-219.
- 55 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 106. Ч. 61. Лит. А. Л. 1.
- 56 Там же. Д. 108. Ч. 37. Л. 1-1 об.
- 57 Рабочее движение в годы войны. С. 35; Стачечное движение рабочих России. Ч. 1. С. 74; Стачка в России. Хроника. Ч. 1. С. 40.
- 58 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 106. Ч. 61. Лит. А. Л. 2; Рабочее движение в Петрограде. С. 290, 291; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 46 и 47.
- 59 Рабочее движение в Петрограде. С. 291-292.
- 60 ГА РФ. Ф. 63. 1915 г. Д. 225. Л. 1; Д. 1325. Л. 17, 20, 21, 51; Д. 1327. Л. 3 (з-д «Динамо», 17 февраля). Л. 4 (ф-ка Трынщина, 17 февраля); Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 106. Ч. 42. Л. 3; Рабочее движение в годы войны. С. 40. Стачечное движение рабочих России. Ч. 1. С. 88; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 48, 49, 50, 51.
- 61 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 106. Ч. 61. Лит. А. Л. 2.
- 62 *Арский Р.* Указ. соч. С. 79.
- 63 *Ленские приiski:* Сб. док. М., 1937. С. 391 и 393; Стачечная борьба рабочих Сибири... С. 288, 289.
- 64 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 61. Лит. А. Л. 6.
- 65 См.: ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101.
- 66 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 106. Ч. 61. Лит. А. Л. 7-7 об.; Д. 120. Л. 13; Рабочее движение в годы войны. С. 61; Рабочее движение в Петрограде. С. 301; Стачечное движение рабочих России. Ч. 1. С. 186.
- 67 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101. Л. 90; Первое мая в царской России. 1890-1916 гг.: Сб. док. М., 1939. С. 266. Согласно «Сведениям о положении дел в империи за последние шесть месяцев (с мая 1915 г.)», по случаю первомая в Петрограде в 1915 г. бастовали 700 чел. (ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 165. Л. 17).
- 68 *Арский Р.* Указ. соч. С. 83.
- 69 См.: *Шестаков С.В.* Большевики во главе рабочего движения России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1961. С. 48; *Уткин А.И.* Ленинская партия. С. 78.
- 70 Рабочее движение в годы войны. С. 210.
- 71 Первое мая. С. 268, 269, 323; ГА РФ. Ф. 63, 1915 г. Д. 1327. Л. 15-16; Д. 1325. Л. 259-261; 1912 г. Д. 191. Т. 5. Д. 274, 318.
- 72 Опираясь на данные о стачках в день 1 мая, Г.Г.Касаров насчитал в Москве 23520 стачечников на 121 предприятии (см.: *Вестник МГУ. Серия «История».* 1970. № 6. С. 32-33). Все стачки в Москве 1 мая 1915 г. отнесены к первомаяским политическим выступлениям и в книге «Стачки в России» (Ч. 1. М., 1988. С. 96-109), что является неверным (в данном случае указываются 122 стачки с 22681 участником).
- 73 ГА РФ. Ф. 63. 1915 г. Д. 1325. Л. 263; Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 130. Л. 4.
- 74 Стачечное движение рабочих России. Ч. 1. С. 136-137.

- 75 Рабочее движение в годы войны. С. 210; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 109.
- 76 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101. Л. 158.
- 77 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 73. Ч. 2. Л. 12; Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101. Л. 50; Стаечное движение рабочих России. Ч. 1. С. 137; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 95, 96, 109.
- 78 Бастовали рабочие типографий губернского земства (28 чел.), газеты «Волжский день» (18 чел.), газеты «Волжское слово» (19 чел.), Азеринского (21 чел.), Петрова (25 чел.) и Фейгельмана (23). См.: ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 120. Л. 25, 27; Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101. Л. 58, 107; Рабочее движение в годы войны. 1925. С. 61, 210; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 111, 112; *Попов Ф.Г.* Летопись революционных событий в Самарской губ. 1902-1917. Куйбышев, 1969. С. 383; Первое мая. С. 323; Стаечное движение рабочих России. Ч. 1. С. 136-137.
- 79 На механическом и чугунолитейном заводе И.А.Колесникова (18 стачечников), механическом заводе администрации по делам торгового дома Р.А.Эрш (11), завода Беринга (20) и в печатне Ковлева (16 стачечников), см.: ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 120. Л. 12; Рабочее движение в годы войны. С. 112; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 112.
- 80 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101. Л. 92; Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 120. Л. 1, 9; Рабочее движение в годы войны. С. 61, 210; Стаечное движение рабочих России. Ч. 1. С. 136; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 95.
- 81 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101. Л. 48.
- 82 Там же. Л. 194; Рабочее движение в годы войны. С. 210; Стаечная борьба рабочих Сибири. С. 290-291; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 95.
- 83 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101. Л. 9.
- 84 Там же. Л. 15; см. также: Рабочее движение в годы войны. С. 51, 209-210; в сб. «Стачки в России ... Хроника» (Ч. 1. С. 86, 94, 110-111) одни и те же первомайские стачки учтены дважды – в апреле и 1 мая.
- 85 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 83. Л. 16; Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101. Л. 49; Рабочее движение в годы войны. С. 61-62; *Щербина И.Т.* Указ. соч. С. 341; Стаечное движение рабочих России. Ч. 1. С. 137; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 113.
- 86 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101. Л. 49.
- 87 Рабочее движение в годы войны. С. 211; ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101. Л. 201.
- 88 *Маликов Ф.* Февральская буржуазно-демократическая революция в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 124; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 86.
- 89 Революционное движение в Н.Новгороде и Нижегородской губернии (1907 – февраль 1917 г.). С. 252.
- 90 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 42. Л. 8-9.
- 91 Рабочее движение в годы войны. С. 60-69, 73.
- 92 ГА РФ. Ф. 63. 1912 г. Д. 191. Т. 5. Л. 322.

- 93 Там же. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 73. Л. 16.
- 94 Там же. Д. 165. Л. 5 об., 13, 24.
- 95 Там же. Д. 108. Ч. 61. Лит. А. Л. 14 об., 15; Д. 61. Ч. 10. Т. 4. Личт. А. Л. 53-53 об.
- 96 Там же. Д. 61. Ч. 7. Лит. А. Л. 74.
- 97 Там же. Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 341. Л. 88, 97; ГАДО. Ф. 20. Д. 3117. Л. 44, 121 об., 225, 230; *Кирьянов Ю.И.* Рабочие Юга России. С. 226.
- 98 ГА РФ. Ф. ДП. Перлюстрация. 1915 г. Д. 1023. Л. 148. Характеристику событий в Москве в конце мая 1915 г. см. также: там же. Д. 1022. Л. 1033; Д. 1042. Л. 17-18.
- 99 См.: Красный архив. 1934. № 6 (67). С. 7-27.
- 100 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 30. Ч. 2. Л. 12.
- 101 Там же. Л. 12-12 об., 10, 15.
- 102 Стачечное движение рабочих России. Ч. II. С. 152.
- 103 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 30. Ч. 4. Л. 2.
- 104 Рабочее движение в годы войны. С. 70, 77, 212-213; Красный архив. 1934. № 67. С. 7-8, 9-10, 13; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 146, 149, 150, 152. Меншевицкие депутаты В.И. Хаустов и Н.С. Чхидзе, поддержанные 30 другими членами Государственной думы, подали запрос на имя министра внутренних дел по поводу расстрела рабочих (ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 30. Ч. 2. Л. 39-40 об.).
- 105 Там же. Л. 22 об.
- 106 Красный архив. 1934. № 6 (67). С. 13.
- 107 См.: *Лаврычев В.Я.* Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны. М., 1957. С. 112-117.
- 108 Рабочее движение в годы войны. С. 89; ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 14. Л. 62; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 191.
- 109 Стачечное движение рабочих России. Ч. II. С. 188-189.
- 110 ГА РФ. Ф. ДП. Перлюстрация. 1915 г. Д. 1028. Л. 1111.
- 111 Там же. 4 д-во. 1915 г. Д. 61. Ч. 10. Т. 4. Лит. А. Л. 46.
- 112 Там же. Л. 46 об.
- 113 Там же. Д. 108. Ч. 61. Лит. А. Л. 14 об.
- 114 Там же. Д. 61. Ч. 10. Т. 4. Лит. А. Л. 50.
- 115 Там же. Л. 24.
- 116 Стачечное движение рабочих России. Ч. II. С. 189-190.
- 117 Эти данные близки к подсчетам И.П. Лейберова: 17 августа — 4,7 тыс. рабочих с 3 предприятий, 18-19 августа — 22,5 тыс. рабочих с 23 предприятий (История рабочих Ленинграда. Т. 1. С. 483). В «Хронике» сб. «Рабочее движение в Петрограде в 1912-1917 гг.» (Л., 1958) сказано: «По официальным данным, в стачках (17-20 августа) участвовало 19 заводов с 27 тыс. стачечников» (С. 579).
- 118 Сборник «Социал-демократа». 1916. № 1. С. 55.
- 119 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 61. Лит. А. Л. 14 об. 15; Д. 165. Л. 18; Д. 61. Ч. 10. Т. 4. Лит. А. Л. 53-53 об.
- 120 См.: История рабочих Ленинграда. Т. 1. С. 484.

- 121 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 106. Ч. 61. Лит. А. Л. 15; Рабочее движение в Петрограде. С. 386; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 201.
- 122 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 42. Л. 24.
- 123 См.: *Кирьянов Ю.И.* Рабочие Юга России. С. 233.
- 124 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 108. Ч. 61. Лит. А. Д. 16.
- 125 Там же. Д. 61. Ч. 10. Т. 4. Лит. А. Л. 115, 118.
- 126 Там же. Л. 119.
- 127 Стачечное движение рабочих России. Ч. II. С. 203.
- 128 См.: *Кукушкин С.* Московские большевики в годы первой мировой войны. М., 1963. С. 89.
- 129 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 42. Л. 18.
- 130 Там же. Ф. 63. 1915 г. Д. 1327. Л. 45. Перечень 38 предприятий Москвы, где проходили забастовки по поводу роспуска Думы, приводятся в статье К. Воиновой. На 20 из них бастовало 11 тыс. рабочих (Пролетарская революция. 1923. №14. С. 475-476).
- 131 См.: Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 204, 205, 209-211, 214, 215-222, 222-230, 230-231.
- 132 Социал-демократ. 1915. № 51.
- 133 ГА РФ. Ф. ДП. Перлюстрация. 1915 г. Д. 1030. Л. 1375.
- 134 Стачечное движение рабочих России. Ч. II. С. 205; Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 231.
- 135 См.: *Кирьянов Ю.И.* Рабочие юга России. С. 233.
- 136 Социал-демократ. 1915. 21 декабря.
- 137 Призыв. 1915. 30 октября.
- 138 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 42. Л. 18 об.-19; Призыв. 1915. 30 октября.
- 139 См.: *Кукушкин С.* Указ. соч. С. 90. Бастовали в частности, рабочие завода «Динамо».
- 140 Стачки в России. Хроника. Ч. 1. С. 232-285, 239.
- 141 Большевики... С. 81-82.
- 142 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 61. Лит. А. Л. 21 об.
- 143 Стачечное движение рабочих России. Ч. II. С. 228-229.
- 144 Рабочее движение в годы войны. С. 112.
- 145 Стачечное движение в России. Ч. II. С. 265.
- 146 *Арский Р.* Указ. соч. С. 86.
- 147 См.: Рабочее движение в Петрограде. С. 404-405; Большевики. М., 1939. С. 94; Бюллетень, издаваемый объединенными группами ПС-Р., 1916. Июнь. № 1. С. 18, 20.
- 148 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 158.
- 149 Там же. Л. 40.
- 150 Там же. Д. 17, 25-27; д. 5. Ч. 88. Д. 341. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 61. Ч. 2. Лит. А. Т. 1; Рабочее движение в годы войны. С. 236-240; Рабочее движение в Петрограде. С. 401.
- 151 Рабочее движение в Петрограде. С. 403, 631.
- 152 Социал-демократ. 1916. 31 марта (13 апреля). № 53.
- 153 Рабочее движение в Петрограде. С. 631.
- 154 См.: *Кукушкин С.* Указ. соч. С. 97.
- 155 Рабочее движение в Петрограде. С. 443, 445-446, 446-447.

- 156 *Быстрянский В.* В начале 1916 г. (из документов) // Красная летопись. 1923. № 7. С. 209.
- 157 Рабочее движение в Петрограде. С. 449, 451.
- 158 Там же. С. 591.
- 159 *Уткин А.И.* Ленинская партия во главе революционной борьбы. М., 1985. С. 85.
- 160 История рабочих Ленинграда. Т. 1. С. 494-495; *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. М., 1979. С. 37.
- 161 ГА РФ. Ф. 1916 г. Д. 25. Т. 1 а. Д. 26-31 об.; Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 5. Ч. 46. Л. 17, 25.
- 162 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 61. Ч. 2. Т. 2. Лит. А. Л. 77.
- 163 Рабочее движение в годы войны. С. 148; Рабочее движение в Петрограде. С. 456-457.
- 164 ГА РФ. Ф. 63. 1916 г. Д. 25. Т. 1 а. Л. 34.
- 165 Ленские прииски: Сб. док. М., 1937. С. 407; Стаечная борьба рабочих Сибири. С. 300-301.
- 166 См.: *Мухин А.А.* Социально-классовая активность промышленных рабочих Сибири и Дальнего Востока накануне Февральской революции 1917 г. // Нарастание революционного кризиса в России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Л., 1987. С. 60.
- 167 См.: *Воинова К.* Указ. соч. С. 431; Первое мая в царской России. С. 273-275, 278-279; Рабочее движение в Петрограде. С. 456-460 и др.
- 168 Листовки петербургских большевиков. Т. II. М., 1939. С. 215-216; Рабочее движение в Петрограде. С. 459-460.
- 169 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Оп. 246. Д. 101. Т. 1.
- 170 Стаечное движение рабочих России. Ч. III-IV. С. 365.
- 171 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 101. Т. 1. Л. 104.
- 172 Рабочее движение в годы войны. С. 294; Первое мая. С. 276; Рабочее движение в Петрограде. С. 463.
- 173 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. Д. 4. Ч. 46. Лит. Б. Л. 287; Первое мая. С. 324
- 174 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 101. Т. 1. Л. 35, 36; Ф. 63. 1916 г. Д. 25. Т. 1 а. Л. 46, 47; Рабочее движение в годы войны. С. 293.
- 175 ГА РФ. Ф. 63. 1916 г. Д. 25. Т. 1 а. Л. 47 об.
- 176 *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 86. *К. Воинова* в своей статье также причисляла стачки 2 мая к первомайским, хотя и отмечала, что почти во всех случаях предъявлялись экономические требования. (*Воинова К.* Указ. соч. С. 481-482).
- 177 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 101. Т. 1. Л. 206.
- 178 См.: *Уткин А.М.* Указ. соч. С. 86.
- 179 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 101. Т. 1. Л. 106, 164; Рабочее движение в годы войны. С. 293-294.
- 180 Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Т. 1. Свердловск, 1927. С. 359.
- 181 *Ромас А.А.* Рабочее движение на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г. (на материалах Амурской и Приморской областей) // Материалы

- второй Дальневосточной межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию советской власти. Хабаровск, 1967. С. 38.
- 182 Первое мая. С. 323; *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 86.
- 183 *Церцвадзе М.В.* Указ. соч. С. 241-242.
- 184 *Юдина Л.С.* Рабочее движение на Урале в годы Первой мировой империалистической войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Рабочий класс Урала в период капитализма (1861-1917). Свердловск, 1988. С. 102-103.
- 185 См.: *Савицкий Э.М.* Революционное движение в Белоруссии. Минск, 1981. С. 90.
- 186 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 10. Ч. 2. Л. 4.
- 187 См.: Рабочее движение в годы войны. С. 292-295.
- 188 Стачечное движение рабочих России. Ч. III-IV. С. 452.
- 189 См.: История рабочих Ленинграда. Т. 1. С. 500.
- 190 Рабочее движение в Петрограде. С. 493-494.
- 191 Там же. С. 501-502.
- 192 Там же. С. 508.
- 193 Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914-1916 г. Л., 1939. С. 173.
- 194 Красный архив. 1933. Т. 57. С. 56-57.
- 195 Стачечное движение рабочих России. Ч. III-IV. С. 463. Рабочее движение в годы войны. С. 197.
- 196 См.: ГА РФ. Ф. 63. Д. 25. Т. 1. Л. 222; Т. 1 а. Л. 85, 88, 123, 1266, 127; Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г.; Д. 101. Т. 3. Л. 248; ЦГИА г. Москвы. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 3. Л. 727, 735, 870.
- 197 См.: Пролетарская революция. 1923. № 2 (14). С. 486.
- 198 *Шестаков С.В.* Большевики во главе рабочего движения... М., 1961. С. 120; *Кукушкин С.* Указ. соч. С. 111-112; *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 86, 90-91.
- 199 Рабочее движение в годы войны. С. 314.
- 200 Там же. С. 316-317.
- 201 Рабочее движение в Петрограде. С. 521.
- 202 Рабочее движение в годы войны. С. 314-315.
- 203 Там же. С. 320; Большевики... С. 161, 164-165; 166, 167.
- 204 См.: ГА РФ. Ф. 124. Оп. 33. 1917 г. Д. 26. Л. 1; Большевики... С. 165; *Кирьянов Ю.И.* Рабочие Юга России. С. 132, 136.
- 205 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 108. Л. 8; Рабочее движение в годы войны. С. 321; Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 265; Большевики. С. 160-161.
- 206 ГА РФ. Ф. 63. 1917 г. Д. 69. Л. 19, 25; Д. 70. Л. 2 об., 14; Ф. ДП. ОО. 1917 г. Д. 158; Рабочее движение в годы войны. С. 313, 321.
- 207 Рабочее движение в годы войны. С. 319.
- 208 ГА РФ. Ф. 63. 1917 г. Д. 69. Л. 53-55, 63. Список опубл. в прил. к работе: *Воинова К.* Указ. соч. С. 537-543.
- 209 ГА РФ. Ф. 63. 1917 г. Д. 69. Л. 19-30; Ф. ДП. 4 д-во. 1917 г. Д. 42. Ч. 2. Т. 2. Л. 16; РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 141. Л. 31-32; Оп. 21. Д. 219. Л. 28-29; 71-77, 98-100, 123, 197 сб., 211; ЦГИА г. Москвы. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 3. Л. 665-671, 684-686, 691, 796,

- 800, 812, 829, 833, 842, 860, 875, 891; *Воинова К.* Указ. соч. С. 537-543.
- 210 *Касаров Г.Г.* Подготовка и организация московскими большевиками политической стачки и демонстрации 9 января 1917 г. // Деятельность В.И.Ленина и местных партийных организаций в годы первой мировой войны. Пермь, 1985. С. 51. Большевики... С. 162.
- 212 См.: *Воинова К.* Указ. соч. С. 537-543.
- 213 ГА РФ. Ф. 63. 1917 г. Оп. 21. Д. 70. Л. 2 об., 38; *Воинова К.* Указ. соч. С. 537.
- 214 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 101. Т. 4. Л. 11; Ф. ДП. ОО. 1917 г. Д. 158. Л. 36; РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 74; ЦГИА г. Москвы. Ф. 16, Оп. 111. Д. 46. Л. 10, 11; Ф. 17. Оп. 84. Д. 906. Т. 7. Л. 6, 8; Ф. 1294. Оп. 1. Д. 3, Л. 694.
- 215 См.: *Александров Ф.Л., Шалагинова Л.М.* Указ. соч. С. 221; ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1917 г. Д. 45. Ч. 2. Л. 1-6 об.; РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 219-219 об.; Рабочее движение в годы войны. С. 321-322; *Кирьянов Ю.И.* Рабочие Юга России. С. 270; Рабочее движение на Украине. С. 362, 364, 365, 368, 385; Из истории Урала: Сб. док. Свердловск, 1971. С. 320; ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1917 г. Д. 158. Л. 40; Д. 123. Л. 39; Д. 88. Ч. 2. Л. 1 а; РГИА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 7048. Л. 1.
- 216 См.: *Александров Ф.Л., Шалагинова Л.М.* Указ. соч. С. 221; ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 108. Л. 8; Рабочее движение в годы войны. С. 321.
- 217 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1917 г. Д. 42. Ч. 2. Т. 2. Л. 1.
- 218 Там же. Л. 2; Рабочее движение в годы войны. С. 322.
- 219 ГА РФ. Ф. 124. 1917 г. Оп. 55. Д. 62. Л. 1; Ф. ДП. 4 д-во. 1917 г. Д. 5. Ч. II. Л. 38-42; Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 349, 407.
- 220 РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 288; РГИА. Ф. 37. Оп. 58. Д. 870, Л. 39, 72 а; *Щербина И.Т.* Указ. соч. С. 366; *Кирьянов Ю.И.* Рабочие Юга России. С. 271-272.
- 221 Революционное движение в Н.Новгороде и Нижегородской губ. С. 293-294; ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 43. Ч. 2. Л. 80; РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 244-245; ЦГИА г. Москвы. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 3. Л. 653.
- 222 ГА РФ. Ф. 111. 1917 г. Д. 669 а. Л. 63; см. также: Большевики... С. 174.
- 223 Там же. Ф. 63. 1917 г. Д. 70. Л. 121, 126.
- 224 Большевики... С. 172.
- 225 Листовки петербургских большевиков. Т. II. М., 1939. С. 243-245; Рабочее движение в Петрограде. С. 539-541.
- 226 Рабочее движение в Петрограде. С. 608.
- 227 Там же. С. 637.
- 228 Там же. С. 608.
- 229 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1917 г. Д. 42. Ч. 2. Л. 15; Ф. 63, 1917 г. Д. 69. Л. 57; Д. 70. Л. 145; РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 219. Л. 258-261, 317, 428; ЦГИА г. Москвы. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 3. Л. 888, 890, 900, 932.
- 230 ГА РФ. Ф. 63. 1917 г. Д. 70. Л. 145.

- 231 Рабочее движение на Украине. С. 389.
- 232 ГА РФ. Ф. 111. 1917 г. Д. 669.
- 233 Рабочее движение в Петрограде. С. 542, 608, 636; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 40. Л. 95.
- 234 Большевики... С. 175.
- 235 ГА РФ. Ф. ДП. Перлюстрация, 1917 г. Д. 1070. Л. 84.
- 236 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1917 г. Д. 42. Ч. 2. Л. 15; Ф. 63, 1917 г. Д. 25. Т. 1. Л. 72.
- 237 Там же. Ф. 111. 1917 г. Д. 669 а. Л. 60.
- 238 См.: *Уткин А.И.* Ленинская партия во главе революционной борьбы рабочего класса России (июль 1907 – февраль 1917 г.). М., 1985. Табл. 7. С. 110.
- 239 Революционное движение в Н.Новгороде и Нижегородской губ. С. 258.
- 240 Революционное движение на Брянщине (1895 – февраль 1917 г.): Сб. док. и мат. Тула, 1976. С. 294.
- 241 Стачки в России... Хроника. Ч. 1. С. 25.
- 242 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1914 г. Д. 108. Ч. 15. Л. 111.
- 243 Там же. 1915 г. Д. 108. Ч. 47. Л. 6.
- 244 Там же. Д. 165. Л. 24 об.
- 245 См.: *Церцвадзе М.В.* Указ. соч. С. 220.
- 246 Из истории Урала: Сб. док. Свердловск, 1971. С. 313.
- 247 Рабочее движение в Петрограде. С. 433, 437.
- 248 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 5. Ч. II. Л. 52.
- 249 Рабочее движение в годы войны. С. 157.
- 250 ГА РФ. Ф. 63. 1917 г. Д. 69. Л. 62.
- 251 Стачки в России. Хроника. С. 24, 27 (в Иркутске в октябре 1914 г.).
- 252 Большевики... С. 3, 5, 13, 26, 38, 43, 48, 50, 64, 76, 82, 94, 117, 118.
- 253 См.: *Церцвадзе М.В.* Указ. соч. С. 222; *Юдина Л.С.* Указ. соч. С. 95, 97, 103.
- 254 Стачное движение рабочих России. Ч. II. С. 202-203, 204; см. также: Ч. III-IV. С. 322, 452.
- 255 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1915 г. Д. 101. Л. 9.
- 256 Стачное движение рабочих России. Ч. II. С. 204.
- 257 Большевики... С. 162.
- 258 Рабочее движение на Украине. С. 46.
- 259 См.: Красный архив. 1926. № 4 (17). С. 28.
- 260 А.Ф.Керенский в борьбе за Учредительное собрание в 1915 г. // Голос минувшего. 1918. Октябрь-декабрь. № 10-12. С. 336.
- 261 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 158. Л. 8.
- 262 ГА РФ. Ф. ДП. 2 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 42. Д. 18.
- 263 ГА РФ. Ф. 111. 1917 г. Оп. 5. Д. 664. Л. 20.
- 264 Речь. 1917. 14 февраля.
- 265 См.: *Летопись революции (Харьков).* 1923. №3. С. 104.
- 266 История рабочих Ленинграда. Т. 1. С. 516.
- 267 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 37. Л. 2-2 об.
- 268 Красный архив. 1926. № 1 (17). С. 29.
- 269 Рабочее движение в Петрограде. С. 373.
- 270 Большевики... С. 81-82.

- 271 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 158. Л. 8.
- 272 Рабочее движение в Петрограде. С. 449, 451.
- 273 Там же. С. 508.
- 274 Там же. С. 521; Большевики... С. 161.
- 275 ГА РФ. Ф. 111. 1917 г. Оп. 5. Д. 664. Л. 20.
- 276 Там же. Л. 28.
- 277 Листовки петербургских большевиков. Т. II. С. 243-245.

Глава 3.

ДЕМОНСТРАЦИИ РАБОЧИХ

Одной из важных форм политической борьбы и социального протеста рабочих, утвердившейся в России на рубеже XIX-XX в., были уличные демонстрации — массовые шествия для выражения общественных настроений (поддержки, протеста, солидарности) и предъявления соответствующих требований. Война привела к запрету каких-либо публичных политических акций антивоенного и антиправительственного характера. Но, несмотря на это, РСДРП неоднократно призывала рабочих к проведению стачек, митингов и демонстраций протеста против особенно вызывающих фактов репрессий царских властей или в память о жертвах революции прошлых лет. Так, Петербургский, Московский и некоторые другие комитеты большевиков призывали к забастовкам и демонстрациям в связи с судом над большевистской фракцией IV Государственной думы в феврале 1915 г., годовщиной Ленского расстрела в 1915 и 1916 гг., применением огнестрельного оружия против рабочих в Иваново-Вознесенске в августе 1915 г., годовщиной «Кровавого воскресенья» в январе 1916 и 1917 гг., и т.д.¹ Меньшевики вплоть до конца 1916 г. отрицательно относились не только к политическим, но и к экономическим выступлениям рабочих, не говоря уже о демонстрациях. Лишь в декабре 1916 г. они приняли решение в пользу агитации за стачки и демонстрации 14 февраля 1917 г. в поддержку Думы, очередная сессия которой открывалась в тот день, в Петрограде.

Демонстрации в условиях войны стали проходить гораздо реже, чем ранее, были кратковременными, но не прекратились, сохраняя при этом всю присущую им атрибуцию — красные флаги, транспаранты, пение революционных песен, разбрасывание листовок. В условиях военного времени уличные демонстрации проходили обычно в сочетании со стачками, кратковременными митингами и собраниями, составляя вместе с ними единое выступление революционного характера.

Об уличных демонстрациях рабочих в период войны в литературе, естественно, упоминалось², но специально этим вопросом в рамках рассматриваемого периода никто не занимался. Сколько было уличных демонстраций, какие требования и призывы на них звучали, где они проходили, сколько людей в них участвовало, — на эти и некоторые другие вопросы ответа в литературе мы не найдем.

Уличные демонстрации стали проводиться в Петрограде буквально с первых дней войны, «известной реакцией против войны были выступления рабочих на демонстрациях. Правда, эти демонстрации не могли быть в силу объективных причин крупными, но все же известные проявления недовольства проскальзывали наружу и нарушали полицейско-патриотическое благополучие, — вспоминал очевидец событий того времени. — Такие демонстрации имели место в некоторых рабочих районах, иные из них докатывались даже до Невского...»³. 19 июля 1914 г. в Петрограде в связи с призывом запасных по мобилизации прошло несколько демонстраций. В докладе начальника Петроградского охранного отделения отмечалось: «...толпа демонстрантов с фабрики Эриксона, увидев партию запасных около 100 человек, следовавшую в сопровождении околоточного надзирателя и 2 городских на сборный пункт, встретила их криками: “Долой войну!” и, окружив тесным кольцом, стала сопровождать партию с пением “Рабочей марсельезы”, требуя от чинов полиции роспуска по домам запасных. Далее означенную партию запасных, частью смешавшихся с демонстрантами, встретила вторая толпа демонстрантов, рабочих-лесснеровцев, и с криками: “Бей полицию!” набросилась на чинов полиции, сопровождавших запасных, причем у одного из городских, упавшего от удара камнем, был кем-то из толпы похищен револьвер. Демонстранты были рассеяны прибывшим разездом конных городских. Разбежавшиеся запасные прибыли на сборный пункт частью сами, а частью были собраны на месте происшествия. Еще беспорядок в связи с происходившей мобилизацией произошел на Невском пр. около 2 часов дня. Когда партия запасных нижних чинов, шедшая из Шлиссельбургского участка, проходила около Городской думы, то большое количество публики со

всех сторон Невского пр. приветствовало их криками “Ура”, сзади же запасных сгруппировалась небольшая толпа, человек около 50, и стала кричать: “Долой войну!”, причем выкинула красный флаг и запела “Марсельезу”. Публика бросилась на эту толпу демонстрантов и стала ее избивать, крича: “Изменники, предатели...”. Подоспевшая полиция вырвала избиваемых из рук толпы, и вместе с отобранным флагом 8 человек демонстрантов, задержанных толпой, были провождены в участок»⁴.

После июльских выступлений рабочих Петрограда уличных демонстраций довольно продолжительное время не было, хотя намерение организовать их у большевиков возникало не раз в связи с арестами большевистской фракции IV Думы в ноябре 1914 г. и судом над ее членами в феврале 1915 г. Но революционное подполье опасалось, что их призывы к массовым политическим протестам могут оказаться «не услышанными» массой», и каждый раз отказывалось от подобного рода призывов. По сообщению петроградского градоначальника, «индифферентизм большинства рабочих по отношению к арестованным и подлежащим суду депутатам и критическое отношение рабочих к листкам и воззваниям, призывающим выступить в день суда (10 февраля) заставили инициаторов затем отказаться от задуманных эффектных выступлений ввиду отсутствия каких бы то ни было надежд на успех и во избежание дискредитирования авторитетности обслуживаемого ими партийного подполья. Рассмотрение дела над бывшими членами Гос. думы, продолжавшееся в течение 4-х дней, и вынесенный судом обвинительный приговор, опубликованный во всех газетах, почти не произвел на рабочих никакого впечатления. Работы на всех фабриках и заводах прошли обычным порядком. Ниже поименованные попытки к демонстрационному выступлению и выражению протеста против суда над бывшими депутатами Гос. думы были крайне жалкими...*. Никаких скоплений рабочих на улицах вблизи места заседания суда (Литейный пр., 4) и на прилегающих к нему улицах не наблюдалось»⁵.

* Имелись в виду стачки отдельных групп рабочих на некоторых предприятиях.

Согласно донесению начальника Петроградского охранного отделения, 1 мая 1915 г. «в течение дня не было отмечено ни одного уличного демонстративного выступления»⁶. Кратковременная демонстрация прошла лишь в Москве. 1 мая 1915 г. рабочие завода «Динамо» вышли с завода и запыли «Марселъезу», но вскоре были разогнаны полицией⁷.

С определенной долей условности можно говорить о демонстрации (или даже двух демонстрациях) в Костроме в начале июня 1915 г. 2 июня здесь началась экономическая стачка рабочих Большой льняной мануфактуры. Угроза администрации лишит участников льготы, освобождавшей от военной службы, не помогла. 8 июня бастовали уже 6 тыс. рабочих, а с 5 июня к ним присоединились 2 тыс. рабочих фабрики Бельгийского анонимного общества. Вечером того же дня стачечники пошли снимать с работы рабочих фабрики Зотова, занятой приготовлением материалов для пулеметных лент. Как отмечалось в запросе, внесенном в Думу депутатами-меньшевиками, во дворе фабрики Зотова рабочие наткнулись на полицию и солдат, которые арестовали 9 молодых демонстрантов. Прошел слух, что арестованных начали избивать. Это привело рабочих в страшное волнение, и они потребовали от полиции освобождения своих товарищей. Полиция отказалась, рабочие заявили, что они не уйдут до тех пор, пока арестованные не будут освобождены. Тогда полиция открыла стрельбу по рабочим. В результате, по официальным данным, убитых четверо и девять раненых»⁸.

В начале августа костромские события как бы повторились, но уже в другом городе – Иваново-Вознесенске. Здесь в ночь с 9 на 10 августа в связи с активизацией деятельности большевиков были произведены аресты 20 человек. В ответ на эти действия властей рабочие некоторых фабрик поднялись на забастовку. Под руководством большевика Е.С.Зиновьева днем был проведен на кладбище митинг, участники которого решили потребовать освобождения арестованных, а на следующий день предъявить предпринимателям экономические требования. Уже вечером того же дня на городской площади началась своеобразная демонстрация протеста – собрался многотысячный митинг. Ораторы требовали освобождения арестованных, выражали протест против войны и

ее тягот, призывали солдат не стрелять в рабочих. Слышались возгласы «Долой войну!», «Долой самодержавие!». А после митинга его участники направлялись к тюрьме, где находились арестованные товарищи. Дойдя до выставленной заставы солдат, рабочие остановились, и Зиновьев стал разъяснять солдатам требования рабочих, призывая не употреблять оружия. Однако это обращение не возымело действия. Вскоре прозвучали выстрелы: 30 человек были убиты и 58 ранены⁹.

Несколько демонстрационных выступлений были связаны с роспуском Государственной думы осенью 1915 г. 2 сентября рабочие многих мастерских Путиловского завода (в общей сложности 6264 чел.) вышли на улицу и устроили сходку, где было принято следующее решение: 1) потребовать возвращения из ссылки 5 депутатов-большевиков; 2) выразить протест против предполагаемого роспуска Думы; 3) выразить протест против недавнего ареста рабочих завода; 4) выразить протест по поводу непринятия правительством мер «против продажи отечества и требовать ответственного министерства»; 5) выразить протест в связи с тем, что полиция не призвана на военную службу; 6) потребовать, чтобы к охране порядка не привлекались казаки; 7) потребовать 15% прибавки к заработку. Как отмечалось в полицейском документе, после этого мастеровые пропели «Марсельезу» и, прокричав «ура», вышли с завода. У Школьного пер., на Петергофском шоссе собравшаяся толпа рабочих вновь пропела «Марсельезу», после чего была разогнана полицией¹⁰. По другим данным, 2 сентября 1915 г. около 11 часов часть рабочих Путиловского завода пыталась устроить митинг во дворе, но большинство отнеслось к этому отрицательно и рабочие (в числе 19 тыс.) разошлись по домам. При этом «толпа расходившихся рабочих около 300 чел., на углу Петергофского шоссе и Елизаветинской ул. запела революционную песню», но была немедленно рассеяна нарядом полиции¹¹.

3 сентября расходившиеся с работы рабочие чугунолитейного и котельного завода Г.А.Лесснера в числе 4000 чел. запели революционную песню и стали бросать камни в полицию, ранив городского. В ответ прозвучали 5 револьверных выстрелов, один из рабочих был легко ранен, а другие раз-

бежались¹². 4 сентября количество бастующих в Петрограде достигло 70 тыс. чел. «Несколько произведенных в течение дня попыток собраться в толпу и запеть революционную песню» были немедленно прекращены нарядом полиции¹³. Попытки устроить демонстрации по поводу роспуска Думы были 3 сентября и в Москве¹⁴.

В начале ноября прошли небольшие демонстрации в Петрограде и Саратове в связи с кончиной (5 ноября) бывшего члена II Думы социал-демократа В.Б.Ломтатидзе. В столице 7 ноября 1915 г. в 3 часа дня после окончания работ на фабриках и заводах «соединившаяся внезапно на углу Б.Сампсониевского пр. и Гельсингфорсской ул. толпа рабочих чугунолитейного завода акц. об-ва “Лесснер”, что под № 78 по Б.Сампсониевскому пр., телефонной фабрики “Эриксон”, что под № 70 по Б.Сампсониевскому пр., и других, шедших по домам, запела: “Вы жертвою пали в борьбе роковой”... и двинулась по Б.Сампсониевскому пр., но была встречена у д. № 68 по тому же проспекту нарядом участковой полиции... и рассеяна, причем арестовано 5 человек из числа певших, которые и привлечены к ответственности... Демонстрация вызвана смертью бывшего члена Гос. думы Ломтатидзе». Общее число демонстрантов достигало 5 тыс. чел.¹⁵

По этому же поводу 9 ноября прошла демонстрация в Саратове, где рабочие нескольких предприятий проводили гроб с телом покойного на вокзал для отправления его на Кавказ. На гроб было возложено 42 венка от рабочих организаций, на вокзале — произнесены речи от фракции РСДРП IV Думы Н.С.Чхенкели, саратовскими рабочими Галактионовым и Розенштейном, представителями студенчества¹⁶. Наконец, в конце 1915 г. прошла еще одна демонстрация в Петрограде. 3 декабря 1100 рабочих трубочного завода акционерного общества «Промет» после дневной смены «устроили во дворе неразрешенную сходку, после которой с пением оставили завод». Демонстранты были рассеяны полицией. Некоторым рабочим был выдан расчет (на проходившей тогда же сходке 1500 рабочих завода акц. общества механических, гильзвых и трубочных заводов П.В.Барановского оратор призвал осудить войну и бойкотировать ВПК¹⁷.

В 1916 г. демонстрационное движение ширится и набирает силу. Это происходит на фоне развертывания печатной и устной агитации революционных социал-демократов. В корреспонденции из Петрограда в большевистскую газету «Социал-демократ» отмечалось: «Вопрос о выступлении в день 9 января встал перед питерскими рабочими уже в начале декабря. Петербургский комитет передал на решение районосов принятый им проект однодневной стачки с демонстрациями. Требованиями этого выступления решено было выставить наши "три кита" ... Отношение же к войне выразить демонстрациями под лозунгом: "Долой войну, да здравствует революция". Демонстрации решено было устраивать утром, по окончании заводских митингов, при выходе рабочих с заводов и фабрик». По примеру июльских дней 1914 г. рабочие должны были соединяться к центру города¹⁸. Меньшевики же и группа ликвидаторов «решили воздержаться от всяких выступлений даже хотя бы в виде однодневной забастовки». Социалисты-революционеры в специальной прокламации призвали к забастовке и устройству митингов 9 января, «предоставляя во всем остальном полную свободу действий в зависимости от личной инициативы каждого отдельного члена организации и того, как сложится обстановка».

7 января 1916 г., в 7-м часу вечера на заводах чугунолитейном, где работали 6 тыс. чел., акц. об-ва соединенных кабельных заводов (1200 чел.) и на телефонной ф-ке «Эриксон и К⁰» (3500 чел.), в момент выхода рабочих с предприятий, «выступили по одному известному оратору, которые убеждали рабочих произвести сплоченной массой демонстрацию в день 9 января и не бояться крови, как не боялись их товарищи в 1905 г.»¹⁹. 8 января на многих заводах столицы разбрасывались и развешивались прокламации революционного содержания, призывавшие к сплоченным демонстрационным выступлениям в день 9 января, причем на Путиловском и трубочном заводах рабочие, выходя с работы, пытались устроить сходки, которые «чинами полиции допущены не были»²⁰.

Как отмечалось в одном из полицейских документов, в 1916 г день 9 января был отмечен в Петрограде попытками рабочих при выходе с предприятий: «1) устраивать уличные

демонстрации с выбрасыванием красных флагов и пением революционных песен; 2) снимать с работ не желавших присоединиться к бастующим и 3) открыто выразить свое поощрение лицам, оказавшим сопротивление нарядам полиции»²¹. В столице бастовали около 70 тыс. рабочих. Рабочие нескольких предприятий провели небольшие демонстрации, которые быстро пресекла полиция. Еще одна неудачная попытка проведения демонстрации была сделана 10 января²². Кроме Петрограда, демонстрации с красными флагами и пением революционных песен были проведены в Москве²³.

11 января в Петрограде состоялось собрание рабочих завода «Эриксон», обсуждавшее отношение к ликвидаторам-гвоздевцам и осудившее последних в специально принятой резолюции. После собрания рабочие прошли по Б.Сампсониевскому пр. с красным знаменем с надписью «РСДРП» и с пением революционных песен²⁴.

В связи с намерением властей провести милитаризацию предприятий, митинг и демонстрация были проведены 12 февраля 1916 г. по призыву ПК РСДРП рабочими столичного патронного завода²⁵.

17 марта забастовали 650 рабочих инструментальной мастерской завода «Русского акц. общества соединенных механических заводов (бывш. "Лесснер")», они потребовали повышения расценок, поденной платы, улучшения положения учеников, признания расценочной комиссии и улучшения гигиенических условий труда. 21 марта не работал уже весь завод (6100 рабочих). В этот же день прошла демонстрация 1000 рабочих на Старопетергофском и Нарвском проспектах. Рабочие несли красные знамена и пели революционные песни²⁶.

В это же время началась подготовка к Первому. Большевики и передовые рабочие намеревались отметить его не только стачками, но и демонстрациями. В Петрограде этот замысел реализовать частично удалось²⁷, в других городах (Саратове, Челябинске) выступления рабочих были заблаговременно пресечены полицией.

С октября 1916 г. в Петрограде на фоне нового подъема стачечного движения начались демонстрации по поводу дороговизны продуктов. 13 октября демонстрация с пением

революционных песен была проведена рабочими завода «Феникс». 14 октября митинги рабочих «Старого Лесонера» и минного завода Русского общества также закончились демонстрацией²⁸. Сходки, митинги и демонстрации повторились в столице во время политической стачки 60 тыс. рабочих более 60 предприятий 17-20 октября. Выходя с предприятий, рабочие заводов «Сименс и Жуккерт», «Артур Коппель», «Зигель» и металлического пытались петь революционные песни, но каждый раз рассеивались полицией²⁹.

26 ноября прошла стачка 5 тыс. рабочих минного завода Русского общества (бывш. «Парвийнен») в связи с гибелью в результате несчастного случая двух рабочих. Похороны погибших превратились в демонстрацию с пением революционных песен, закончившуюся столкновением с полицией³⁰.

Новый всплеск демонстрационных выступлений относится к январю — февралю 1917 г. В этих выступлениях переплелись и протест по поводу расстрела рабочих 9 января 1905 г., и требование наладить снабжение предметами первой необходимости, и стремление поддержать оппозиционную правительству Государственную думу, и протест против войны. Неудачные попытки проведения демонстраций в память о жертвах 9 января 1905 г. были зафиксированы в Петрограде. В Москве же подготовку демонстрации в 12-ю годовщину «Кровавого воскресенья» вели большевики, анархисты, эсеры и меньшевики из рабочей группы Московского областного военно-промышленного комитета. Однако последние 7 января 1917 г. были арестованы, эсеры не сумели выпустить прокламацию, анархисты отпечатали листовку, но она получила лишь ограниченное распространение. Утром 9 января на московских предприятиях начались митинги. Затем рабочие с пением революционных песен стали выходить за ворота фабрик и заводов. В полицейских документах отмечены демонстрации рабочих заводов «Динамо», Сокольнических трамвайных мастерских и некоторых других предприятий. Они прошли на Страстной, Театральной и Елоховской площадях, Тверском бульваре, Немецкой и Гороховской улицах, Земляном валу и в ряде других мест. Вот как описывалась, например, очевидцами демонстрация на Театральной площади: «В начале 3-го часа на Театральной пл.

собралась толпа рабочих с небольшим количеством студентов. Запели "Отречемся от старого мира" и с красным знаменем, на котором было написано "Долой войну" и "Да здравствует РСДРП", прошли от Неглинной ул. до половины Охотного ряда и обратно. Толпа возрастала до 1000 чел. Движение трамвая приостановилось. Толпы наблюдавших увеличивались. Слышались сочувствующие возгласы иногда со стороны находившихся в публике нижних чинов, были и враждебные возгласы. Около гостиницы "Метрополь" дорогу преградили полицейские офицеры и навстречу толпе бросились два прапорщика с обнаженными шашками. Полицейские тотчас также обнажили шашки и били ими плашмя. Появились в то же время конные наряды сзади с боков. Толпа, согласно ранее данным указаниям организации (МК РСДРП. — Ю.К.), рассеялась. Несколько человек были арестованы. Всего с ранее арестованными насчитывается до 1 1/2 десятка арестов». Несколько ранее состоялась небольшая демонстрация с пением и красным знаменем с надписью «Да здравствует революция!» на Елоховской пл. Были аресты. Кроме демонстраций на Театральной пл., было несколько демонстраций на окраинах: на Благуше, в Рыкуновском пер. (демонстрация потребителей служащих), за Пресней, а также у Красных ворот и на Лубянской площади³¹. Такому успеху демонстраций в Москве способствовала тщательно подготовленная политическая стачка, охватившая рабочих многих предприятий.

Демонстрационное движение, столь ярко проявившееся, несмотря на запреты, в Москве в годовщину «Кровавого воскресенья», продолжалось и в последующее время. Как уже было отмечено, 9 января 1917 г. прозвучал не только протест против кровавой расправы над рабочими в 1905 г., но и требование «Хлеба!». Эта тенденция получила дальнейшее развитие в уличных выступлениях в Москве 12 января. В тот день в десятом часу утра на Калужской пл. собралось до 2 тыс. рабочих заводов Михельсона, Броккара, Бромлея, выразивших желание идти к градоначальнику из-за отсутствия в городе хлеба. По требованию полиции толпа вынуждена была разойтись. Однако вскоре на различных предприятиях работа стала прекращаться. В общей сложности басто-

вали 19390 рабочих с 37 предприятий, выражая таким образом «протест против отсрочки занятий Государственной думы и отсутствия хлеба»³².

Согласно рапорту пристава 2-го участка Пятницкой части Москвы, 12 января имела место попытка «толпы рабочих снять с работы рабочих фабрики «Шрадер», что, однако, не увенчалось успехом, т.к. толпа нарядом полиции была рассеяна, а 14 человек задержаны. Другая толпа рабочих попробовала сделать то же самое в типографии Сытина на Пятницкой. Толпа эта также была рассеяна, причем из толпы слышались возгласы: «Хлеба нет!», «Дайте хлеба!»³³. Оба эти выступления ходивших по улицам рабочих можно отнести к своеобразным демонстрациям протеста против отсутствия продовольствия, сопровождавшимся стремлением участников увеличить свои ряды путем снятия с работы еще продолжавших трудиться рабочих и таким образом усилить давление на власти.

Аналогичные события происходили и в других городах страны. В телеграмме начальника ГЖУ о настроении рабочих Харькова от 16 января отмечалось: «Обнаруживаются стремления перехода [в] политическую демонстрацию против войны вследствие дороговизны»³⁴. С 18 по 30 января 1917 г. в Баку бастовали 12,5 тыс. рабочих 47 предприятий, требовавшие освободить 25 их товарищей, арестованных 16 января. Несмотря на запрет градоначальника, 19 и 20 января прошли сходки и митинги, на которых присутствовали 15-20 тыс. чел. Вызванные казаки отказались разгонять толпу³⁵.

По поводу многолюдного собрания черноморских рабочих 25 января управляющий бакинским отделом т-ва бр. Нобель писал директору: «Из толпы забастовщиков делегатов во время речей называли изменниками, негодяями, обвиняли в том, что они получили от товарищества крупные суммы денег, и, таким образом, "продали общее дело" и т.д. Чрезвычайно характерно, что такой результат получился благодаря влиянию каких-то посторонних "ораторов" которые, не выступая открыто, прерывали речи делегатов выкриками из толпы и короткими репликами...». Рабочие наряду с выдвигавшимися

жением экономических требований настаивали на освобождении арестованных товарищей³⁶.

Продолжались и демонстрационные выступления по поводу произвола властей. В феврале 1917 г. забастовали рабочие некоторых цехов Сормовского завода. Они пытались устроить митинг в знак протеста против суда над своими товарищами — участниками стачки 25-27 июля 1916 г. На заводе Фелзера, выпускавшем продукцию для армии, из 850 рабочих забастовали 550. Около 100 из них, как сообщалось в донесении нижегородского губернатора от 4 февраля 1917 г., «с красным флагом направились на соседнюю Молитовскую фабрику с целью снять с работ рабочих. Попытка успеха не имела, толпа рассеялась чинами полиции, и рабочие этой фабрики работ не прекращали». На заводе «Сименс и Гальске», также выполнявшем военные заказы, большинство рабочих оставили работу и разошлись по домам. Из 490 забастовавших рабочих после обеда почти половина приступила к работе. Полиция выявила 6 агитаторов и троих из них задержала. «Повод к прекращению работ на заводах — желание рабочих выразить протест против суда над рабочими Сормовского завода, обвиняемых в беспорядках, происшедшими на этих заводах в июле 1916 г.»³⁷

Последняя предреволюционная волна демонстраций пришла на 14 февраля — день возобновления работы Государственной думы. Еще в конце 1916 г. рабочие группы ЦВПК и ПОВПК стали готовить демонстрационные выступления, приуроченные к этому событию. В свою очередь, большевики, как уже говорилось выше, решили отметить годовщину суда над своими товарищами — депутатами Думы, сосланными в Сибирь. Забастовавшие 14 февраля рабочие некоторых предприятий выходили на улицу с лозунгами «Долой войну!», «Да здравствует вторая революция!». Демонстрации прошли на Литейном и Невском проспектах, на Петергофском шоссе и в других местах. В большинстве случаев полицейские донесения заканчивались словами о том, что рабочие «прекратили работы и спокойно разошлись». Но поступали донесения и иного рода. Так, из Спасской части столицы сообщалось, что были «задержаны 13 чел. в различных местах за пение революционных песен», что в Литейном

районе полиция дважды разгоняла толпу (в 100 и 300 чел.), направлявшуюся к Государственной думе³⁸.

Информация «Осведомительного листка» большевистского Русского бюро ЦК РСДРП от февраля 1917 г. (№ 2) гораздо богаче. В корреспонденции сообщалось: «К событиям 10-15 февраля. В конце января по заводам стали распространяться листки (без всякой подписи) с критикой политики правительства и с призывом к рабочим: направиться 14 февраля (день открытия Государственной думы) к Таврическому дворцу с требованием Временного правительства. На заводах стали устраиваться митинги, где выступали сторонники "гвоздевцев" в защиту только что приведенного призыва. Передают, что именно в связи с этим была арестована рабочая группа (большинство ее) при Военно-промышленном комитете». Далее в «Осведомительном листке» приводилась хроника выступлений рабочих: «...На многих заводах (10 февраля) состоялись митинги, на которых выступали ораторы всех течений, принимались резолюции. Распространено около 1.000 нашей листовки. 10-го вечером митинги на заводах. На некоторых принимается предложение на 14-е не выходить на работу. Распространяется литература. На заводах митинги проходят под нашими лозунгами. Митинги и демонстрации на улицах, стычки с полицией и аресты во время демонстраций. Число бастующих около 80 тыс.». На ряде предприятий протест рабочих выплеснулся за ворота заводов и фабрик. «Рабочие Нового Лесснера вышли с пением на улицу. При появлении полиции осталось около 200 человек, которые с криком "Хлеба!", "Долой войну!" продолжали идти через Сампсониевский мост к Литейному проспекту, несмотря на нагайки, пока полиция не обнажила шашки. С пением вышли: Промет и Ст.Парвийнен. 15-го на заводе Лесснер состоялся митинг... 14-го демонстрация у "Скоророда" рассеяна нагайками. У Путиловского вышли на улицу с 2 красными флагами: 1) "Долой правительство!", "Да здравствует республика!" и 2) "Долой войну". Стычка с полицией, арестовано 2 человека...»³⁹.

15 февраля забастовки в столице продолжались на 20 промышленных предприятиях. Снова были попытки устроить демонстрации, но успеха они не имели⁴⁰.

Вскоре наступило 23 февраля — день открытых массовых выступлений рабочих Петрограда, когда из-за отсутствия предметов первой необходимости и крайнего недовольства правительством переплелись самые различные формы борьбы — стачки, митинги, собрания, уличные демонстрации и даже погромы продовольственных магазинов. Начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде доносил: «Сегодня с утра явившиеся на заводы мастеровые Выборгского района постепенно стали прекращать работы и толпой выходить на улицу, открыто выражая протест и недовольство по поводу недостатка хлеба. Движение масс в большинстве носило настолько демонстративный характер, что их приходилось рассеивать нарядами полиции. Вскоре весть о забастовке разнеслась по предприятиям других районов, мастеровые которых стали присоединяться к бастующим... Большинство оставивших заводы рабочих почти все время находилось на улицах и при первом удобном случае устраивало демонстрации и беспорядки»⁴¹.

Приведем выдержки из другого полицейского документа: «Попытки рабочих Выборгского района перейти толпами в центральную часть города предупреждались в течение всего дня нарядами полиции..., но к 4 часам дня часть рабочих все-таки перешла поодиночке через мосты и по льду реки Невы... и достигла набережной левого берега, где рабочим удалось сгруппироваться в боковых, прилегающих к набережной улицах и затем почти одновременно снять с работ рабочих 6 заводов в районах 3-го участка Рождественской части, 1 участка Литейной части и далее произвести демонстрации на Литейном и Суворовском проспектах, где рабочие вскоре были разогнаны. Почти одновременно с сим, в 4 с половиной часа дня, на Невском проспекте, вблизи Знаменской пл., часть бастующих рабочих, проникшая туда в вагонах трамвая, а равно одиночным порядком и небольшими группами с боковых улиц, произвела несколько попыток задержать движение трамваев и учинить беспорядки, но демонстранты были тотчас же разгоняемы... В районе Петроградской части забастовавшими рабочими было сделано несколько попыток снятия с работ небастующих рабочих, но попытки эти были предотвращены, и демонстранты рассеяны...»⁴².

Аналогичный документ о событиях следующего дня, 24 февраля, таков: «Явившись с утра на заводы, мастерские решивших бастовать предприятий после непродолжительных совещаний расходились частью по домам, а частью выходили на улицы и производили беспорядки... толпа [рабочих] с (завода Кана и завода “Эриксон” и др.) вскоре разрослась до 2-8 тыс. чел. На углу Большого проспекта и Гребецкой ул. демонстранты были встречены нарядом полиции... Около 9 час. утра явившиеся на завод “Айваз” 3500 рабочих собрались в помещении автомобильного отдела и устроили сходку на которой посторонние ораторы произнесли речи, выражавшие неудовольствие правительству и призывавшие рабочих к сплочению, энергичному выступлению с требованиями к Государственной думе об устранении настоящего правительства, причем подчеркивалось, что в случае выступления их поддержат не только рабочие, но и служащие как то: железнодорожные, трамвайные, телеграфные и почтовые. Требования эти должны сопровождаться демонстрациями, но без погромов. По улицам ходить не толпами, а отдельными группами и пробираться к Гос. думе к 3 часам дня. В заключение была вынесена резолюция: требовать устранения правительства. ...Разгонявшиеся нарядами полиции нарушители порядка разбрелись по разным районам и собирали там вокруг себя толпы, с которыми ходили по улицам, производя демонстрации и бесчинства, из коих зарегистрированы следующие: собравшаяся у Тучкова моста толпа, приблизительно в 1000 чел., двинулась по Большому пр. Петроградской стороны. По Бассейной ул. прошла толпа около 200 чел. с криками: “Хлеба”... Направлявшиеся по улицам с пением революционных песен рабочие завода “Сименс и Гальске”, в числе около 2000 чел., были рассеяны нарядом полиции... Двигавшаяся по Невскому пр. толпа рабочих в числе около 3000 чел. остановилась у дома № 80, выслушала речь оратора, призывавшего к ниспровержению существующего строя и предлагавшего собраться завтра, 25 сего февраля, в 12 час. дня у Казанского собора...»⁴³.

Всего за время с начала войны до Февральской революции выявлены: в 1914 г. 3 демонстрации, в 1915 г. — 11, в 1916 г. -20, в начале 1917 г. — 18, а всего — 52. Преобладающая часть демонстраций была связана с репрессиями вла-

стей, тяжелым экономическим положением, дороговизной и отсутствием предметов первой необходимости. Особо следует отметить демонстрации протеста против роспуска Думы.

Сами уличные шествия были обычно кратковременными, хотя нередко и массовыми. Они сопровождались, как правило, пением революционных песен (обычно «Рабочей Марсельезы», реже — «Вставай, поднимайся, рабочий народ!», «Вы жертвою пали в борьбе роковой»). Демонстранты несли красные флаги, иногда транспаранты, разбрасывали прокламации, слушали речи ораторов, выкрикивали свои требования. Но были случаи, когда обычная атрибуция практически отсутствовала. Естественно, обычно демонстрации со знаменем, транспарантами и т.п. возникали обычно не стихийно, а готовились заранее.

Если сравнить демонстрационные выступления рабочих в канун второй и в канун первой российских революций, то нетрудно увидеть существенную разницу (см. прил. 3, табл. 15). Прежде всего обращает на себя внимание значительно меньшее число уличных демонстраций во втором хронологическом периоде (1914-1917 гг.) по сравнению с первым, что объяснялось условиями военного времени. Но различие коснулось не только общего числа демонстраций, которое стало меньше почти в 7 раз. Из приведенных данных видно, что накануне первой и второй буржуазно-демократических революций шло нарастание числа уличных демонстраций, но накануне 1905 г. это происходило за счет выступлений преимущественно в национальных районах (Царство Польское, Прибалтика, Белоруссия), а накануне Февральской революции 1917 г. — за счет выступлений почти исключительно в Петрограде и Москве. В годы Первой мировой войны роль в освободительном движении рабочих Петрограда и Москвы резко возросла.

Претерпели определенную модификацию и поводы демонстрационных выступлений (см. прил. 3, табл. 16).

Заканчивая этот раздел, следует констатировать, что хотя в годы Первой мировой войны (до Февральской революции 1917 г.) уличных демонстраций было сравнительно немного, неуклонное увеличение их числа было одним из важных и чутких показателей углубления революционного кризиса в стране.

- 1 См.: Рабочее движение в Петрограде в 1912-1917 гг. Док. и мат. Л., 1958. С. 575, 582, 589, 595, 606; Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 240, 266; Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917. Сб. документов местных большевистских организаций. [М.], 1939. С. 40, 65, 82, 94, 113, 116, 119, 134, 137, 161, 172, 174.
- 2 См., напр.: *Балабанов М.С.* От 1905 к 1917 г. Массовое рабочее движение. М.; Л., 1927. С. 405, 412, 419, 420.
- 3 *Арский Р.* В Петрограде во время войны // Красная летопись. 1923. № 7. С. 76.
- 4 Рабочее движение в Петрограде. С. 247-248.
- 5 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 61. Лит. А. С. 2-2 об.
- 6 Рабочее движение в Петрограде. С. 301.
- 7 Первое мая в царской России. М., 1989. С. 268.
- 8 Рабочее движение в годы войны. С. 212-213; см. также: Красный архив. 1934. № 6 (67). С. 9-10, 26.
- 9 См.: Красный архив. 1935. № 1 (68). С.97-118; *Лаверычев В.Я.* Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны. М., 1957. С. 112-113.
- 10 Рабочее движение в Петрограде. С. 337.
- 11 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 61. Ч. 10. Т. 4. Лит. А. Л. 112-113.
- 12 Там же. Л. 118.
- 13 Там же. Ф. 63 (МОО), 1915 г., д. 1325. Л. 381.
- 14 Рабочее движение в Петрограде. С. 382; ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 61. Лит. А. Л. 24 об.
- 15 До приезда в Саратов В.Б.Ломтатидзе после отбытия тюремного заключения находился в заведении общественного призрения в Астрахани. Проживая в Астрахани, он сотрудничал в меньшевистской «Северной рабочей газете», а в конце 1914 — начале 1915 г. «проявлял вредную деятельность в смысле агитации против войны» (Рабочее движение в годы войны. С. 111-112).
- 16 Рабочее движение в Петрограде. С. 387, 584.
- 17 Социал-демократ. 1916. 13 апреля.
- 18 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 158. Л. 8.
- 19 Там же. Л. 41.
- 20 Рабочее движение в годы войны... С. 240.
- 21 Там же. С. 314; *Александров Ф.Л., Шалагинова Л.М.* День 9 января в 1908-1917 гг. // Исторический архив. 1958. № 1. С. 220.
- 22 Рабочее движение в годы войны. С. 237-238; 240-241.
- 23 *Александров Ф.Л., Шалагинова Л.М.* Указ. соч. С. 220.
- 24 Рабочее движение в Петрограде. 1912-1917 гг. С. 587.
- 25 Там же. С. 590.
- 26 Там же. С. 591, 592.
- 27 Рабочее движение в годы войны. С. 294; Первое мая в царской России. С. 276.
- 28 Рабочее движение в Петрограде. С. 602.
- 29 Там же. С. 502.

- ³⁰ Там же. С. 605.
- ³¹ Большевики. С. 162.
- ³² ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1917 г. Д. 424. Ч. 2. Т. 2. Л. 1, 2.
- ³³ Там же. Ф. 63. 1917 г. Д. 70. Л. 73.
- ³⁴ Рабочее движение на Украине... С. 366.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 124. 1917 г. Оп. 55. Д. 62. Л. 1; Ф. ДП. 4 д-во. 1917 г. Д. 5. Ч. II. Л. 38-42; РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 213. Л. 342-407.
- ³⁶ См.: *Беленький С., Манвелов А.* Революция 1917 г. в Азербайджане (хроника событий). Баку, 1927. С. 10.
- ³⁷ Революционное движение в Н.Новгороде и Нижегородской губ. (1907 – февраль 1917 гг.). Горький, 1971. С. 293-294.
- ³⁸ *Б.Т.* Февральская революция и охранное отделение // *Былое*. 1918. № 1 (29). С. 160.
- ³⁹ Большевики. С. 174-175.
- ⁴⁰ Рабочее движение в Петрограде. С. 546.
- ⁴¹ ГА РФ. Ф. 111. 1917 г. Д. 665 а. Л. 60.
- ⁴² *Былое*. 1913. № 1 (29). С. 162-163.
- ⁴³ Там же. С. 164-165.

Глава 4.

МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОЧИХ НА ПОЧВЕ ДОРОГОВИЗНЫ И НЕХВАТКИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

«Мы накануне голодного дня, за которым последует голодный бунт», — эта зловещая фраза, произнесенная весной 1916 г. в Петроградской городской думе, стала пророческой. Сейчас уже не приходится доказывать, что выступления на почве дефицита и дороговизны предметов первой необходимости проходили не только в форме стачек и демонстраций (направленных против администрации предприятий и властей), но и в форме столкновений населения с торговцами, владельцами магазинов и складов¹. Эти последние, нестачечные и недемонстрационные выступления рабочих (а также крестьян), нередко преимущественно женщин, называемые «продовольственными, базарными беспорядками», «бабьими бунтами», «голодными бунтами», «погромами», являлись одной из форм социального протеста и борьбы, имевшей место в различных странах в различные исторические периоды.

Но если подобные выступления крестьян уже неоднократно привлекали внимание исследователей, то выступления рабочих и горожан, несмотря на их размах и остроту, по ряду причин не стали объектом специального изучения, хотя упоминания о них встречаются в литературе². Мы выделяем из общей массы подобных выступлений те, в которых участвовали непосредственно рабочие или члены их семей. Хотя в большинстве полицейских документов говорилось о женщинах-солдатках и подростках, но здесь же можно было встретить и указания на то, что женщины были поддержаны (или могли быть поддержаны) рабочими. Недаром в обращениях рабочих к властям порой содержались требования освободить «наших жен» — арестованных участниц выступления на почве дороговизны и нехватки продовольствия.

12 апреля 1915 г. ДП МВД разослал губернаторам и градоначальникам письма по поводу ухудшавшегося продовольственного положения и происходивших на этой почве мас-

совых выступлений населения. В нем говорилось, что вызванные военным временем затруднения в доставке по железным дорогам массовых грузов повлекли за собой во многих местностях империи уменьшение рыночных запасов хлеба, мяса и других продуктов, а этим обстоятельством не преминули воспользоваться спекулянты, начавшие искусственно повышать и без того высокие цены. «Явление это, — говорилось далее, — особо тяжело отразилось на беднейших классах населения, недовольство коих стало уже проявляться в некоторых местностях в виде попыток к устройству уличных беспорядков и погромов торговых помещений купцов, подозреваемых в умышленном повышении цен»³. «Протесты против дороговизны начались и в России», — говорилось в одной из апрельских листовок 1915 г. московских большевиков по поводу массовых выступлений рабочих в Москве, Петрограде и некоторых других городах, сопровождавшихся разгромом лавок и избиением лавочников⁴. О фактах таких погромов писали и иркутские социал-демократы в мае 1916 г.⁵

По сообщению петроградской газеты «День», нехватка мяса и повышение цен на другие продукты привели вечером 6 апреля 1915 г. к погрому мясных лавок на рынке села Смоленского (пригород столицы). «Группа работниц ситце-набивной фабрики Паля, раздраженных остротами "молодцов" из мясных, затеяла с ними ссору». Мясные лари быстро опустели. Толпа громила их, переворачивая тяжелые прилавки, разбивая весы и разбрасывая гири. Было задержано более 40 чел., правда, под арестом оставили лишь трех женщин. Убытки мясоторговцев оценивались в 178 руб.⁶

8 апреля 1915 г. в Москве за Пресненской заставой «началось быстрое скапливание множества различных рабочих, служащих и других лиц». Около 8 час. их число достигло 3-5 тыс. чел. Выражая недовольство дороговизной продуктов, они с криком: «Дружно, товарищи!», начали подступать к лавкам и магазинам и громить их, разбивая окна и двери. Больше всего пострадали булочная и хлебопекарня Зуева. Весь товар был выкинут на улицу и частично расхищен. Порядок был восстановлен лишь поздно вечером с помощью конной стражи. 6 чел. были задержаны⁷. Согласно

данным московской охранки, в тот же день около 8 час. вечера у Преображенской заставы толпами рабочих были разгромлены и подверглись разграблению булочная Воронцова и несколько магазинов «колониальных товаров»⁸.

7 августа 1915 г. пришедшие утром на базар в Колпино (под Петроградом) жены запасных и рабочих Ижорского судостроительного завода «резко выражали недовольство» на торговцев из-за повышения цен на продукты, а к полудню толпа женщин отправилась с жалобами на дороговизну к начальнику завода. Днем толпа «стала ходить по городу и закрывать лавки, причем в одном ларьке выбросили мясо». «К вечеру к ... женщинам присоединилась выходявшая с завода смена рабочих, числом свыше 2 тыс. чел., и вся толпа двинулась по улицам города, производя разгром торговых помещений. Усилия местной полиции прекратить беспорядки успеха не имела, причем в полицейских чинов стали бросать из толпы камни». Всего было разгромлено 50 ларьков и 9 мелких лавок. Продукты частично уничтожались, а частично расхищались. Убытки, правда, были незначительны. Полицейские произвели три выстрела, никого, однако, не ранив»⁹.

17 августа 1915 г. в Петрограде «в течение дня в различных частях города, преимущественно в рабочих районах (Нарвской, Александро-Невской и Московской частях, Петергофском и Охтенском участках) собравшимися толпами были разбиты стекла в 103 магазинах и лавках, причем в некоторых из этих предприятий почти полностью разграблены товары». При восстановлении порядка были нанесены «поранения» 8 надзирателям, 8 городовым, вахмистру и 2 городовым конной полиции. Было задержано более 30 чел. Некоторых из них передали в распоряжение судебных властей, а некоторых подвергли наказанию в административном порядке¹⁰.

Выступления на почве дороговизны захватили и не только столицы, но и многие города и поселки в самых различных регионах страны, в том числе и в «благополучных» в продовольственном отношении местах. Но все же крупные выступления на почве дороговизны начались в Центральном промышленном районе. 1 октября 1915 г. они разразились в г. Павлове Посаде Богородского уезда Московской губ. в связи

с отсутствием сахара. В этом выступлении первоначально приняло участие 1,5-2 тыс. преимущественно женщин и подростков, к которым затем присоединились рабочие текстильной фабрики, а также крестьяне. Несколько лавок были разгромлены, а наряд полиции забросан камнями. «Беднейшее население Посада совместно с фабричным — Русско-французского анонимного общества — на почве недостатка продуктов продовольствия и увеличения цен разгромило лавки¹¹.

3 октября 1915 г. в ходе забастовки 12 тыс. рабочих Богородско-Глуховской мануфактуры в с. Глухове (близ г. Богородска) было выдвинуто требование улучшения снабжения продуктами первой необходимости (наряду с требованием повысить заработную плату). 4 октября бастующие рабочие совместно с жителями городка приняли участие в разгроме лавок и магазинов практически во всем Богородске. Положение удалось нормализовать лишь с помощью казаков, применивших огнестрельное оружие (двое рабочих были убиты). Были произведены аресты, причем один из рабочих обвинялся в руководстве толпой на базарной площади¹².

В хуторе Тихорецком Кавказского отдела Кубанской области 6 июня 1916 г. «толпа женщин и мужчин до 10 тыс. человек, преимущественно работающих в депо и железнодорожных мастерских станции тихорецкой, на почве дороговизны разных товаров и неимения в продаже сахара произвела погром четырнадцати торговых заведений, разграбив находившиеся в них товары»¹³.

В Ташкенте за участие в разгроме торговых лавок 29 февраля 1916 г. были арестованы жены рабочих железнодорожных мастерских. По агентурным сведениям, «железнодорожные рабочие главных мастерских Средне-Азиатской и Ташкентской железных дорог предполагали 2 марта прекратить работу и идти освобождать своих жен»¹⁴. Аналогичные собрания имели место 7 мая 1916 г. в Красноярске¹⁵. Женщинам принадлежала инициатива и разгрома ряда магазинов в Тифлисе 5 июля 1916 г.¹⁶ и в Батуме 7 августа 1916 г.¹⁷

В резолюции организованных рабочих Самары от 12 ноября 1916 г., направленной в Государственную думу в связи с «расстрелом голодных жен самарской бедноты, пришедшей

5 ноября на базар покупать к празднику мясо», говорилось: «Мы, организованные рабочие в Самаре, самым решительным образом протестуем против подобного рода расправ с доведенным до крайности продовольственным кризисом населением Самары. Мы протестуем против политики расстрела наших жен...»¹⁸.

Выступления рабочих на почве дороговизны и отсутствия предметов первой необходимости по своему характеру являлись экономическими и по крайней мере до осени 1916 г. оставались таковыми и не причислялись к революционным. В докладе ПОО за октябрь 1916 г. отмечалось: «Вопросы питания в самых широких кругах населения огромной империи являются единственным и страшным побудительным импульсом, толкающим массы на постепенное приобщение к нарастающему движению недовольства и озлобления... Пока все это движение имеет строго экономическую подкладку и не связано почти ни с какими чисто политическими программами. Но стоит только этому движению вылиться в какую-либо реальную форму и выразиться в каком-либо определенном акте (погром, крупная забастовка, массовое столкновение низов населения с полицией и т.д.), оно тотчас же и безусловно станет чисто политическим»¹⁹.

Несмотря на возможность легко принять националистическую направленность, выступления на почве дороговизны в рассматриваемый период не скатились на эти рельсы. В прошедших в Москве в конце мая 1915 г. выступлениях и погромах принадлежавших немцам магазинов (в том числе и некоторых продовольственных)²⁰ экономические мотивы были на заднем плане. Главное же сводилось к выражению «патриотических» настроений. Нельзя назвать ни одного целенаправленного выступления против торговцев — представителей той или иной национальности. Лишь в Красноярске 7 мая 1916 г. произошло столкновение русской покупательницы с не пожелавшей поменять проданное мясо торговкой-еврейкой, в результате которого пострадали владельцы 52 лавок торговцев различной национальности, в том числе 41 торговец-еврей. Характерно, что начальник енисейского ГЖУ писал, что эти погромы были «совершенно неожиданны для всей администрации, предусмотреть их в той

форме, в какой они вылились (еврейском погроме) было невозможно»²¹. Примечательно в этой связи и одно место из статьи «Рабочие к гражданам», опубликованной в газете «Оренбургская жизнь» 4 мая 1916 г.: «Былые годы омрачались еврейскими погромами, теперь времена изменились: идут погромы торговые»²².

Движение на почве дороговизны развивалось как стихийное, неорганизованное²³ и не имевшее какого-либо партийного руководства. Сразу же следует сказать, что социал-демократические партийные организации (и большевиков, и меньшевиков) отрицательно относились к выступлениям на почве дороговизны, связанным с погромами магазинов, лавок, складов.

Большевики Москвы, Петрограда и некоторых других мест уже с весны 1915 г. стали издавать прокламации, в которых достаточно четко и однозначно было зафиксировано их отношение к погромам магазинов и лавок: такие действия, расценивавшиеся как стихийное проявление недовольства, осуждались²⁴. Известны случаи, когда организованные рабочие отмежевывались от подобного рода выступлений²⁵. К этому, однако, надо добавить, что с лета 1916 г. революционные социал-демократы ряда мест стали задумываться над тем, как использовать выступления на почве дороговизны для развертывания массового революционного движения. 10 июля 1916 г. большевики Екатеринбурга заслушали доклад «Об использовании в революционных целях возможных в ближайшем будущем погромов на основе дороговизны»²⁶. В одном из полицейских документов, относящихся к октябрю 1916 г., отмечалось, что возможные серьезные стихийные беспорядки в столице в ближайшем будущем будут находиться «не в зависимости от революционной пропаганды, а лишь от продовольственного кризиса, революционные же организации лишь не пропустят случая взять на себя руководство возникшим движением, дабы привести в жизнь социал-демократические лозунги»²⁷.

Проанализируем теперь показатели статистики нестачечных и недемонстрационных выступлений рабочих (или с их участием) на почве дороговизны (см. прил. 3, табл. 17). При этом собранные данные касаются лишь тех массовых высту-

плений, которые вследствие прежде всего погромных действий получили отражение в полицейских материалах*.

Во второй половине 1914 г. выступления рабочих на почве дороговизны были редким явлением. В 1915 г. таких выступлений в стране прошло уже два десятка, причем преимущественно в районах с рабочим населением: 6 выступлений приходились на Петроград и его пригороды (Колпино) и 6 — на Центральный промышленный район, преимущественно на Москву. Показательно, что число выступлений горожан, прежде всего рабочих, превосходило число выступлений крестьян в два с лишним раза.

1916 год по сравнению с предшествовавшим, дал увеличение общего числа выступлений примерно в 14 раз (21 и 288). Число же выступлений рабочих (или с их участием) возросло в 3 с лишним раза, а крестьян — примерно в 40 раз. Не было месяца, за малым исключением, чтобы и в крестьянской, и в рабочей среде не происходили подобного рода вспышки протеста.

Если посмотреть на динамику выступлений рабочих на почве дороговизны, то можно отметить определенное увеличение их числа весной и летом как 1915, так и 1916 г. В конце 1916 — начале 1917 г. число выступлений несколько падает (аналогичная картина наблюдалась и в стачечном движении), хотя социальная напряженность в то время, как мы знаем, не ослабевала, а усиливалась: все чаще можно было встретить суждения, что терпение народа до конца войны не выдержит и социальный взрыв может произойти уже зимой 1916-1917 г.

Выступления произошли в большинстве регионов страны. Исключение составляли Прибалтика и Белоруссия (не принимаются во внимание 9 губерний Царства Польского, входившие в состав России, но захваченные немцами). Большая часть выступлений имела место в ЦПР (17), в Петрограде (9), на Дону и Северном Кавказе (9), на Украине (8). На Урале, в Среднем и Нижнем Поволжье, в Сибири и на Дальнем Востоке, на Кавказе и Закавказье их было по 3-6 (в

* В докладе ПОО за октябрь 1916 г. отмечалось, что вблизи лавок, магазинов, банков и т.п. учреждений «почти каждый день происходят "необразумения", лишь в своей минимальной части пока кончающиеся полицейскими протоколами»²⁸.

каждом регионе), при этом необходимо иметь в виду, что уже с мая — июня 1915 г. начались стачки рабочих, в которых выдвигались требования понижения цен (включая таксы) на продукты и более того — обеспечения рабочих продуктами питания²⁹.

В большей части выступлений основной контингент участников составляли жены рабочих, нередко сами занятые на промышленных предприятиях. Но во многих случаях активными участниками являлись и непосредственно промышленные рабочие — мужчины, причем в Петрограде и Москве это было даже чаще, чем в других местах.

Поскольку партийные организации различных политических направлений с осуждением относились к продовольственным беспорядкам, сопровождавшимся погромом магазинов, совершенно очевидно, что организованные рабочие в таких выступлениях не участвовали. Можно предположить, что в продовольственных выступлениях принимали участие «средняки» и низшие слои рабочих и члены их семей.

По крайней мере часть представителей этой пролетарской среды (включая жен рабочих) готова была обращаться к властям — наместнику на Кавказе, губернатору, градоначальнику — с просьбой обуздать торгашей-спекулянтов и тем самым не дать им умереть с голоду³⁰. Вместе с тем эта же часть рабочих была готова на «отчаянные действия» и против непосредственных виновников их бедствий — торговцев и против непосредственных защитников порядка — полицейских.

Участники выступлений «представляли» самые различные профессиональные группы — металлургов и металлистов (в Петрограде, Дружковке и Юзовке в Екатеринославской губ.), рабочих железнодорожных мастерских и депо (в Тифлисе, Красноярске, Ташкенте, на ст. Тихорецкой Кубанской обл.), текстильщиков (в Москве, Московской и Владимирской губ.), табачников (в Тифлисе), нефтяников (в Баку), химиков (в Шостке Черниговской губ.). Это были рабочие частных и казенных предприятий (завод в Шостке), предприятий, производивших продукцию для тыла и для фронта, рабочие крупных и небольших промышленных заведений, рабочие столиц, губернских и уездных городов и небольших поселков (Родники Костромской губ.). Если же иметь в виду

национальный состав участников, то в документах зафиксированы города и поселки преимущественно с русским населением. Но немало выступлений прошло в Грузии и Азербайджане (Тифлис, Батум, Сухум, Михайлово, Баку), на Украине (Сумы, Шостка), в Средней Азии (Ташкент). При этом в некоторых национальных центрах, например, в Баку и Тифлисе, основную массу участников составляли русские³¹.

В массовых выступлениях участвовали наряду с рабочими и членами их семей, ремесленники, мелкие служащие, чиновники, солдаты, а также деклассированные элементы, люмпены³². Общее количество участников таких выступлений определить невозможно. Зачастую в полицейских документах фигурировало слово «толпа», но нередко встречались и более конкретные сведения. Так, в Колпине под Петроградом количество участников выступлений 7 августа 1915 г. определялось в 2 тыс. чел., в текстильной Кинешме Костромской губ. 26 июня 1916 г. — в 4 тыс., на Б. Пресне в Москве 8 апреля 1915 г. — в несколько тысяч (в основном рабочих Прохоровской мануфактуры), в деревне Юсупове Подольского уезда Московской губ. 5 марта 1916 г. — в 50 чел. (смена работниц вигоневой фабрики Шлихтермана). В отдельных же случаях число участников доходило до 3-4 тыс. и даже до 10 тыс. чел., причем столь массовые выступления имели место в большинстве регионов страны.

Каковы же были конкретные поводы выступлений рабочих и крестьян и можно ли отметить здесь какие-то изменения во времени? Причинами недовольства и возмущения населения в городах были отсутствие в продаже предметов первой необходимости или резкое взвинчивание цен на них. Чаще всего это касалось продуктов питания: картофеля, хлеба, муки, сахара, овощей (зелени), фруктов, мяса, кур, яиц, рыбы, бакалейных товаров (сахар, мука и т.п.). Нередко к ним добавлялись такие предметы, как мыло, ситец, обувь, мануфактура (см. прил. 3, табл. 18).

Выступления крестьян обычно вызывались отсутствием мануфактурных товаров, обуви, мыла, а из продуктов — сахара. Кроме того, протест вызывало нежелание торговцев продавать на рынке продукты сельского хозяйства (зерно, яйца и др.) по таксированным ценам, в то время как пред-

меты промышленного производства крестьянам приходилось приобретать по свободным, нетаксированным ценам. Возмущение покупателей отсутствием предметов первой необходимости или взвинчиванием цен обычно выливалось в столкновении с торговцами, продавцами, владельцами магазинов и складов. В отдельных случаях производились обыски складских помещений и вывозился на продажу товар, оставленный владельцем «для себя» (Подольск, Дружковка, Шотка)³³. Но, как правило, столкновения заканчивались более серьезными последствиями. На базарах опрокидывались лотки, подводы с товаром, в магазинах разбивались окна, выламывались двери. Нередко товар умышленно портился, приводился в негодное состояние, разбрасывался и расхищался. Однако расхищение товаров, продававшихся по повышенной цене, не составляло цели большинства выступлений.

Продолжительность выступлений была обычно небольшой: от нескольких минут до нескольких часов (с 7-8 часов вечера до 10-11 часов вечера, до поздней ночи). Правда, в 11 городах (из 59 случаев) выступления продолжались два дня и более. Соответственно и размеры ущерба, объявляющиеся торговцами и владельцами магазинов, имели существенные различия: от нескольких десятков рублей до нескольких десятков тысяч и даже сотен тысяч рублей, доходя до 1-2 млн руб. Так, в 1916 г. ущерб от погромов в Екатеринодаре и Семипалатинске 14 июня и 19-20 ноября определялся суммой до 2 млн руб. (в каждом случае), в Оренбурге 2-3 мая — в 852,9 тыс. руб., в Сормове 3 июня — в 94,3 тыс. руб. Правда, эти цифры нередко считались преувеличенными³⁴.

В ходе 19 выступлений (из 62) полицией и войсками применялось огнестрельное оружие. Были убитые и раненые. В общей сложности погибло 19 участников выступлений. Было учтено 34 раненых (цифра явно неполная, т.к. многие скрывали свое участие в событиях). Более точной являлась цифра пострадавших (получивших ушибы, поранения) полицейских, казаков, солдат и офицеров, а также других представителей местных властей. Таких оказалось 145 человек (в 30 выступлениях), что в 3 раза больше, чем среди участников выступлений. Десятки участников выступлений были арестованы («за погромы и хи-

щения»). В Баку в феврале 1916 г. таких оказалось 206 чел., в т.ч. 83 женщины³⁵.

В 1916 г. в Оренбурге (2 мая), в Ставрополе (21 июня) и в Самаре (5 ноября) ситуация становилась столь тревожной для властей, что объявлялось «особое положение» со всеми вытекавшими из него ограничениями массовых сборищ людей, а также их передвижения³⁶. Нередко официальные сообщения о выступлениях населения на почве дороговизны предметов первой необходимости напоминали военные сводки. В телеграмме управляющего губернией по поводу событий в Оренбурге 2 мая 1916 г. читаем: «Сделано распоряжение [о] воспрещении собираться на улицах группами более 3-х человек, выходить из квартир после 9 часов вечера без особого пропуска... Казенные, кредитные и общественного пользования учреждения охраняются войсками. Торговля денатурированным спиртом воспрещается»³⁷. По поводу беспорядков на базаре Самары 5 ноября 1916 г., закончившихся применением оружия и гибелью 2 человек, в официальной телеграмме сообщалось: «...По согласованию с начальником гарнизона выставлены патрули, установлена охрана казначейства, почты, Государственного банка. Надеюсь, [с] установлением завтра торговли мясом под строгим контролем успокоить настроение... Следователь [по] важным делам приступил [к] следствию по статье 269 прим. Уложения»³⁸. При этом тыловые солдаты и даже казаки в столкновениях с женщинами-солдатками, требовавшими хлеба могли «дрогнуть»: слышались высказывания солдат о том, что стрелять в «своих жен» они не будут. В отдельных случаях эти намерения приводились в исполнение.

В связи с выступлением в Челябинске 23 ноября 1915 г. женщин, требовавших отпуска сахара, в одном из полицейских документов сообщалось: «...В толпе женщин было несколько нижних чинов, которые говорили, что если женщин-солдаток будут бить, то все казармы выступят на защиту жен-солдаток, а в другом месте женщины говорили, что "если в нас заставят стрелять, то неизвестно еще, кто в кого будет стрелять"»³⁹.

2 мая 1916 г. в Оренбурге собравшиеся жены призываемых на военную службу стали требовать «от города» допол-

нительного пособия в виде муки и других припасов, а затем стали ходить по улицам и площадям и громить магазины. Возле бакалейного магазина Ишкова на Гостиннодворской улице толпа возросла до 2 тыс. Как телеграфировал управляющий губернией, сюда прибыла запасная казачья полусотня, командир которой ввиду невозможности прекратить беспорядки мерами полиции, он «дал указание приступить [к] действию оружием, разъяснив при этом нежелательность по возможности употреблять огнестрельное оружие, т.к. в толпе было много женщин, детей». Но офицер вступил с управляющим губернией в пререкания, «отказываясь действовать нагайками, холодным оружием, находя необходимым стрельбу и требуя... письменного распоряжения. Ободренная бездействием казаков толпа продолжала разгром других магазинов... Затем разгром магазинов стал распространяться на другие улицы»⁴⁰.

7 мая 1916 г. на базаре в Красноярске был тяжело ранен железнодорожный жандармский ротмистр. Желая прекратить разгром лавки, проходившей на глазах солдат, он «приказал им задержать громивших женщин, послушавшегося солдата ранил шашкой». В ответ солдаты напали на ротмистра, ранили штыками, разбили голову прикладами»⁴¹. По свидетельству енисейского губернатора, «нижние чины, видимо, сочувствовали беспорядкам, так как при обращении к ним с призывом не допустить погромов, таковых не прекращали, а задержанных полицией виновных отпускали»⁴².

О «сочувствии» солдат населению, принимавшему участие в продовольственных выступлениях в 1916 г., и о неповиновении распоряжениям высших офицеров говорится в документах о событиях в Канавине и Гордеевке Нижегородской губ. (1 июня), на ст. Тихорецкой Кубанской обл. (июнь), в Семипалатинске (19 ноября). Подобное отношение солдат к участникам выступлений на почве дороговизны было важным фактором развития освободительного движения: здесь реально закладывались основы союза рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели, без которого не смогла бы одержать победу революция в феврале 1917 г.

Нехватка предметов первой необходимости и рост цен на них, углубление продовольственного кризиса уже осенью

1916 г. стали оказывать непосредственное воздействие на рост антиправительственных и антивоенных настроений. Антивоенная агитация большевиков на начальном этапе войны имела весьма скромный успех. Продовольственные затруднения стали быстро расширять круг противников войны, приверженцами которой в народе все упорнее стали называть купцов и торговцев, наживавшихся на постоянном повышении цен. Полицейские сообщения об этом встречаются уже в феврале 1916 г. Начальник Московского ГЖУ в донесении от 3 ноября 1916 г. отмечал в связи с нехваткой хлеба в текстильном селе Озерах Коломенского уезда: «Сразу и очень резко послышалось недовольство войной»⁴³.

Таким образом, выступления на почве дороговизны предметов первой необходимости, сопровождавшиеся в большинстве случаев погромами магазинов и лавок, представляли собой стихийную форму социального протеста, вызванного недовольством положения с продовольствием и сознанием невозможности его нормализовать. Эти выступления чаще всего превращались в акт мести непосредственным виновникам народных бедствий — торговцам, но при всей своей стихийности вовлекали в борьбу против «купцов», правительства и войны все новые слои населения, которые до этого оставались пассивными и социально себя не проявляли. Эти выступления в своеобразной форме отражали наличие в стране взрывоопасной ситуации, предвещавшей революцию.

Выступления рабочих на почве отсутствия или дороговизны предметов первой необходимости были одной из форм социального протеста и борьбы, которая, переплетаясь со стачками, демонстрациями, митингами, выступлениями тыловых солдат, подвела рабочих в феврале 1917 г. к революции, развернувшейся и победившей под лозунгами «За хлеб, за мир, за свободу!».

¹ См.: Русские ведомости. 1914. 24 и 29 июля; Б.Т. Февральская революция и охранное отделение // Былое. 1918. № 1 (29). С. 162-167.

² См.: Флеер М. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. М., 1926. С. 68; История Москвы. В 6-ти т. Т. V. М., 1965. С. 314, 315, 320. Цирцвадзе М.В. Революционное

- движение в Грузии в 1914-1917 гг. Ч. 1 (1914-1916 гг.). М., 1957. С. 211; История рабочих Ленинграда. Т. 1. Л., 1972. С. 500.
- 3 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 130. Л. 3-3 об.
 - 4 Большевики... С. 43.
 - 5 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 5. Ч. 27. Л. 4.
 - 6 День (Петроград) 1915. 7 апреля.
 - 7 ГА РФ. Ф. 63. 1915 г. Оп. 20. Д. 1326. Л. 88 об.
 - 8 Там же. Л. 7.
 - 9 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 130. Л. 68-71; РГИА. Ф. 1276. Оп. 11, 1915 г. Д. 167. Л. 35-36; Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны: Сб. док. М., 1965. С. 495.
 - 10 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 61. Лит. А. Л. 14-14 об.; История рабочих Ленинграда. С. 483-484.
 - 11 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 42. Л. 26-26 об.; ЦГИА г. Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 888. Л. 14.
 - 12 Там же.
 - 13 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 32. Ч. 3. Л. 28-29; Крестьянское движение в России... С. 316.
 - 14 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 69. Ч. 3. Л. 6.
 - 15 Там же. Д. 20. Ч. 3. Л. 97 об.
 - 16 Там же. Д. 75. Ч. 3. Л. 33.
 - 17 Там же. Д. 6. Ч. 3. Л. 2. См. также: *Церквадзе М.В.* Указ. соч. С. 211.
 - 18 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 60. Ч. 3. Л. 33 а.
 - 19 Красный архив. 1926. № 4 (17). С. 24.
 - 20 Так, 28 мая 1915 г. около 10 час. вечера толпа разгромила колбасный магазин австрийской подданной Брон (на Зубовской пл. См.: ГА РФ. Ф. 63. 1912 г. Д. 191. Т. 5. Л. 311).
 - 21 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 20. Ч. 3. Л. 50.
 - 22 Там же. Д. 47. Ч. 3. Л. 128 об.
 - 23 Об этом прямо говорилось в листовке Московской группы РСДРП, изданной в апреле 1915 г. (Первое мая в царской России: Сб. док. М., 1939. С. 268).
 - 24 Большевики... С. 43-44; Рабочее движение в Петрограде. С. 485.
 - 25 Но были и группы рабочих, выпускавшие обращения с угрозой погромов торговцев, если местная администрация не прекратит спекулятивную вакханалию. 27 февраля 1916 г. постановление «Рабочего союза Читы» соответствующего содержания получил военный губернатор Читы (ГА РФ. Ф. ДП. 5 д-во. 1916 г. Д. 2796. Л. 2). Были и другие случаи подобного рода, за которыми, однако, выступлений не следовало.
 - 26 ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 5. Ч. 56. Л. 31-32; из истории Урала: Сб. док. Свердловск, 1917. С. 316-317.
 - 27 Красный архив. 1926. № 1 (17). С. 28, 29.
 - 28 Там же. № 4. С. 16.
 - 29 См.: Стачки в России в 1914 – феврале 1917 г. Хроника. Ч. 1. М., 1989. С. 128, 145-148, 150-151, 158, 196, 241, 246, 255, 265-266, 291; Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 71.

- 30 Это имело место, например, в Тифлисе в июле 1916 г. ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 75. Ч. 3. Л. 18 об.
- 31 Там же. Д. 5. Ч. 11. Л. 19 (Баку); Д. 75. Ч. 3. Л. 54 об. (выступление гласного Свечникова).
- 32 Так, среди «подстрекателей» выступления в Самаре 5 ноября 1916 г. полицейские власти называли «местных котов (воров) и проститутток» (ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 60. Ч. 3. Л. 36), а в Баку 14-15 февраля 1916 г. — «чернь» (там же. Д. 5. Ч. 11. Л. 19).
- 33 Гос. архив Днепропетровской обл. Ф. 2. Д. 3226. Л. 91-91 об, 92-92 об.; ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 130. Л. 207 об.
- 34 ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1916 г. Д. 47. Ч. 3. Л. 132.
- 35 Там же. Д. 5. Ч. 11. Л. 20.
- 36 Там же. Д. 67. Ч. 3. Л. 11-13.
- 37 Там же. Д. 60. Ч. 3. Л. 23.
- 38 Там же. Д. 47. Ч. 3. Л. 112.
- 39 Там же. Л. 9 об.
- 40 Там же. Д. 20. Ч. 3. Л. 11 об.
- 41 Там же. Л. 22 а.
- 42 Там же. Д. 130. Л. 235.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы видели, формы социального протеста рабочих в годы Первой мировой войны были весьма разнообразны. Наряду с уже испытанными в ходе социально-политических выступлений пролетариата прежних лет формами борьбы — стачками, предъявлением требований без прекращения работы, демонстрациями, митингами, собраниями и т.д. получили распространение «продовольственные» волнения, выступления мобилизованных в армию и др. При этом важнейшей и наиболее массовой формой сопротивления рабочих властям и буржуазии оставалась стачка. В наиболее крупных, массовых выступлениях пролетариата, как правило, органически переплетались стачки, собрания, распространение прокламаций революционных партий, уличные шествия.

Привлечение целого комплекса доступных ныне исследователям источников позволило получить более полное и взвешенное представление и о масштабах движения, и об участии в нем различных профессиональных отрядов рабочих, в том числе и непромышленных. В итоге мы получили новые данные о количестве стачечников, и числе стачек, которые в 2-3 раза превышают давно введенные в оборот данные фабричной и горной инспекций

Основной контингент стачечников в период войны составляли фабрично- и горнозаводские и горные рабочие. Характерно, однако, что репрессивная политика властей после событий 1905 г. значительно снизила уровень социальной активности железнодорожников, и в этом состояло одно из важных отличий рабочего движения в 1905 и 1914-1917 гг. Очень слабое участие в забастовочном движении в годы войны принимали непромышленные рабочие — строители, лесозаготовители, деревенские батраки. В условиях значительной нехватки людских ресурсов они, видимо, считали для себя более выгодным уход с работ в нарушение договора найма, чем участие в массовых протестных выступлениях.

Вследствие неоднородности материального положения, различной степени организованности и политизированности рабочих различных производств стачечное движение начиналось прежде всего там, где рабочие жили и работали в более

тяжелых условиях, т.е. прежде всего в текстильной и горной промышленности. Однако решающая роль в развитии рабочего движения по-прежнему принадлежала металлистам, которые не замыкались в узких рамках сугубо профессиональной или даже цеховой борьбы, как некоторые другие отряды рабочих, а выдвигали наиболее широкие требования, чаще других проявляли солидарность с рабочими других профессий, чутко реагировали на репрессии властей, которые касались не только их, но и рабочих других специальностей и регионов.

Война внесла существенные изменения в региональное развитие рабочего движения. По объективным причинам рабочие некоторых районов резко снизили в годы войны свою активность (часть Прибалтики, Белоруссии, Закавказья, не говоря уже о Польше, захваченной немцами). Доля стачечников большинства регионов (Украина, Урал и др.) составляла всего несколько процентов от общероссийского уровня. Выдающуюся роль в рабочем движении по-прежнему играли Петроград и Москва. При этом участие рабочих обеих столиц в общероссийском движении стало даже более значительным, чем прежде. Доля стачечников этих двух городов составляла от 2/3 до 3/4 общего количества забастовщиков в стране. Это во многом объяснялось и их высокой концентрацией на крупных промышленных предприятиях, а также повышенной активностью в столицах нелегальных организаций РСДРП и ПСР.

Но крупные стачки в период войны были и в других промышленных центрах и целых районах — Костроме, Иваново-Вознесенске, Николаеве, Горловско-Щербинском районе, Луганске, Саратове, Астрахани, Баку. Но в большинстве случаев в таких выступлениях участвовали далеко не все рабочие: так, довольно крупная стачка шахтеров Горьковско-Щербиновского района в апреле — мае 1916 г. охватила всего лишь около 30 тыс. рабочих, т.е. в лучшем случае шестую часть всех шахтеров Донбасса.

По характеру выдвигаемых рабочими требований стачки вплоть до осени 1916 г. оставались в основном экономическими. Преобладающая часть требований касалась материального положения и была направлена на сдерживание падения жизненного уровня пролетариата. Требования же сокращения про-

должительности рабочего времени и улучшения условий труда и быта были относительно немногочисленны.

Политические выступления по крайней мере до лета — осени 1915 г. были единичными. Затем их число стало увеличиваться, причем наиболее значительные выступления проходили в знак протеста против расстрелов рабочих, а также в поддержку работы Государственной думы. Но особую остроту рабочему движению придали выступления в конце 1916 г. — начале 1917 г., когда стачки с, казалось бы, чисто экономическими требованиями, сопровождавшиеся уличными шествиями, часто принимали уже политический характер. Остро реагировали рабочие и на аресты своих активистов, включая членов рабочих групп военно-промышленных комитетов (Центрального, Петроградского областного, Московского).

В нашей литературе отмечалось, что главным содержанием печатной пропаганды большевиков, меньшевиков-интернационалистов и эсеров-интернационалистов накануне и в дни Февральской революции были лозунги: «Долой войну и ее зачинщиков!», «Долой царя!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует демократическая республика!». Главным же лозунгом дня был лозунг «Хлеба!». Лозунги же 8-часового рабочего дня и конфискации помещичьих земель приобрели острое звучание уже после победы Февральской революции, когда по крайней мере первый из этих лозунгов и стал практически реализовываться рабочими явочным порядком.

Кроме стачек, рабочие использовали в годы войны и другие формы борьбы — уличные демонстрации, митинги, а также выступления против торговцев, что было связано с отсутствием или непомерной дороговизной предметов первой необходимости.

Какую же роль играли партийные организации в рабочем движении? На различных этапах историография давала на этот вопрос различные ответы в 1920-е гг. роль партийных организаций в годы войны характеризовалась как незначительная, а в 1930-1970-е гг., наоборот, она явно преувеличивалась. В реальной действительности после начала войны единственными организациями, которые не отказывались от открытых массовых выступлений и прежде всего стачек —

оставались только организации большевиков. В некоторых случаях в организации стачек вместе с большевиками принимали участие представители эсеров. Меншевицкие же организации вплоть до 1917 г. в абсолютном большинстве случаев были против открытых массовых выступлений как вредящих делу обороны страны. Лишь в самом конце 1916 г. положение изменилось. Меншевицкие организации (включая рабочие группы военно-промышленных комитетов, действовавшие легально) стали склоняться к тому, чтобы призвать рабочие массы к открытому давлению на Думу с целью изменения состава правительства для успешного продолжения войны. В организации выступлений рабочих Петрограда и некоторых других мест 14 февраля 1917 г. была несомненная заслуга меньшевицких организаций, хотя дальше призывов оказать давление на депутатов Думы они все же не шли.

Движение 23 февраля 1917 г. началось без партийных призывов, и по крайней мере в первые два дня партийные организации практически не участвовали в выступлении. Лишь 25 или 26 февраля они сделали попытку использовать начавшееся движение для реализации своих планов.

Борьба рабочего класса была решающей составляющей освободительного движения. Ни один класс или слой русского общества не проявлял себя столь активно, как пролетариат. Массовые выступления студентов, служащих или других представителей средних городских слоев, а также крестьян не шли ни в какое сравнение с выступлениями рабочих. Не закрывая глаза на то давление, которое оказывали буржуазия и поддерживавшая ее часть интеллигенции на верховную власть, на царское правительство следует подчеркнуть, что причиной этого явления, наряду с хозяйственной разрухой, массовые антиправительственные и антивоенные выступления рабочего класса. Поэтому представляется правомерным говорить о рабочем классе в годы войны как о решающей силе освободительного движения. В февральские дни 1917 г. налицо было мощное воздействие рабочего класса на тыловых солдат и буржуазию и определенную часть интеллигенции, которое и решило в конечном счете судьбу самодержавия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

И.М.Пушкарёва

ИСТОРИК ПО ПРИЗВАНИЮ: ПАМЯТИ ЮРИЯ ИЛЬЧА КИРЬЯНОВА

26 декабря 2002 года не стало Юрия Ильича Кирьянова. Это известие с болью отозвалось в сердцах всех, кто знал его, дружил, встречался с ним, считал себя его учеником. Внутренняя интеллигентность, доброжелательность, стремление прийти на помощь, поддержать товарища в трудную минуту вызывали неизменную симпатию, всеобщее уважение к его яркой, незаурядной личности.

Ю.И.Кирьянов родился 20 мая 1930 г. в Москве в семье служащих. В 1948 г. после окончания средней школы он поступил на исторический факультет Московского государственного университета, где на лекциях А.М.Панкратовой и в семинарах доцента С.И.Антоновой определилась сфера его научных интересов. После окончания университета Юрий Ильич был рекомендован в аспирантуру исторического факультета МГУ, а после ее окончания, не прекращая исследовательской работы, начал трудовую деятельность как учитель средней школы.

В 1958 г. Ю.И.Кирьянов был приглашен в Институт истории АН СССР. Здесь он прошел путь от младшего редактора журнала «История СССР» до ведущего научного сотрудника, доктора исторических наук. Он никогда не прекращал исследовательской работы. В 1962 г. Юрий Ильич защитил кандидатскую диссертацию, а в 1980 г. — диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Ю.И.Кирьянов — автор около двухсот научных работ, в том числе разделов в коллективных трудах по истории рабочего класса и истории Москвы. Первая его статья в журнале «История СССР» вышла в свет в 1959 г. Последующие 1960-1980-е гг. стали важной вехой в жизни ученого, быстро выдвинувшегося в число крупных специалистов по истории рабочего класса России XIX — начала XX в. Он был инициатором создания указателей литературы по проблемам «Облик рабочих России» и «Положение пролетариата России». В те же годы им были изданы три значительные монографии.

Изучение Ю.И.Кирияновым положения и борьбы рабочих в южном регионе России в годы Первой мировой войны дало материал для его первой монографии «Рабочие Юга России. 1914 — февраль 1917 гг.» (М., 1971) и получило впоследствии продолжение, которое представлено настоящей книгой. Известность ему принесли исследования «Жизненный уровень рабочих России. Конец XIX — начало XX в.» (М., 1979) и «Переход к массовой политической борьбе (1901-1904 гг.)» (М., 1987).

Лучшим работам Юрия Ильича было всегда присуще неумное стремление, опираясь на источники, прежде всего на архивный материал, найти новые подходы к малоизученным или спорным сторонам тех или иных исторических явлений. Несомненным вкладом ученого в науку на рубеже 1970-1980-х гг. стало обстоятельное историко-экономическое исследование жизненного уровня рабочих России. Книга осветила четыре наиболее важных вопроса: заработная плата, питание рабочих России в конце XIX — начале XX в., жилищно-бытовые условия и бюджет времени. Ю.И.Кириянов выступил против западных «бихеиористских» концепций рабочего движения, известных нарочитым принижением жизненных устремлений российского пролетариата. Приведенный им материал свидетельствовал о крайне низком жизненном уровне рабочих царской России, а самое главное о растущем разрыве между реальным экономическим положением и потребностями рабочих в связи с увеличением общественного богатства. Проблема заключалась не в абсолютном обнищании пролетариата, а именно в этом разрыве при фактическом равнодушии к нему со стороны правительства, что и становилось, наряду с политическим бесправием, основной причиной подъема рабочего движения. В противоположность широко распространенным в то время в науке взглядам, согласно которым положение пролетариата непрерывно ухудшалось, Юрий Ильич доказал, что, хотя уровень жизни большинства рабочих России был действительно низким, а труд — тяжелым, положение пролетариата все же постепенно улучшалось в результате той борьбы, которую он вел с хозяевами фабрик и царским самодержавием.

Изучение экономического положения рабочих России было продолжено исследованием их борьбы за свои права в форме массовых политических выступлений накануне Первой русской революции. Мне, как редактору сборника документов «Рабочее движение в России в 1901-1904 гг.» (М., 1975), на основе которой была написана эта моногра-

фия Ю.И.Кириянова, хорошо известно, с какой тщательностью и добросовестностью им были просмотрены работы дореволюционных исследователей, печать начала XX в., воспоминания рабочих и современников. Новое исследование ученого аргументировано и убедительно свидетельствовало о том, что начало революции 1905 г. было подготовлено всем ходом рабочего движения в предыдущие годы.

С 1959 по 1972 г. Ю.И.Кириянов являлся секретарем группы по изучению истории рабочих России в Институте истории, которую возглавлял Л.М.Иванов. В значительной степени благодаря энергии Ю.И.Кириянова группа провела около десятка всесоюзных конференций (в Москве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону и в др. городах), сделав Институт истории настоящим центром разработки проблем, связанных с рабочей историей. Результаты работы этих конференций были отражены в сборниках «Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861-1917», «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». В 1970 г. Ю.И.Кириянов стал одним из главных действующих лиц в шумной истории, развернувшейся вокруг последнего сборника, где он был одним из членов редколлегии и автором статьи об облике рабочих России накануне 1905 г. Нашлись историки, усмотревшие в статьях этого сборника попытку принизить уровень сознательности и организованности рабочего класса России и пересмотреть учение Ленина о гегемонии пролетариата. Критика была грубой, предвзятой, научно несостоятельной. Но она не сломила талантливое учение, настойчиво продолжавшего работать над любимой темой. Ю.И.Кириянов, вернувшись к ней через много лет в докладе о менталитете рабочих России на рубеже XIX — начала XX вв. на международной конференции в 1995 г. (см. приложение к настоящему изданию), доказал, что до революции 1905 г. менталитет большинства рабочих оставался в общем и целом на уровне традиционных для того времени представлений, освященных религией и официальной идеологией.

В течение ряда лет Ю.И.Кириянов много и плодотворно работал в обществе «Знание», был удостоен почетного звания заслуженный работник культуры РСФСР.

Юрий Ильич активно сотрудничал с историками разных городов России: Петербурга, Самары, Воронежа, Иванова, Костромы, Твери, Ярославля, а также ставших теперь «ближним зарубежьем» Киева, Одессы, Минска, Риги и др. Он часто выступал оппонентом по кандидатским и докторским диссертациям, рецензировал монографии и сборники

научных трудов. В этом проявлялись его научная добросовестность, стремление выявить достоверную картину исторического процесса и в то же время неизменное доброжелательное отношение к автору, уважение к его точке зрения. Его замечания всегда имели деловой характер, часто открывая новые грани обсуждаемой проблемы.

Ю.И.Кирьянов являлся редактором и соредактором ряда изданий, в том числе первого тома «Истории рабочего класса России». Многие годы он работал в редакционной комиссии серийной хроники «Рабочее движение России. 1895-февраль 1917 г.», участвовал в разработке правил ее издания и со своими коллегами приложил немало организационных усилий, чтобы публикация этих материалов, в сборе которых участвовали работники более 100 архивов бывшего СССР, продолжилась и в 1990-е гг. В связи с международным проектом по созданию Банка данных о рабочем движении в индустриальных странах Европы и США Ю.И.Кирьянов был связан с зарубежными учеными, принимал участие в международных конференциях и симпозиумах: в Варшаве, Париже, Милане и Кортоне (Италия), Нью-Йорке. Статьи Ю.И.Кирьянова переиздавались на английском, немецком и румынском языках.

В последние годы жизни он проявил интерес к новым аспектам рабочей истории — к модернизации производства и мотивации труда в 20-е гг. XX в. Главным же направлением его исследования в последнее десятилетие стала история правых монархических партий в дореволюционной России. Негласный запрет на изучение деятельности небольшевистских партий в советское время привел к распылению материалов и документов по истории правых партий по многочисленным фондам архивов и библиотек. Тем не менее, несмотря на все эти трудности, Юрий Ильич вернул из небытия громадный массив источников, без которых политическая история России начала XX в. выглядела бы явно неполной. В 1998 г. вышла в свет подготовленная им двухтомная публикация документов и материалов «Правые партии в России. 1905-1917 гг.», в 2001 г. — его монография «Правые партии России. 1911-1917 гг.», а в 2003 г. — книга «Русское собрание. 1900-1917».

Юрий Ильич Кирьянов был историком по призванию. Он всегда поражал своих коллег колоссальной эрудицией, огромным трудолюбием, неиссякаемыми энергией и оптимизмом. Для него история была не просто ремеслом, а состоянием души, и Юрий Ильич отдал всего себя служению ей.

Список основных трудов Ю.И.Кириянова

Экономическое положение рабочих Юга России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 72. М., 1962. С. 30-62.

Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 100-141.

Рабочие Юга России. 1914 – февраль 1917. М., 1971. 306 с.

Экономическое положение рабочего класса России накануне революции 1905-1907 гг. // Исторические записки. Т. 98. М., 1977. С. 147-189.

Источники о положении рабочего класса России (конец XIX – начало XX в. // Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977. С. 220-265.

Жизненный уровень рабочих России. Конец XIX – начало XX в. М., 1979. 146 с.

Стачечное движение в России в 1895-1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменениями экономического положения пролетариата: Опыт корреляционного анализа // История СССР. 1986. № 3. С. 68-80. (в соавторстве с В.И.Бовыкиным, Л.И.Бородкиным).

Переход к массовой политической борьбе. Рабочий класс накануне первой российской революции. М., 1987. 239 с.

Накануне первой революции эпохи империализма // Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 2-е изд. М., 1989. С. 521-631.

«Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137-150.

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 113-133; С. 142-165; № 4. С. 133-155; № 7. С. 106-129; № 8. С. 78-100. № 10. С. 119-143.

Менталитет рабочих России на рубеже XIX – начала XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 55-77.

Стачки и иные трудовые конфликты в Советской России в 20-е годы // Россия. XXI. 1997. № 9/10. С. 80-104.

«Известия» о трудовых конфликтах и перечень информации о них за 1917-1929 гг. // Трудовые конфликты в Советской России. 1918-1929 гг. 1998. С. 180-206.

Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 102-104. № 8. С. 92-117.

Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 79-94.

Правые партии. Документы и материалы. 1905-1917 гг.: В 2-х т. Т. 1. — 720 с.; Т. 2. — 816 с. М., 1998. (составитель, автор послесловия).

Переписка и другие документы правых (1911-1913) // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 94-100; № 11-12. С. 119-144; 1999. № 10. С. 94-118; № 11-12. С. 102-133.

Численность и состав крайних правых партий в России (1905-1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. 1999. № 5. С. 29-43.

Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835-1917 гг. // Экономическая история: Обзорение. 2000. Вып. 4. С. 26-38.

Образование и деятельность Отечественного патриотического союза (1915-1917 гг.) // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 174-191.

Правые партии в России. 1911-1917 гг. М., 2001. 464 с.

Модернизация производства и мотивация труда в России в 20-е гг. XX в. // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М., 2001. С. 86-90.

Мотивация фабрично-заводского труда в XX в., эффективность вознаграждения, поощрения и наказания // Рабочий класс и рабочее движение в России: история и современность. М., 2002. С. 18-29. К вопросу о факторах дифференциации оплаты труда текстильщиков в дореволюционной России // Россия в XIX-XX веках. М., 2002. С. 157-176. (в соавторстве с Л.И.Бородкиным).

Русское собрание. 1900-1917. М., 2003. 352 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Ю. И. Кирьянов

МЕНТАЛИТЕТ РАБОЧИХ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX В.

Термин «менталитет» относится к числу модных и часто используемых в литературе последних лет. Однако его содержание трактовалось нередко весьма расплывчато: умонастроение; совокупность духовных ценностей; образ мышления и поведения; представления и поведение определенных групп общества; общие черты и элементы преемственности в ориентации и поведении социальных или партийных групп на определенном этапе развития¹.

Автор склоняется к пониманию менталитета как умонастроения определенных слоев и групп населения, обуславливающего стереотип их представлений и поведения на том или ином этапе социально-экономического и политического развития. Можно думать, что сходного понимания придерживаются и некоторые другие историки².

Для рассматриваемого времени не адекватным, но достаточно полным отражением менталитета большинства рабочих являлось многотысячное шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. для передачи своей петиции царю, у которого «искали правды и защиты». Петиция содержала указания на обнищание, угнетение, на деспотизм и произвол со стороны хозяев и фабричной администрации. В петиции указывалось на необходимость народного представительства, причем реализация этого пожелания связывалась с «волей» царя: «...повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей тайной и равной подачи голосов». Шествие проходило под руководством священника Гапона и имело поначалу религиозный и в известной мере верноподданнический характер: его участники стремились отгородиться, отстраниться от воздействия партийных агитаторов различных политических направлений (с-д, с-р)³.

И только после расстрела 9 января 1905 г. произошел перелом в сознании и поведении рабочих, который и привел к взрывной реакции и массовым выступлениям протеста по

всей стране, давшим число стачечников в течение одного месяца, равное их численности за предшествовавшее десятилетие. Перед тем, как приступить к освещению темы, сделаем несколько предварительных замечаний, что должно способствовать пониманию конкретного материала.

Прежде всего следует иметь в виду относительно низкий экономический уровень развития страны (производство на душу населения, на единицу территории), слабую техническую оснащенность промышленности, что не могло не отражаться на условиях труда и материальном обеспечении рабочих, их быте. Необходимо также помнить, что в России конца XIX — начала XX в. существовал самодержавно-монархический строй. Власть царя Николая II была ничем не ограниченной. В стране не было парламента (на правах совещательного органа действовал лишь Государственный совет), отсутствовали демократические свободы — свобода слова, печати, собраний. Создание профсоюзных обществ и тем более партийных организаций не разрешалось. Преследовались законодательством активные участники массовых выступлений рабочих даже на экономической почве.

Число промышленных, прежде всего фабрично-заводских рабочих, было относительно невелико. Их насчитывалось в 1900 г. около 3 млн человек, а вместе с непромышленными — занятыми в строительстве, на земляных работах, в сельском хозяйстве, в качестве чернорабочих, грузчиков, а также в мелком, кустарном, ремесленном производствах — примерно 14 млн человек (из 140-миллионного населения страны)⁴.

Пролетариат был молод, значительная часть не только непромышленных, но даже фабрично-заводских рабочих оставалась связанной если не с сельским хозяйством, то с деревней. Становление и формирование российского рабочего класса происходило в одной из наиболее мелкобуржуазных стран Европы.

В литературе еще совсем недавно обращалось внимание прежде всего на происходивший со временем разрыв связи промышленных рабочих с сельским хозяйством и деревней. Однако в России рассматриваемого времени значительная, если не большая часть рабочих оставалась связанной с землей⁵. Нельзя не считаться и с тем, что рабочая сила промышленных предприятий страны лишь наполовину пополнялась за счет выходцев из рабочих семей, другая же половина — за счет крестьян⁶, привносивших в пролетарскую среду крестьянские представления и психологию. Сохраняв-

шаяся вплоть до 1917 г. связь рабочих с деревней накладывала определенную печать на образ мышления, представления и поведение рабочих.

Наконец, необходимо иметь в виду, что пролетариат не был однороден: в нем были передовой слой, середняки и низший слой. Характеристика различных слоев рабочих дает возможность более реалистично, всесторонне и взвешенно посмотреть и на события 9 января 1905 г., и на их предысторию.

Каковы же были представления рабочих по наиболее существенным вопросам социальной, экономической и политической жизни и каково было их поведение в этой связи? Можно указать на ряд черт, характерных для основной массы рабочих конца XIX – первых лет XX в., почитавших Бога, Царя и Родину, религиозные заповеди. Некоторые из этих устойчивых в прошлом представлений и связанного с ними поведения, имевшие истоком крестьянскую психологию, мораль и традицию, именно в рассматриваемое время «пришли в противоречие с действительностью», с условиями, в которых жила и трудилась основная масса рабочих. Многие рабочие начинали не только чувствовать, но и осознавать неустроенность в жизни и материальную, и правовую. Острее, чем все другое, причем постоянно, ощущались и осознавались тяжелое экономическое положение и несправедливость. В различного рода документах присутствуют жалобы рабочих на тяжелые условия труда – продолжительный рабочий день (по закону 1897 г. он не должен был превышать 11 1/2 часов), низкую заработную плату, «прижимки» администрации, мастеров, неоправданную браковку изготавливаемой продукции, снижавшую заработок, а также неустроенный быт – питание, жилье, отдых⁷.

Постоянной темой разговоров, жалоб, заявлений рабочих являлась низкая оплата труда – 203 руб. в год в фабрично-заводской промышленности, что не давало возможности большинству рабочих сводить концы с концами и делало их бюджет дефицитным. Регулярно встречались сетования на тяжесть труда, являвшейся следствием слабой технической оснащенности предприятий, на неустроенность жилья, невозможность в обычных казарменных условиях нормально отдохнуть. Эти умонастроения рабочих улавливали и отражали в нелегальной печати, листовках социал-демократы, эсеры, СДКПиЛ, ПСС и др.

Сохранилась обобщенная характеристика требований рабочих Киева в период всеобщей стачки 21-28 июля 1903 г., сделанная старшим фабричным инспектором. В городе на-

считывалось 78 фабричных заведений, на которых было занято 9217 рабочих. В числе главных требований указывались следующие: уменьшение рабочего дня до 8-9 часов (выдвигало 68% рабочих), повышение поденной платы (71%), вежливое обращение (66%), улучшение медицинской помощи (54%), улучшение условий труда в гигиеническом и санитарном отношении (41%), оказание материальной помощи во время болезни (28%)⁸.

В документе, подготовленном совещанием фабричных инспекторов Московской губернии, требования и пожелания рабочих во время забастовки в январе 1905 г. сгруппированы следующим образом: 1) сокращение рабочего времени; 2) отмена сверхурочных работ; 3) увеличение заработной платы и ее выдача в рабочее время, прибавки за продолжительную службу, оказание медицинской помощи, улучшение санитарно-гигиенических условий проживания рабочих, обеспечение по старости, инвалидности и болезням, коренное изменение правовых норм и т.п.⁹ Отчеты и доклады инспекторов других губерний, документы фабрично-заводской администрации, местных властей, содержавшие сводку и анализ нужд и потребностей рабочих и обобщавшие их требования, подтверждают типичность приведенных выше данных¹⁰. Об этом же свидетельствует и петиция рабочих Петербурга, с которой они шли к царю 9 января 1905 г.

Наряду с тяжелым экономическим положением рабочие остро ощущали произвол администрации предприятий и местных властей, особенно полицейских, державших, как правило, сторону работодателя, а не рабочих. В этом отношении показательно заключение съезда окружных и старших фабричных инспекторов, который прошел в Петербурге весной 1905 г. В нем отмечалось: «...Наиболее развитые из рабочего населения вполне осознали потребность создания такого положения, при котором рабочие получили бы возможность беспрепятственно обсуждать свои нужды и изыскивать законные способы к улучшению своего быта... Требования, которые выставляют рабочие, за редкими исключениями не направлены против основ существующего строя. Главнейшие требования — сравнительно весьма скромные пожелания и притом узко профессионального характера. Так, под свободой собраний они разумеют право обсуждать свои нужды и изыскивать пути к улучшению своего положения; свобода слова представляется им в виде возможности законными способами заявлять о своих нуждах; под неприкосновенностью жилища и личности они разумеют освобождение рабо-

чего от постоянного страха ареста и насильственного вторжения в его жилище за одно только то, что он заявляет о своих нуждах и предъявляет требования об изменении условий найма...»¹¹. В петиции рабочих (9 января 1905 г.) указывались следующие необходимые меры против бесправия: «1) немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки; 2) немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собрания, свободы совести в деле религии...; 4) ответственность министров перед народом и гарантия законности правления; 5) равенство перед законом всех без исключения...».

Таким образом, при известном различии менталитета высших, средних и низших слоев рабочих в рассматриваемое время можно отметить и некоторые общие черты: потребность и стремление к материальному достатку, к обустроенной «человеческой» культурной жизни, к защите своего достоинства, своих прав человека и рабочего, к объединению.

Каково же было отношение рабочих к самодержавию и царю? отождествление в прошлой литературе самодержавия и власти монарха представляется неправомерным. Многочисленные документы зафиксировали сознательное или неосознанное отрицательное отношение рабочих к самодержавию, под которым, однако, понимались прежде всего не государственное устройство, а полицейско-бюрократический произвол администрации — на предприятии, в городе, губернии. В петиции царю многократно говорилось о гнете, испытываемом рабочими со стороны чиновников, о наглой эксплуатации рабочих капиталистами и о «грабющем и душащем народ чиновничьем правительстве». Но при этом монархическое устройство государства, власть царя не затрагивались. Эта тема в абсолютном большинстве документов, исходивших от рабочих, не обсуждалась. Показательно в этом отношении письмо Емельяна из Одессы в редакцию газеты «Искра», относящееся к лету-осени 1903 года, когда ряд городов Юга был охвачен стачками. В нем говорилось: «В некоторых слоях массы населения представления о роли царя проявляются между прочим в довольно типичных возгласах: “Долой самодержавие, а царя оставить”»¹². В Одессе на митинге во время всеобщей стачки в 1903 г. оратора, затронувшего тему «про царя», избили¹³. Говорить в рабочей среде Донбасса вплоть до конца 1904 г. «против царя» нельзя было даже в небольших кружках¹⁴. В этой же связи можно

напомнить и шествие пятидесяти тысяч рабочих Москвы 19 февраля 1902 г. для возложения серебряного венка к памятнику царю-освободителю Александру II в Кремле¹⁵. Число участников этого шествия было большим, чем в любой стачке в рассматриваемый период (в Ростове-на-Дону в ноябре 1902 г. — 30 тыс.; в каждом из городов Юга летом 1903 г. — не более 50 тыс.).

Если «передовые рабочие», связанные с социал-демократией, социалистами, порвали с верой в царя, то этого нельзя было сказать о пролетарской массе. До событий 9 января 1905 г. за десятками тысяч передовых рабочих стояли миллионы, у которых вера в царя сохранялась. Значительная часть рабочих («отсталые слои пролетариата», как отмечали социалисты) сохраняла «монархические предрассудки» и в разгар революционных событий 1905 г. встала, наряду с представителями других слоев городского населения, на защиту существовавших государственных устоев¹⁶.

Многие представления — отношения населения к Вере, Монарху, Отечеству, а также нормы общественно-бытового поведения — освящались религией. Как отмечал исследователь этого вопроса М.М.Персиц, «в своем критическом отношении к религии рабочая масса до 1905 г. не поднималась и не могла подняться выше религиозного индифферентизма»¹⁷. Но «индифферентизм» этот выражался прежде всего в нерегулярности — в силу ряда причин — отправления обычных религиозных обрядов, посещения церкви. Тем не менее большинство рабочих верили в Бога, посещали церковь, чтили религиозные обычаи, обряды, праздники: П.Смидович, приехавший в 1898 г. в Екатеринослав и устроившийся работать на один из заводов электротехником, сообщал в нелегальную газету, что местные рабочие расспрашивали его о «европейских порядках, о свободе, о религии, о хозяевах, полиции и т.д.». Но токарь и слесарь железнодорожной мастерской «в конце концов отказываются садиться со мной за стол, — писал Смидович, — потому что я в бога не верую»¹⁸.

Немало документов, исходивших от рабочих, особенно после издания закона 1897 г., зафиксировали требования не проводить работ в дни религиозных праздников. Указаний в литературе и «хрониках» рабочего движения на волнения и стачки, которые были связаны с нежеланием рабочих трудиться в праздничные дни, немало. Однако упоминание о том, что все эти праздники были религиозными, в прошлой литературе снималось, и характер этих выступлений как бы видоизменялся, трансформировался. Между тем, согласно

документам фабричной инспекции и полиции, а также социал-демократическим листовкам, в последние годы XIX в. рабочими во время массовых выступлений выдвигались требования не проводить работы в религиозные праздники или по крайней мере оплачивать работу в эти дни как праздничную и не взыскивать штрафы за невыход на работу в эти дни. В числе таких дней во время волнений и стачек 1898 г. рабочими назывались «дванадцатые праздники, в том числе «Сретение Господне» (11 текстильных фабрик Петербурга, 1 февраля), «Масляная неделя» — 27 февраля — 1 марта (бумаготкацкая фабрика П. и И.Щаповых и сахарофабричный завод Даниловского т-ва в Москве), «Страстная неделя» (Главные паровозные мастерские Александровского механического завода Николаевской железной дороги в Петербурге — 8-11 апреля), «Святая Троица» — (фабрика джутовых изделий бр. Гольденштейн и Одерфельда в Ченстохове — май), «Перенесение мощей Св. Николая Чудотворца» (6 хлопчатобумажных фабрик Петербурга — май), «Церковный праздник Ильи Пророка» (5 бумагопрядильных и ситценабивных фабрик Петербурга — 20 июля), «Воздвижение Креста Господня» (3 текстильных фабрики Петербурга, сентябрь), «Введение во Храм пресвятой Богородицы» — 21 ноября (3 текстильных предприятия Петербурга; а также предприятие в Одессе), «Христов день» (Нижний Новгород)¹⁹. Даже если допустить, что подобного рода требования отчасти вызывались стремлением использовать повод для облегчения тяжелого труда, приверженность рабочей массы чтить религиозный календарь едва ли может вызвать сомнение. Примечательно, что столкновения рабочих с администрацией на указанной почве были зафиксированы в самых различных местах — в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Одессе, Ченстохове.

Показательно, что эти умонастроения рабочих находили отражение и в листовках социалистов²⁰. Некоторые «дела» на предприятиях, в цеху начинались с молебна. В особых местах на предприятиях, в жилых помещениях обязательно висели иконы. Можно, правда, отметить, что во вновь осваиваемых районах (включая Донбасс) строительство культовых зданий не поспевало за строительством производственных объектов, и регулярность посещения церкви нарушалась. Религиозность подчас находила проявление не только в быту, но и во время массовых выступлений. Рабочие одной из табачных фабрик Симферополя, раньше почти не слышавшие революционного слова и познакомившиеся в 1902 г.

с прокламацией, призывавшей к стачке, «клялись на Библии друг другу – держаться до конца, пока хозяин не уступит»²¹. Показательным являлось и 9 января 1905 г. В петиции петербургских рабочих, которую предполагалось передать царю в этот день, после перечисления их невзгод была фраза: «Государь! Разве это согласно с Божескими законами, милостью которых ты царствуешь?». Можно отметить также, что на этом этапе агитация социалистических партий почти не касалась антирелигиозных тем.

Все сказанное дает основание полагать, что религиозный индифферентизм как массовое явление в среде рабочих следует относить все же к более позднему времени – к 1905-1907 гг. и последующим годам, когда по крайней мере в городах населению стал доступен кинематограф, а также другие массовые развлечения. Определенное подтверждение этому находим в газете правых «Русское знамя» за 1910 г. В заметке, которая так и называлась «Господство религиозного индифферентизма» и которая была посвящена описанию положения в одном из южных промышленных центров – Николаеве, отмечалось: «...пролетарию еще с 1905 г. стала безразлична вера в его предков» и в другом месте «...веяния новых идей повлияли в отрицательную сторону на религиозную психику русского народа, который теперь с легкой душой бежит смотреть театральные зрелища и уже тяготится исполнением долга православного, становясь совершенно безразличным к своей святыне – храму Божьему...»²².

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. лишь «сознательные» рабочие, связанные с партийными организациями, являлись атеистами, хотя прежние устои, характеризовавшие отношение рабочей массы к религии и церкви, были поколеблены²³. Если иметь в виду отношение рабочих к Отечеству и его защите, то следует констатировать патриотические умонастроения не только в период русско-японской войны 1904-1905 гг., но и по крайней мере в начале Первой мировой войны (в 1914-1915 гг.). На формирование такого отношения оказывало влияние господствовавшая официальная идеология – почитания Веры, Царя и Отечества, давняя крестьянская традиция. Правда, часть рабочих, преимущественно западных регионов, принимала участие в антимобилизационных демонстрациях. Но подобного рода выступления были единичны и немногочисленны. Из общего числа 428 уличных демонстраций в России в 1901-1904 гг. на долю демонстраций антивоенного характера, прежде всего антимобилизационных, приходилось всего 11 процентов (48). Для

последнего пятилетия XIX века соответствующие показатели и абсолютные (при общем числе демонстраций 67), и процентные были несравненно ниже²⁴.

Всякий общественный слой вырабатывает представление об идеале. Не были исключением и рабочие России, которые во второй половине XIX в. черпали представления, с одной стороны, «из религии», а с другой, — из привносимой в их среду интеллигенцией «социалистической литературы». Каково было представление рабочих (по крайней мере сознательных) о социальном идеале и как эти представления соотносились с высказываниями социалистов?

В России конца XIX — начала XX в., стране невысокого уровня развития капитализма, который после падения крепостного права насчитывал всего несколько десятилетий (в то время как во многих других странах — столетия), представления об идеальном обществе, казалось бы, могли быть связаны лишь с мечтой, с фантазией. Но с другой стороны, как раз пороки капитализма первоначального накопления создавали благоприятную почву для пропаганды «социалистов», их разговоров о социализме и вместе с тем о борьбе за светлое и справедливое общество, в котором не будет противоположности интересов различных групп населения, работодателей и рабочих и будет материальный достаток для всех. Высказывания о справедливом обществе, о социализме делались в российской литературе еще и раньше²⁵. С середины 90-х гг. XIX в. они встречались по крайней мере в нелегальных изданиях уже достаточно часто. Но если нелегальная социалистическая печать так или иначе обсуждала этот вопрос, то многие практики вынуждены были констатировать, что рабочая масса не имела о социализме никакого представления или имела представление сугубо превратное. В настоящее время, писал один из авторов в редакцию «Искры» в июне 1901 г., «о конечных целях движения говорят неохотно, а если и говорят, то конфузаясь и краснея». В письме из Тулы по тому же адресу от февраля 1902 г. отмечалось, что «наши пролетарии в массе не знают, что такое социализм, и считают его ругательным словом». В письме из Петербурга в редакцию «Искры» осенью 1902 г. сообщалось о «полном невежестве рабочих в основных вопросах социализма»²⁶. Таким образом, у большинства рабочих представления о социализме были превратными или весьма расплывчатыми (обычно соотносясь со справедливым и равноправным обществом). Между тем по крайней мере у части передовых, сознательных рабочих эти представления были уже

более конкретны. Сохранился замечательный в своем роде документ — стихотворение одного из членов «Иваново-Вознесенского рабочего союза», относящееся к концу 1895 г. В нем, хотя и в не завершенной форме, отражена идейная платформа «Союза», его задачи и цели, конечные, социалистические идеалы:

*Мы, как члены славной партии,
Социальной демократии,
Мы прогресс желаем ей!
Мы — гроза купцов, царей...
Мы — враги такого строя,
Где бездельники царят,
А рабочих, — все создавших, —
Страшным голодом морят.
Нашей партии задача:
Ниспровергнуть этот строй.
А на месте стона, плача
Создадим мы строй иной,
Срой такой, где люди будут
Все всеобщее иметь:
И землей, и капиталом
Сообща будут владеть.
Будут все равно трудиться,
И продукты от труда
Будут поровну делиться
Меж рабочими тогда.
Всю нетрудящуюся сволочь
Пошлем мы к черту!. И тогда
Осуществим мы царство мира,
Свободы, равного труда²⁷.*

Из этого следует, что осуществление социалистического идеала предполагало ликвидировать наряду с властью царей, и власть купцов, «бездельников», которые живут чужим трудом и вынуждают рабочих пребывать в нищете и голоде. Во вновь создаваемом обществе землей и капиталом должны были владеть «все сообща», все должны были «равно трудиться» и все продукты труда делить «поровну», а само новое общество должно было стать олицетворением «царства мира». Эти представления провинциального рабочего-партийца были близки к стереотипу социалистической литературы, характерному и для первых лет XX в. В.И. Ленин писал в ноябре 1905 г.: «Социализм требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения товарного хозяйства. Социализм требует, чтобы и земли, и фабрики перешли в руки

всех трудящихся, организующих по общему плану крупное (а не разрозненное мелкое) производство»²⁸.

Если «сознательные» рабочие, может быть, не всегда разбирались в содержании понятия «социализм», то во всяком случае сам термин был им достаточно хорошо знаком, благодаря прежде всего нелегальным изданиям, листовкам²⁹, а иногда и легальной печати, борющейся с «социалистическими учениями». Комментируя выход одной из брошюр Богдановича, «Московские ведомости» писали в январе 1903 г., что появление подобных произведений было вызвано успехами «ученых деятелей социалистической пропаганды», стремившихся «просветить» московских рабочих «великим учением о широких всемирных задачах» социализма, сбивая с толку доказательствами «необходимости коренного общественного переворота», без которого русские рабочие будто бы никогда не достигнут благоустроенной жизни. «Они вообразили себе, — продолжала газета, — что русского рабочего также легко завлечь в социалистическую ловушку, как и его западноевропейского товарища, дабы затем ловким образом злоупотребить его доверчивостью и сделать его слепым орудием социалистической революции в России»³⁰.

Здесь уместно рассмотреть вопрос об отношении рабочих России к частной собственности.

Сколько-нибудь сильной и прочной приверженности к собственности у большинства рабочих не было. И это можно объяснить их необустроенностью, низким уровнем жизни, отсутствием во многих случаях недвижимого имущества (жилья), низкой оплатой труда, не позволявшей копить деньги, отсутствием частнособственнической традиции.

С этим, надо полагать, было связано и нескрываемое негативное отношение рабочих к чужой собственности. Подобное умонастроение подогревалось социалистической пропагандой, постоянно указывавшей на несправедливое распределение богатства в обществе и призывавшей требовать от хозяев даже открытия бесплатных садов и парков, организации бесплатных гуляний для рабочих. Так, в одной из социал-демократических листовок, изданных в Петербурге в 1898 г., по этому поводу говорилось: «...мы должны пользоваться этими развлечениями не как хозяйской подачкой, а как своей собственностью»³¹. Негативное отношение к чужой собственности проявлялось прежде всего на предприятии. Низкая оплата тяжелого труда подводила рабочих к заключению о том, что раз предприятие так бесчеловечно эксплуатирует рабочего, «крадет» его заработную плату, то и

рабочий вправе поступать соответствующим образом в отношении предприятия. Отсюда ставшее на многих предприятиях «ординарным явлением» воровство изделий, деталей, которые затем можно было продавать на рынке, за счет чего и пополнить свой доход. П.Г.Смидович, посетивший в середине 90-х гг. XIX в. Екатеринослав, отмечал в газетной заметке, что «несуны» (рабочие, незаконно, скрытно выносившие с предприятия какие-то вещи) были тогда на металлических заводах города чуть ли не обычным, массовым явлением³². Эти кражи не выходили, как правило, за пределы «сферы производства» и напоминали кражи крестьянами помещичьего леса, сена и т.п., также совершавшиеся «из нужды».

В осознание своего тяжелого материального положения, его резкого отличия от положения предпринимателей и вместе с тем несправедливого распределения богатства в обществе, вероятно, следует искать объяснение и той склонности части рабочих к погромным действиям, которые встречались во время стачек (и не только во время стачек). Эти погромные выступления рабочих рубежа XIX-XX вв. достаточно хорошо известны по «Отчетам» фабричных инспекторов и по современной литературе (в частности, по монографии Ч.Винна)³³.

Отсутствие сколько-нибудь сильного частнособственнического начала в среде рабочих способствовало в дальнейшем восприимчивости ими «социалистического учения», предполагавшего ликвидацию частной собственности на предприятия, землю и т.п. И в этой связи нельзя не привести слова министра внутренних дел П.Н.Дурново (в кабинете С.Ю.Витте). В «Записке» на имя Николая II Дурново писал в феврале 1914 г., что, по его глубокому убеждению, в России «народные массы несомненно исповедуют принципы бессознательного социализма» и здесь «всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое» (а не в политическую революцию, как на Западе)³⁴.

Потребность в улучшении условий своего труда и быта, в обустройстве своей жизни, в человеческом отношении к своей личности побуждала рабочих искать пути выхода из того положения, в котором они жили и трудились. Часть рабочих средство улучшения своего положения видела по-прежнему в просьбах, обращенных к предпринимателям, администрации предприятий, фабричной инспекции, представителям местных властей (полицейским чинам, губернатору). В.И.Ленин отметил в 1917 г., что до событий 9 января 1905 г. за десят-

ками тысяч передовых рабочих стояли миллионы, у которых сохранялась вера в царя, являвшихся «наивными монархистами». Такие рабочие были способны главным образом просить и умолять (а не вступать в активную борьбу), свидетельством чему являлась гапониада³⁵. Иногда эти просьбы превращались в жалобы на своих притеснителей. Эту форму трудовых и социальных конфликтов отразила в своих «Отчетах» фабричная инспекция. Но вместе с тем с середины 90-х гг. XIX в. стачка — предъявление требований, сопровождавшееся прекращением работ, — становится уже обычным явлением фабрично-заводской жизни. К этой форме протеста стали прибегать достаточно часто, причем нередко значительные группы рабочих, что побудило правительство начать в 1895 г. учет стачек рабочих фабрично-заводской промышленности, в которой было занято около 3 млн человек.

Правда, доля участников стачечного движения во второй половине 90-х гг. XX в. — 1904 г. оставалась еще очень небольшой, ежегодно не превышая 5% от общего числа фабрично-заводских рабочих. Этот показатель относится к 1903 г., за другие годы десятилетия он был меньше. Со временем «масса» участников стачечного движения становилась, естественно, больше, но все же оставалась незначительной. Отдельные группы рабочих, преимущественно в столицах и в промышленных центрах западного и южного регионов, поднимались до политических протестов — участия в демонстрациях. Но таких было сравнительно немного.

Одной из черт менталитета рабочих был коллективизм (по-видимому, эта черта имела еще крестьянские истоки). В конце XIX в. она была зафиксирована в популярном в среде рабочих лозунге «Один за всех и все за одного». Однако коллективизм рабочих (по крайней мере до 1905 года) имел местный масштаб, не выходил за местные пределы — предприятия, города и связанного с ним региона (а у крестьян — нескольких уездов). Солидарность с рабочими других городов была еще редким и немасштабным явлением. Даже в период «всеобщей стачки» на юге России и июле — сентябре 1903 г. выступления рабочих в различных городах проходили не одновременно, а как бы «по цепочке». Рабочие во многих случаях выражали скорее не солидарность, а стремление добиться того же, чего добивались и добились их товарищи. «Всеобщая стачка» на Юге России не была поддержана рабочими других регионов.

До 1905 г. к числу выступлений солидарности следует отнести прежде всего первомайские демонстрации и стачки.

Но их было немного, они были малочисленны и проходили преимущественно в столицах и в городах западного и южного регионов. Первомайских демонстраций в России (включая и Финляндию) ежегодно проходило от 15 до 32, а всего в 1901-1904 гг. их прошло 80, что составляло менее пятой части от общего числа демонстраций (428)³⁶. Переломным в этом отношении следует считать 1905 год. Но даже в этом году вплоть до осени многие выступления в стране шли разрозненно. Часть же рабочих продолжала использовать и старые методы протеста, связанные скорее со своими прошлыми представлениями — уход (бегство) в нарушение договора найма, поджоги, погромные выступления, террористические акты и др.

Каковы были представления рабочих о необходимости и возможности их объединения в профессионально-классовые организации, их участия в партийных организациях? Надо сказать, что часть рабочих России, и прежде всего западных регионов страны, имела — пусть самые общие — представления о профсоюзах, о партиях, которые существовали и действовали (причем легально) в странах Западной Европы. Более того, часть рабочих «поднялась» до осознания необходимости создания профсоюзных организаций и реализации этих своих намерений. Такие нелегальные организации начали действовать уже в конце 90-х гг. XIX в. — первые годы XX в. Появление, с согласия властей, полиции, так называемых зубатовских рабочих организаций в Москве, в западном и южном регионах были отражением этого процесса. Подобные легальные организации в первые годы XX в. действовали в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове, Екатеринославе, Николаеве, Перми, Минске, Одессе, Вильно, Гродно, Бобруйске. Однако численность даже этих, открытых с согласия полиции, организаций оставалась сравнительно небольшой: в Москве она достигала нескольких тысяч, в Минске — 1,5 тыс., в Одессе — 2 тыс. человек³⁷.

В самом конце XIX — начале XX в. «сознательные» рабочие начинали искать связи с партийными организациями — социал-демократическими, народническими, эсеровскими национальных социалистических партий (ППС и др.). Но эти организации, действовавшие в подполье, нелегально, оставались пока все еще малочисленными. В конце 1895 — начале 1896 г. известный впоследствии деятель РСДРП И.В. Бабушкин написал для Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» листовку «Что такое социалист и политический преступник». В ней были такие

слова: «Большинство рабочих не имеет понятия о том, что такое “социалист”»³⁸. Со временем число рабочих, познакомившихся с революционной литературой, прокламациями различных нелегальных партий, узнавших, что значит слово «социалист», естественно, увеличилось. И все же насколько неясна для многих рабочих была суть различных организаций, с помощью которых они могли изменить к лучшему свое прежде всего экономическое положение, свидетельствует поддержка одними и теми же рабочими на каком-то этапе представителей зубатовских организаций, а затем — революционеров, представителей нелегальных партийных организаций (а иногда и наоборот). Для той части рабочих, которая была задавлена экономическим и политическим гнетом и которая начала пробуждаться и проявлять социальную активность, но еще плохо разбиралась в политических течениях или вовсе не знала о политических партиях, были характерны колебания от сочувствия революционерам до восторженного почтения жандармского полковника, объявляющего, как это было в Минске в 1901 г., о создании рабочих организаций (зубатовских), которые будут защищать их интересы перед предпринимателями³⁹, от участия в зубатовских обществах — до разочарования в них и поисков более надежных путей улучшения своего положения, как это было во время стачки в Одессе летом 1903 г.

Непосредственное участие рабочих в партийных организациях социал-демократов, эсеров и других партий было все же весьма незначительным. Достаточно сказать, что численность наиболее крупных социал-демократических организаций накануне 1905 г. была следующей: Петербургской — 400 человек, Иваново-Вознесенской — 350, Владимирской — 650, Смоленской — 400, Киевской — 700, Екатеринославской — 800, Кременчугской — 150, Союза горнозаводских рабочих (в Донбассе) — 400, Саратовской — 600, Уфимской — 200. Общая численность РСДРП (без национальных организаций — Бунда и др.) была менее 10 тысяч. Рабочие же составляли в социал-демократических организациях того времени примерно 56-62 процента, а нередко и меньшую долю. Это означало, что рабочих — членов наиболее влиятельной в пролетарской среде партии — насчитывалось примерно 5 тыс. человек. Даже от числа фабрично-заводских, промышленных рабочих, этот показатель составлял менее 0,2%. В прошлой литературе практически отсутствовал вопрос о силе и возможностях партийных организаций того времени. Между тем свидетельства на этот счет сохра-

нились, но они не согласовывались с тональностью прежних работ и поэтому не использовались. К их числу относится доклад Петербургского комитета III съезду РСДРП, в котором отмечалось, что накануне 9 января 1905 г. большевистская организация в столице находилась «в крайне плачевном состоянии», среди членов городского комитета не было рабочих, связи с массами были нарушены и ослаблены, дело доходило до избития рабочими партийных агитаторов, уничтожения листовок⁴⁰. Указания на то, что большевики в Петербурге в 1905 г. были «слабы» (примерно 1000 чел.), связи с рабочими — «минимальные»⁴¹, встречались и в воспоминаниях. С этими свидетельствами в какой-то мере согласуется информация нелегальной газеты московских большевиков (за февраль 1905-го) о положении в столице накануне «Кровавого воскресенья»: Гапон «...был везде. Он ободрял, убеждал, заклинал стоять до конца... Комитеты социал-демократический и социалистов-революционеров решили на общем собрании примкнуть к уже создавшемуся движению... Даже простое присоединение к движению в начале не удавалось; прокламации принимались неохотно; их заменяли послания о Гапона»⁴².

Многие рабочие, и прежде всего социально активные, ценили товарищество, взаимовыручку, взаимопомощь (что не исключало приверженности части рабочих к подхалимству, наущничеству, оскорбительному отношению к товарищам)⁴³.

В многонациональном государстве, каким была Россия, немаловажной чертой менталитета рабочих являлись доброжелательные отношения между представителями различных национальностей. Следует заметить, что рабочая сила в большинстве регионов (за исключением, пожалуй, Польши и Финляндии) была национально неоднородно смешанной. Думается, имеется достаточно оснований констатировать нормальные отношения и в быту, и на производстве между рабочими различных национальностей и различной религиозной приверженности. Это отмечалось и официальными документами, характеризовавшими поведение рабочих в первые годы XX в. во время крупных выступлений на Юге страны. В этой связи показательно заключение прокурора Кутаисского окружного суда по поводу Батумской стачки в марте 1902 г. (на предприятиях города трудились грузины, абхазцы, русские, казанские татары и представители других национальностей). Прокурор отмечал «замечательно стойкую, крепкую солидарность рабочих разных племен, наречий и вероисповеданий, людей, иногда не понимающих друг друга,

но очевидно слившихся в одном чувстве»⁴⁴. В еще большей степени это было характерно для всеобщих стачек в 1903 г. Орган Кавказского союзного комитета РСДРП в связи с всеобщей стачкой в Баку писал: «Впервые все бакинские пролетарии слились в одну гигантскую семью... около одной заветной цели — освобождения трудящихся. Рабочий — русский и мусульманин, армянин и поляк... подали друг другу руку»⁴⁵. В письме о стачке в Елисаветграде Херсонской губернии в июле 1903 г. сообщалось: «Товарищ, брат! — таково было обычное обращение здешнего русского рабочего к еврейскому во время стачки»⁴⁶. Подобное положение отмечалось и в других национальных регионах страны. «Несмотря на преобладание элементов, чувствительных к национальным вопросам, — сообщалось в корреспонденции из западных — белорусских и литовских губерний, — среди рабочих почти нет националистов; сионизм... не встречает сочувствия в рабочей среде, и местные сионисты состоят из средней буржуазии; нет также в рабочей среде враждебных друг другу элементов»⁴⁷.

В приведенную характеристику взаимоотношений рабочих различных национальностей как бы «не укладываются» некоторые факты.

Известно, что в первые годы XX в. в Варшаве польские и еврейские рабочие — приверженцы соответственно ППС и Бунда проводили первомайские демонстрации нередко в одно и то же время, но на различных улицах. Но в данном случае размежевание происходило не по национальному, а прежде всего по партийному признаку.

Особняком стоят антиеврейские погромы в Кишиневе и в некоторых других местах в первые годы XX в., а также армяно-татарская резня (а позднее — в мае 1915 г. — антинемецкий погром в Москве). Строго говоря, эти события, в которых участвовали и рабочие, не характеризовали, однако, взаимоотношения между рабочими различных национальностей (они, кстати, осуждались нелегальной партийной печатью различных направлений и «сознательными» рабочими). Основу, подоплеку, повод этих безусловно массовых выступлений можно усмотреть в материальной недостаточности, имущественном неравенстве, а также в издавна сложившихся отношениях, связанных с религиозными различиями. Примечателен в этом отношении ответ полицейских властей Киевской губернии на запрос Департамента полиции. В «Справке», относящейся к началу 1906 г., в частности, отмечалось: «...разжигания национальной вражды не замечалось,

но последняя существует независимо от партий между евреями и русскими вследствие постоянных столкновений на экономической почве»⁴⁸. Возникавшую социально напряженную ситуацию в отдельных случаях использовали власти, направляя гнев простого населения по националистическому руслу.

Благоговейным было отношение большинства рабочих к образованию, знаниям, квалификации, культуре. Рабочие проявляли жажду «света культуры», стремление к повышению образовательного уровня. Это в известной мере обусловливалось объективными условиями — усложнением производства, городской жизнью, но в определенной мере и желанием — благодаря этому — «обустроить» жизнь, сделать ее лучше, более обеспеченной в материальном отношении. Рабочие — по сравнению с крестьянами — имели больше возможностей это свое стремление реализовать, что нашло отражение в более высокой грамотности рабочих⁴⁹.

В конце XIX — начале XX в. не только сами рабочие осознавали, «ощущали» себя «особым сословием», со «своими» представлениями и «своим», особым поведением. Это констатировали и представители властей, заводской администрации и др.

Со временем представления и особая линия поведения приобретали четкие очертания, все более выделяя рабочих из массы трудового населения, все более разрывая нити, связывавшие рабочих с крестьянством. И это также было зафиксировано официальными документами. Во всеподданнейшем докладе Харьковского губернатора за 1899 г. отмечалось, что фабричный рабочий, сделавшись постоянным городским жителем, «утрачивает многие хорошие особенности, своим типичные деревенскому обывателю, и прежде всего исконное его мирозерцание, положительное и беспритязательное, покоящееся на указаниях религии и заветах предков. Отчасти под действием чисто физических причин, каковы тяжелый труд и нередко антигигиенические условия городской жизни, отчасти под влиянием городских соблазнов, рабочий теряет физическую выносливость и душевное равновесие, присущее сельскому жителю; он делается нервным, притязательным, склонным ко всякого рода мечтаньям. Эти свойства фабричного рабочего пролагают весьма удобный путь к возбуждению в нем недовольства и собственным положением, и общественным строем, к чему и направлены в последнее время усилия врагов существующего порядка, к сожалению, сопровождающиеся некоторым успехом. В отчетном году во многих промышленных заведениях Харьковской гу-

бернии замечены были попытки к устройству стачек и забастовок и к представлению разных требований по улучшению положения рабочих... Текущий год уже дает несколько указаний, что в рабочую среду, по крайней мере в крупных центрах, успели уже в некоторой степени проникнуть социалистические идеи о противоположности интересов рабочих и работодателей и о необходимости для рабочих вступить в борьбу за свои попираемые будто бы интересы, причем средствами борьбы должны были служить устройство стачек, забастовок, манифестаций и другие подобные просьбы, в совершенстве выработанные рабочими Западной Европы... [1 мая] рабочие пытались большими толпами, в виде процессии, пройти по городу с манифестационными целями, причем даже были попытки выкинуть красные флаги... рабочие вели себя затем весьма вызывающе, дерзко требовали освобождения своих арестованных товарищей, настойчиво выставляли свои требования, в том числе уменьшения рабочего времени до 8-часового. Волнения рабочих продолжались несколько дней... рабочие действовали под влиянием широко распространенных в последнее время прокламаций, исходящих от разных социалистических кружков, и по программе, рекомендуемой этими кружками... рабочие в данном случае уже отнюдь не являлись слепым орудием в руках злонамеренных лиц... многие из них сознательно выяснили себе преследуемые ими цели, твердо усвоили определенную программу действий и проявили в осуществлении этой программы выдержку и дисциплину. В этом, как я смею полагать, и заключается опасный симптом»⁵⁰. Шеф жандармов П.Д.Святополк-Мирский писал в 1901 г.: «В последние 3-4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется в заводе еще немного, но эта ничтожная горсть... руководит всей остальной инертной массой рабочих»⁵¹.

Эти примечательные документы весьма рельефно рисуют представления и поведение рабочих (передовых и отчасти середняков), указывают на черты, отличавшие рабочих от крестьянской массы, сельских обывателей: нескрываемая неудовлетворенность своим экономическим и правовым положением; «иронический взгляд» на действительность, ослабление религиозных представлений и несоблюдение сложившихся в прошлом норм поведения; особые «манеры лю-

дей, которым море по колено и нраву которых не препятст- вуй»; пренебрежение законом» и неповиновение властям; стремление изменить свое положение с помощью организа- ции революционеров, массовых выступлений, направленных против предпринимателей и в какой-то мере против властей. И все же несмотря на происходившие сдвиги и изменения во взглядах и стереотипах поведения, менталитет большин- ства рабочих оставался в общем и целом в рамках прежних представлений, освященных религией, церковью, официаль- ной идеологией.

За пределами этой характеристики находился лишь срав- нительно небольшой слой сознательных, передовых, соци- ально активных рабочих, связанных с социалистами и участ- вовавшими ранее в массовых выступлениях.

При этом, однако, нельзя не отметить следующего важ- ного момента, касающегося менталитета рабочих России конца XIX – начала XX в.: он был в стадии ломки ряда ста- рых и утверждения некоторых новых представлений, в ста- дии формирования. Низшие слои оставались еще в плену консервативных представлений, «передовики» воспринима- ли, усваивали и пытались даже руководствоваться «новыми взглядами», привносимыми социалистической интеллиген- цией, представителями партийных организаций. «Серед- няки» нередко колебались, проявляя неустойчивость и во взглядах, и в поведении.

Революционные события 1905-1907 гг. производят и оформляют существенную корректировку менталитета пре- жде всего средних и низших слоев, не говоря уже о том, что изменяют соотношение слоев в пользу социально более ак- тивных рабочих. Эти сдвиги выразились в изменении пред- ставлений о способах улучшения своего положения, в изме- нении отношения к самодержавно-полицейским порядкам, в изменении отношения к леворадикальным партиям, в стрем- лении к организации и др. Но во всех этих изменениях предшествовавший период был естественной предысторией «раскачивания» и надламывания прошлых, консервативных представлений и стереотипов поведения.

¹ Политология в терминах и понятиях. Словарь-справочник. Краснодар, 1993. С. 47; Краткий справочник современных понятий и терминов. Изд. 2-е. М., 1995. С. 240; *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158-166.

- 2 См.: *Шеррер Ю.* Социал-демократическая интеллигенция и рабочие // Реформы или революция? Россия. 1861-1917. СПб., 1992. С. 117, 118; *Хаймсон Л.* Меньшевизм и большевизм (1903-1917): формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 году. В 3-х т. Т. 1. М., 1994. С. 20, 32, 51; *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905-1907 гг. Ч. 2. М., 1994. С. 276-279; Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996.
- 3 См.: Петиция рабочих и жителей Петербурга // Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало Первой русской революции. Январь – март 1905 г. М., 1955. С. 28-31 (док. № 21).
- 4 См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. Изд. 2-е. М., 1989. С. 273.
- 5 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 161. 1901 г. Д. 56. Л. 51.
- 6 *Погожев А.В.* Учет численности и состава рабочих России. СПб., 1906. С. 56; *Иванов Л.М.* Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861-1917. М., 1966. С. 141; *Канель В.* Рабочий договор. К вопросу о положении рабочего класса в России. Ч. 1. М., 1907. С. 5-6.
- 7 См., напр.: ГА РФ. Ф. 102. 7 д-во. 1898 г. Д. 147. Л. 2-3.
- 8 Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 561.
- 9 Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии. Материалы и документы. М., 1931. С. 190-191.
- 10 См.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. СПб., 1903. С. XI-XII; *Горбунов И.* Рабочий вопрос в постановке его рабочими во время стачек в период с 1896 по 1909 г. включительно // Вестник Общества технологов. СПб., 1910. № 7-8; 1911. № 7-8; Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии. С. 180-189, 190-195; *Невский В.И.* Январское рабочее движение 1905 г. (Материалы фабричной инспекции) // История пролетариата СССР. М., 1930.
- 11 Цит. по: *Озеров И.Х.* Политика по рабочему вопросу. М., 1906. С. 258-259.
- 12 Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903-1905 гг. В 3-х т. Т. 1. М., 1975. С. 117.
- 13 *Скрыпник Н.* Две революции // Летопись революции. Харьков, 1930. № 6 (45). С. XI.
- 14 *Левус.* Из истории революционного движения в Донецком бассейне // Народное дело. Б. м. Изд. ЦК партии эсеров. 1909. № 3. С. 66.
- 15 *Тихомиров Л.* Значение 19 февраля 1902 г. для московских рабочих // Былое. Paris. 1912. № 14. С. 86-88.
- 16 См.: *Плеханов Г.В.* Сочинения. Т. 12. М.; Л., 1925. С. 17-18, 27, 31; Т. 13. М.; Л., 1926. С. 338, 342, 351; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 217; Т. 13. С. 331-332. См. также: *Левицкий В.* Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914. С. 254-355; *Степанов С.А.* Черная

- сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992; *Нарский И.В.* Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905-1916 гг. Екатеринбург, 1994. С. 17, 62, 63.
- 17 *Персиц М.М.* Атеизм русского рабочего (1870-1905). М., 1965. С. 230.
- 18 *Смидович П.* Рабочие массы в 90-х гг. М., 1930. С. 12-13.
- 19 ГА РФ. Ф. 102. 7 д-во. 1897 г. Д. 43. Л. 39-39 об., 50, 58; ОО, 1898 г. Д. 4. Ч. 1. Л. 61-61 об., 74; Д. 4. Ч. 1. Лит. Б. Л. 1; Д. 4. Ч. 1. Лит. А. Л. 12, 14-15, 16, 17; Ч. 8. Л. 20-20 об.; РГИА. Ф. 23. Оп. 17. Д. 312. Л. 95 об., 99, 114, 125; Рабочее знамя. 1898. № 1. С. 10; Рабочее дело. 1899. № 2-3. Отд. 1. С. 37; *Тихтарев К.М.* Очерк петербургского рабочего движения 90-х гг. Лондон, 1902. С. 105, 106; *Озеров И.Х.* Указ. соч. С. 113-114; Рабочее движение в России. Т. 4. Ч. 2. М., 1963. С. 42-43 (док. № 8). С. 765, 766, 771, 774, 775, 780, 782, 789, 790.
- 20 См., например, листовки петербургских социал-демократов за 1898 г.: ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. № 17781; Рабочее движение в России. Т. 4. Ч. 2. С. 230.
- 21 Революционная Россия. Париж, 1902. Октябрь. № 12. С. 14.
- 22 *Ч-ский.* Господство религиозного индифферентизма // Русское знамя. СПб., 1910. 15 октября. С. 2.
- 23 Положение тверских рабочих. Женева, 1899; Доклад товарища министра внутренних дел Святополк-Мирского Николаю Романову (1901 г.) // Красный архив. М., 1936. Т. 3 (76). С. 62-66; *Миронов К.* Из воспоминаний рабочего. М., 1906. С. 22; Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. М., 1931. С. 89.
- 24 Рабочий класс России от зарождения до начала XX вв. С. 489-490, 588-589.
- 25 *Дан Ф.И.* Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк, 1946.
- 26 См.: Переписка В.И.Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900-1903. Сб. док. В 3-х т. Т. 1. М., 1969. С. 130, 432; Т. 2. М., 1969. С. 424.
- 27 *Махов Н.И.* На заре революционного движения (Из личных воспоминаний) // Иваново-Вознесенский губернский ежегодник... на 1921 г. Иваново-Вознесенск, 1921. С. 33-34; Стихотворение Махова «На Новый год» («Мы как члены славной партии...») см.: Вещественное доказательство к протоколу осмотра № 9. 1 февраля 1896 г. // ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 1899.
- 28 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 81.
- 29 См.: Рабочее движение в России в XIX в. Т. 4. Ч. 1 (1895-1897 гг.). М., 1961. С. 597-599; Первое мая в царской России. М., 1939. С. 19-21; Что такое социализм и революция. Одесса. Изд. партии социалистов-революционеров. 1904.
- 30 Московские ведомости. 1903. 22, 23 января (ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 5536. Л. 12).

- 31 ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. № 3702; Ф. 102. Оп. 252, 1898-1899 гг. Д. 18. Л. 4-4 об.
- 32 См.: *Смидович П.* Рабочие массы в 90-х гг. М., 1930. С. 11-12.
- 33 Wynn Charters. Workers, Strikes and Pogroms. The Donbass-Dnepr. 1870-1905. Princeton — New Jersey, 1992.
- 34 Красная новь. Кн. 6. М., 1922. С. 178-199.
- 35 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 309.
- 36 Рабочий класс от зарождения... С. 588-589.
- 37 Там же. С. 553, 578-579.
- 38 Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса. 1895-1897». М., 1934. С. 20-21; Рабочее движение в России в XIX в. Т. 4. Ч. 1. С. 49-50.
- 39 См.: *Бухбиндер Н.А.* История еврейского рабочего движения в России (по неизданным материалам). Л., 1925. С. 191-192.
- 40 Третий съезд РСДРП: Протоколы. Апрель — май 1905 г. М., 1959. С. 544-545; см. также: *Невский В.И.* Рабочее движение в январские дни 1905 г. М., 1930. С. 154.
- 41 *Гуль.* Я унес Россию. Воспоминания. [Запись рассказа А.Д.Нагловского, опубликованная во II томе] // Огонек. 1992. № 7. С. 11.
- 42 Голос труда. М., 1905, февраль (после 20).
- 43 См.: *Клейнборг Л.* Вопросы чести и совести в рабочей среде // Современный мир. СПб., 1913. № 4; *Шишкин В.М.* Так складывалась революционная мораль. М., 1967; *Кирьянов Ю.И.* Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 131-132.
- 44 ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1898 г. Д. 4. Ч. 38. Гегемония пролетариата в революционно-демократическом движении России. 1895-1904 гг. М., 1974. С. 184-185.
- 45 Листок «Борьбы пролетариата». 1903. № 3. С. 4; Листовки Кавказского союза РСДРП. 1903-1905 гг. М., 1955. С. 103.
- 46 Последние известия. 1903. 27 (14) августа. № 141. С. 2-3.
- 47 *Я.О.* Условия жизни рабочих С.-З. края (Письмо из Минска) // Неделя. 1904. № 3. С. 11-12.
- 48 Наряд по секретной переписке. По Киевской губ. 1906 г. // ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 236 (II отд.). Д. 828. Ч. 8. Л. 5.
- 49 Русское богатство. СПб., 1900. № 12. Отд. II; *Озеров И.Х.* Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX в. М., 1905. С. 89, 91; Десятилетие общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих г. Москвы (1902-1912 гг.). М., 1912. С. 1, 3; *Королева М.Л.* Формирование культурного облика и общественно-политического сознания московских рабочих на рубеже XIX-XX вв. (1895-1904). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988; *Кизченко В.И.* Культурный облик пролетариата Украины в период империализма. Киев, 1990.
- 50 ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1898 г. Д. 5. Ч. 12. Лит. А. Л. 44-46 (частично опубликовано: Летопись революции. Харьков, 1924. № 2. С. 217-223).
- 51 См.: Красный архив. М., 1936. № 3. С. 62.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица 1

**Помесячные данные о количестве стачек в России в 1914-1916 гг.
по «Статистическому сборнику за 1913-1917 гг.» (А) и сб.
«Рабочее движение в годы войны» (Б), Особого совещания
по обороне (В) и ДП МВД (Г)**

	1914 г.		1915 г.		1916 г.			
	А*	Б	А**	Б	А	Б	В	Г
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>
181 Январь	372	401	21	21	165	169	166	нет св.
Февраль	90	131	37	32	89	118	108	нет св.
Март	497	511	25	35	100	113	107	62
Апрель	394	539	93	111	155	170	157	80
Май	1016	874	153	165	131	203	154	126
Июнь	329	691	113	164	103	156	123	54
Июль	795	951	58	92	63	85	26	46
Август	9	24	78	76	96	107	48	53
Сентябрь	6	10	178	184	78	93	37	56
Октябрь	9	9	77	80	193	202	104	105
Ноябрь	13	16	57	55	58	66	32	38

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Декабрь	4	9	38	48	53	60	11	46
Всего за год	3534	4166	928	1063	1284	1542	1073	
Август-декабрь 1914 г.	41	68						

* Без данных по Варшавскому фабричному округу.

** Данные по Азиатской России учтены, хотя и неполно (4 стачки с 248 участниками).

Источники: Статистический сборник за 1913-1917 гг. (Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 1). М., 1921. С. 145, 155, 164; Рабочее движение в годы войны. М., 1925 (подсчеты в кн.: *Мицк И.И.* История Великого Октября. В трех томах. Т. 1. М., 1967. С. 351, 352, 374); Стачное движение в России в годы первой мировой войны. Материалы официальной статистики за август 1914 – январь 1917 г. Вып. II. М., 1986. С. 266; Вып. III-IV. М., 1988; Забастовочное движение рабочих в предприятиях, работавших на оборону (из материалов 6. Особого совещания по обороне государства) // Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 86-87; Сведения о забастовочном движении на фабрично-заводских предприятиях империи, обслуживающих нужды обороны // ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во, 1916 г. Д. 101. Л. 35, 48, 56, 69, 77.

Таблица 2

**Помесячные данные о числе стачечников в России в 1914-1916 гг.
по различным официальным источникам**

Месяц	1914 г.		1915 г.		1916 г.			
	A*	Б	A**	Б	А	Б	В	Г
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Январь	174265	182944	9592	8906	128402	135529	128450	нет св.
Февраль	36683	44621	25994	24329	78715	94559	91978	нет св.
Март	223418	227208	7509	22404	90345	100129	98435	94278
Апрель	132118	154853	34064	38590	112361	125023	112449	95003
Май	321207	308594	53505	63008	83674	154634	118198	104542
Июнь	148318	198777	83490	80054	77854	113142	100329	41002
Июль	291888	332287	21256	28104	47915	77544	37554	46850
Август	3847	24688	54565	54625	36423	52542	58223	38941
Сентябрь	999	4661	112565	113866	39072	51000	29220	46382
Октябрь	1153	1153	76583	78027	180627	187475	163878	111914
Ноябрь	2379	2646	35692	39628	38662	39456	35431	22983
Декабрь	1183	1604	16713	17102	37643	41019	10509	44761
Август — декабрь	9561	34752						

* Без данных по Варшавскому фабричному округу.

** Данные по Азиатской России учтены, хотя и неполно: 4 стачки с 248 участниками.

**Количество стачек и число их участников в России в
декабре 1916 – феврале 1917 г. по различным официальным источникам**

	<i>Количество стачек</i>			<i>Число стачечников</i>		
	<i>XII</i>	<i>I</i>	<i>II</i>	<i>XII</i>	<i>I</i>	<i>II</i>
	<i>1916 г.</i>	<i>1917 г.</i>	<i>1917 г.</i>	<i>1916 г.</i>	<i>1917 г.</i>	<i>1917 г.</i>
По данным фабричной инспекции	57	371	нет св.	39649	244144	нет св.
По данным горной инспекции	3	11	„_	1370	5171	„_
По данным фабричной и горной инспекции	60	382	„_	41019	249315	„_
По данным деп. МВД (фабрично-заводские предприятия, обслуживающие нужды обороны)	46	267	„_	44761	232025*	„_
По материалам Особого совещания по обороне	11	нет св.	„_	10509	нет св.	„_
По материалам, собранным в Министерстве труда Временного правительства	нет св.	371	959	нет св.	244144	432142

* Включая Финляндию, где в январе 1917 г. отмечена 1 стачка со 116 участниками.

**Погодовые данные о количестве стачек в различных регионах
(губерниях) России в июле 1914 – феврале 1917 г. (по авторским хроникам рабочего движения)**

<i>Регион, губерния</i>	<i>Годы</i>			
	<i>1914 г. VII-XII</i>	<i>1915 г.</i>	<i>1916 г.</i>	<i>1917 г. I-II</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Петроградская губ. (по подсчетам Крыловой)	49	279	662	245
Северо-запад (без Петроградской губ.), в т.ч.	1	11	14	1
Архангельская губ.	1	6	5	1
Вологодская губ.	—	1	7	—
Новгородская губ.	—	3	2	—
Псковская губ.	—	1	—	—
Центральный промышленный район (по подсчетам Лекомцева), в т.ч.	37	884	849	279
Московская губ.	21	540	434	208
Владимирская губ.	7	219	213	27
Костромская губ.	4	43	84	17
Калужская губ.	—	16	35	6
Нижегородская губ.	2	13	19	3
Рязанская губ.	1	10	7	10
Смоленская губ.	—	1	3	—
Тульская губ.	—	3	5	2
Ярославская губ.	—	10	24	3

	1	2	3	4	5
Центральный черноземный район (по подсчетам					
Касимова)		9	35	94	15
Урал (в т.ч.)		7	46	48	8
Урал (по подсчетам Юдиной)		23 (VIII-XII)	95	186	32
Вятская губ.		1	4	5	4
Вятская губ. (по подсчетам Мусихина)		2	2	8	нет. св.
Уфимская губ.		—	4	10	—
Оренбургская губ.		1	13	9	1
Пермская губ.		5	24	27	3
Пермская губ. (по подсчетам Мусихина)		7	27	44	нет. св.
Среднее и Нижнее Поволжье (по подсчетам					
Касарова), в т.ч.		9	202	113	4
Астраханская губ.		1	—	26	1
Казанская губ.		2	5	2	2
Самарская губ.		1	23	25	—
Саратовская губ.		5	174	60	1
Симбирская губ.		—	—	—	—
Область Войска Донского		1	34	82	7
Северный Кавказ 5 губ. (по подсчетам Шига-					
будинова)		—	12	65	—
Сибирь		20	44	82	17
Украина (9 губ.) (по подсчетам И.Т.Шербины), в		17	115	218	50
т.ч.					
Екатеринославская губ. (по подсчетам Щирь-					
нова Ю.И.)		11	57	93	9
Херсонская губ. (по подсчетам Алешкина)		3	28	42	7

Бессарабская губ.	2	—	1	—
Белоруссия (по подсчетам Савицкого) в т.ч.	3	12	19	—
Витебская губ.	1	3	9	—
Минская губ.	2	4	3	—
Могилевская губ.	—	5	7	—
Кавказ и Закавказье	2	56	106	92
Бакинская губ., в т.ч.	2	30	81	91
Елисаветпольская губ.	—	14	—	—
Тифлисская губ.	—	6	18	—
Кутаисская губ. (включая Батумскую обл.)	—	6	7	1
Грузия (по подсчетам Церцвадзе)	нет св.	нет св.	63	нет св.
Эриванская губ.	—	—	—	—
Прибалтика, в т.ч.	5	30	36	13
Виленская губ.	1	1	—	—
Лифляндская губ.	3	18	—	—
Курляндская губ.	—	—	—	—
Эстляндская губ.	1	11	36	13
Царство Польское (9 губ.)	3	64	нет св.	нет св.
Варшавская губ., в т.ч.	3	23	нет св.	нет св.
Петроковская губ.	—	—	нет св.	нет св.
Люблинская губ.	—	1	нет св.	нет св.
Сувалкская губ.	—	1	нет св.	нет св.
Гродненская губ. (частично)	—	39	нет св.	нет св.
Средняя Азия и Казахстан, в т.ч.	5	11	10	1
Ферганская обл.	2	2	1	1
Закаспийская обл.	2	2	1	—
Бухарское ханство	1	—	—	—

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Акмолинская обл.	—	1	2	—
Сыр-Дарьинская обл.	—	3	3	—
Семипалатинская обл.	—	3	3	—
Финляндия	—	—	14	1
Всего по России (мои подсчеты)	170	1928	2418	718
Всего по России (по «Стат. сб-ку за 1913-1917 гг.», — без Варшавского фабричного округа)	41 (VIII-XII)	928	1284	нет св.
Всего по России (по публикации «Раб. движ. в годы войны» и данным Мин. труда Временного правительства)	68 (VIII-XII)	1063	1542	1330

Таблица 5

**Погодовые данные о числе стачечников в различных регионах (губерниях) России
в июле 1914 г. — феврале 1917 г. (по хроникам), в тыс.**

Регион, губернии	Годы			
	1914 г. VII-XII	1915 г.	1916 г.	1917 г. I-II
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Петроградская губ. (по подсчетам Крыловой)	38,5	167,5	546,3	279,8
Северо-Запад (без Петроградской губ.), в т.ч.	?	2,9	6,5	?
Архангельская губ.	?	2,0	4,4	?
Вологодская губ.	—	—	0,4	—
Новгородская губ.	—	0,8	1,7	—
Псковская губ.	—	0,1	—	—
ЦПР, в т.ч.	12,6	514,5	560,0	176,1
Московская губ.	5,6	279,0	187,6	87,0
Владимирская губ.	1,3	154,4	147,5	21,7
Костромская губ.	4,6	30,5	114,9	13,3
Калужская губ.	—	10,2	16,2	4,0
Нижегородская губ.	0,1	3,3	20,1	12,7
Рязанская губ.	0,2	3,6	6,0	9,6
Смоленская губ.	—	0,7	2,8	—
Тверская губ.	0,4	13,0	33,1	2,5
Тульская губ.	—	15,3	13,7	23,7

	1	2	3	4	5
Ярославская губ.		0,4	4,5	18,1	1,6
ЦЧР		0,4	21,4	65,8	8,9
Урал, в т.ч.		9,4	23,3	15,4	8,8
Урал (4 губ.)(по подсчетам Юдиной)		16,7	31,8	74,1	100,0
		(VIII-XII)			
Вятская губ.		?	1,0	1,3	7,7
Вятская губ. (по подсчетам Мусихина)		0,4	0,5	2,8	нет св.
Оренбургская губ.		0,2	5,3	2,0	0,1
Пермская губ.		9,2	3,4	9,9	1,0
Пермская губ. (по подсчетам Мусихина)		1,8	3,1	44,8	нет св.
Уфимская губ.		—	13,6	2,2	—
Нижнее и Среднее Поволжье (по подсчетам Касарова), в т.ч.		1,1	10,2	38,9	1,04
Астраханская губ.		0,1	—	1,1	0,3
Казанская губ.		0,2	0,4	1,0	0,7
Самарская губ.		0,3	1,3	25,6	—
Саратовская губ.		0,5	8,5	10,2	0,04
Симбирская губ.		—	—	—	—
Область Войска Донского		?	22,4	44,6	4,3
Северный Кавказ (по подсчетам Шигабудинова)		—	5,4	20,6	—
Сибирь		7,7	8,7	19,3	2,7
Украина (9 губ.) (по подсчетам Щербины), в т.ч.		9,2	48,1	193,2	42,1
Екатеринославская губ. (по подсчетам Кирьянова)		6,0	30,0	100,1	5,4
Херсонская губ. (по подсчетам Алешкина)		1,0	4,1	17,5	0,4

Бессарабская губ.	?	—	?	—
Белоруссия (по подсчетам Савицкого), в т.ч.	0,44	0,33	2,1	нет св.
Витебская губ.	0,04	0,1	1,0	нет св.
Минская губ.	0,4	0,2	0,6	нет св.
Могилевская губ.	—	0,03	0,5	нет св.
Кавказ и Закавказье, в т.ч.	0,1	3,9	16,4	23,2
Бакинская губ.	0,1	1,4	13,4	22,5
Елисаветпольская губ.	—	1,3	—	—
Тифлисская губ.	—	0,7	2,8	—
Кутаисская губ. (включая Батумскую обл.)	—	0,5	0,2	0,7
Грузия (по подсчетам Церцвадзе)	нет св.	нет св.	21,5	нет св.
Эриванская губ.	—	—	—	—
Прибалтика	0,2	12,4	15,6	11,7
Виленская губ.	0,04	0,1	—	—
Лифляндская губ.	0,1	1,3	—	—
Курляндская губ.	—	—	—	—
Эстляндская губ.	0,1	11,0	15,6	11,7
Царство Польское (9 губ.), в т.ч.	0,25	3,2	нет св.	нет св.
Варшавская губ.	0,25	2,2	нет св.	нет св.
Петроковская губ.	—	—	—	нет св.
Люблинская губ.	—	0,2	нет св.	нет св.
Сувалкская губ.	—	?	нет св.	нет св.
Гродненская губ. (частично)	—	0,8	нет св.	нет св.
Средняя Азия и Казахстан, в т.ч.	7,43 (?)	1,41	0,32	0,2
Ферганская обл.	0,4	?	0,3	0,2
Закаспийская обл.	?	0,1	?	—
Бухарское ханство	7,0 (?)	—	—	—
Акмолинская обл.	0,03	0,01	?	—

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Сыр-Дарьинская обл.	—	?	?	—
Семипалатинская обл.	—	1,3	0,02	—
Финляндия	—	—	7,3	0,1
Всего по России (мои подсчеты данных хроник)	86,7	862,0	1556,1	548,3
Всего по России по «Стат.сб-ку за 1913-1917 гг.» (без Варшавского фабрич. округа)	9,6 (VIII-XII)	531,5	951,7	нет св.
Всего по России (по публикации «Рабочее дв. В годы войны» (1925) и данным Мин. Труда Временного прав-ва)	34,7 (VIII-XII)	569,2	1172,1	676,3

**Стачечное движение на предприятиях фабрично-заводской промышленности России
в 1895-1917 гг.**

Год	Кол-во	Число участников		Число потерянных	Число политических стачечников	
	стачек	в тыс.	в % к общему числу рабочих	человеко-дней в тыс.	в тыс.	в %
<i>A</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
1895	68	31	2,0	157	—	—
1903	550	87	5,1	445	19	21,8
1905	13995	2863	163,8	25030	1424	49,7
1906	6114	1108	65,8	5513	651	58,7
1907	3573	740	41,9	2433	540	73,0
1912	2032	725	33,7	2376	550	75,8
1913	2404	887	38,3	3863	502	57,3
1914	3534	1337	68,2	5755	1059	78,5
1915	928	540	28,1	1863	156	28,9
1916	1284	952	45,4	4649	310	32,6
1917 (январь-февраль)	1330	676		3001	575	85,1
1917 (март-сентябрь)	576	193		821	108	56,0

Продолжение таблицы 6

Год	Число участников стачек (в тыс.) по причинам						Число участников стачек (в тыс.) по результатам		
	Зароботная плата		Рабочее время		Другие условия труда		победа рабочих	поражение рабочих	компро мисс
	в тыс.	в %	в тыс.	в %	в тыс.	в %			
Б	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1895	23	74,2	1	3,2	7	22,6	12	5	14
1903	42	48,3	17	19,5	9	10,3	25	41	15
1905	620	21,6	306	10,7	94	3,3	369	422	672
1906	303	27,3	80	7,2	75	6,8	163	154	141
1907	115	15,5	35	4,7	50	6,7	32	115	52
1912	118	16,3	9	1,2	49	6,8	16	103	57
1913	263	29,6	14	1,6	108	12,2	29	239	117
1914	151	11,3	72	5,4	56	4,2	16	192	70
1915	232	43,0	5	0,9	147	27,2	73	87	201
1916	515	54,1	3	0,3	124	13,0	153	201	284
1917 (январь-февраль)	67	9,9	0,3	0,04	34	5,0	15	24	62
1917 (март-сентябрь)	64	33,2	1	0,5	20	10,4	20	24	42

Источник: Яковлева К.Н. Забастовочное движение в России за 1895-1917 гг. // Материалы по статистике труда. Вып. 8. М., 1920. С. 61, 62, 64-65, 68-69, 71. За 1895-1908 гг. использованы данные: Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895-1908 гг.; использованы данные: Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895-1904 гг.; Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год; Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906-1908 гг. За 1909-1914 гг. использованы данные ежегодных «Сводов отчетов фабричных инспекторов». За 1914-1916 гг. — «Статистический сборник за 1913-1917 гг.» (Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 1). М., 1921. В большинстве случаев цифры приводятся округленные.

**Политические стачки рабочих России в 1915 г. по литературе,
с использованием статистики фабричной и горной инспекции**

Месяцы	Количество стачек			Число стачечников в том числе		
	Всего	по поводу ареста рабочих	патриотических и неэкономических	Всего	по поводу ареста рабочих	патриотических и независимых
1	2	3	4	5	6	7
Январь	6	—	—	2039	—	—
Февраль	7	—	2(М.)+2(К.)	3498	—	107(М.)+40(М.)+ 1433(К.)+1224(К.)
Март	6	—	1(П.)+5(Р.)	4959	—	38(П.)+492(Р.)
Апрель	1	—	—	220	—	—
Май	13	—	—	1323	—	—
Июнь	2	1(Кос.)	—	3124	1786(Кос.)	—
Июль	—	—	—	—	—	—
Август	50	1(Н.)	—	43929	666(Н.)	—
Сентябрь	115	?(П.)	3(6.)	87621	?(П.)	88(С.)
Октябрь	8	1(П.)	7(Сам.)	2057	1500(П.)	157(Сам.)
Ноябрь	6	1(П.)	1(Н.)	6106	5720(П.)	58(Н.)
Декабрь	1	—	—	959	—	—
Всего	215	4?	21	155941	96727	8066

Условные обозначения: К. — Коломна; Кос. — Кострома; М. — Москва; Н — Николаев (Херсонская губ.); П. — Петроград; Р. — Ревель; Сам. — Самара; С. — Саратовская губ.

Источники: Рабочий класс в годы войны. М., 1925; Стачечное движение рабочих России. Вып. I-IV; Вознесенский С. Стачечная борьба рабочих в 1870-1917 гг. // Архив истории труда. Пг., 1923. С. 172; Минц И.И. История Великого Октября. Т. 1. М., 1977. С. 300, 301, 320; Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 гг. М., 1982. С. 328.

Таблица 8

**Число рабочих, бастовавших в различных районах
Петрограда 17-19 октября 1916 г.**

	Количество предприятий		Число стачечников (в тыс.)	
	официальные данные	подсчеты исследователей	официальные данные	подсчеты исследователей
1	2	3	4	5
<u>17 октября</u>				
Выборгская сторона	7	10	20300	27,3
<u>18 октября</u>				
Выборгская сторона	11	—	13955	—
Петроградская сторона	3	—	2500	—
Новодевленский пригородн. участок (близ Выборгской стороны)	3	—	1340	—
Васильевский остров	1	—	1500	—
Район Московской заставы	1	—	2100	—
18 октября вновь забастовали	19		21405	
Всего бастовали на 18 октября, включая предприятия, баст- овавшие 17 октября	26	34	41705	46,3
<u>19 октября</u>		—	—	—
Выборгская сторона	7	—	12580	—
Петроградская сторона	5	—	3290	—
Район Московской заставы	6	—	4750	—

Район П.*	1	—	4300	—
19 октября вновь бастовали	19	—	24920	—
Всего бастовали на 19 октября, включая предприятия, бастовавшие 17 и 18 октября	45	63	66625	75,4
20 октября большинство бастовавших предприятий приступило к работам.				
20 октября продолжали бастовать	151 завод + 4 фабрики	—	14625 + +4125 (до обеда) (из числа 66625)	—

* Так у автора.

Источник: Всеподданнейшая докладная записка министра торговли и промышленности В. Шаховского (не позднее 17 ноября 1916 г.) // Красная летопись. № 2(11). С. 202-204, 204-208; История рабочих Ленинграда. Т. 1. С. 501.

**Стачки рабочих в различных районах Петрограда 26-31 октября 1916 г.
(по официальным данным позиций)**

Дата, район города	Количество стачек	Число стачечников
1	2	3
26 октября		
Выборгская сторона	8	16937
Васильевский остров	1	300
Всего бастовали 26 октября	9	17237
27 октября (кроме предприятий, бастовавших 26 октября)		
Выборгская сторона	11	20865
Петроградская сторона	7	4080
Новодеревенский пригородный участок (близ Выборгской стороны)	2	1100
Васильевский остров	2	1600
Район 3-го Александро-Невского участка	1	1130
Район Рождественской части	1	170
Район Московской части	1	240
Всего забастовали 27 октября	25	29185
Всего бастовало на 27 октября	34	46422
28 октября, кроме предприятий, бастовавших 26 и 27 октября, забастовали рабочие ряда новых предприятий (рабочие завода бывш. Дюфлон — 750 рабочих, бастовавшие накануне, 28 октября приступили к работам).		
28 октября		
Выборгская сторона	2	1160

Петроградская сторона	10	8640
Новодеревенский пригородный участок	2	80
Васильевский остров	10	15563
Район 3-го участка Александро-Невской части	1	937
Район Московской части	1	130
Вновь забастовали 28 октября	26	16530
Всего бастовало на 28 октября	58	61902
29 октября к бастующим присоединились рабочие следующих предприятий:		
Петроградская сторона	1	940
Васильевский остров	3	2020
Район 3-го участка Александро-Невской части	1	520
Всего бастовали 29 октября	5	3480
Возобновили работу 29 октября	15	9922
Всего бастовало на 29 октября	48	57460
30 октября 13 предприятий с 36537 рабочими были закрыты		
31 октября все предприятия, за исключением закрытых, возобновили работу.		
31 октября	1	130

Источники: Рабочее движение в Петрограде в 1912-1917 гг. С. 636.

Политические стачки рабочих в России в 1916 г. по литературе,
где использовалась статистика фабричной и горной инспекции

Месяцы	Количество стачек			Число стачечников		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		по поводу ареста, высылки рабочих	патриотических и неэкономических		по поводу ареста, высылки рабочих	патриотических и неэкономических
1	2	3	4	5	6	7
Январь	38	I(М.)+I(X)	I(Тв.)	53489	2228+119	3837
Февраль	4	—	—	9450	—	—
Март	46	—I(P)	I(П)	50643	500	136
Апрель	7	I(П)	I(П)	16147	—	180
Май	1	I/Б/	—	750	750	—
Июнь	5	I(P/Д)+1(М)	I(П)+I(П)	9870	3220+870+ 4680	600+500
Июль	1	I(С)	—?	1215	(12115)	—
Август	7?	—	5(М)+I(X)	8428	—	6720+ 1700
Сентябрь	—	—	—	—	—	—
Октябрь	149	—	—	138531	—	—

Ноябрь	15	—		10877		
Декабрь	—	—	—	—	—	—
ВСЕГО	278	8	11	310300	24482	13772

В сентябре и декабре все стачки были на экономической почве. Условные обозначения: Б. — Бердянск; М. — Москва; П. — Петроград; Р. — Ревель; Р/Д. — Ростов-на-Дону; С. — Сормово; Т. губ. — Тверская губ.; Х. — Харьков.

Источники: Вознесенский С. Стачечная борьба рабочих. 1870-1917 гг. // Архив истории труда. Пг., 1925. №8. С. 172; Минц И.И. Революционная борьба пролетариата России в 1914-1916 гг. // Вопросы истории. 1959. № 12. С. 34; *он же.* История Великого Октября. Т.1. С. 300, 301, 320.

Таблица 11

**Количество стачек и число стачечников в Петрограде
23-28 февраля 1917 г.**

<i>Даты</i>	<i>Официальные данные о количестве ста- чек</i>	<i>Подсчеты исследователей</i>	<i>Официальные данные о числе стаечников</i>	<i>Подсчеты исследователей</i>
22 февраля	43 ¹ ; 50 ²	49 ⁴		
23 февраля	43 ¹ ; 50 ²	49 ⁴	78,4 ¹ ; 87,5 ²	128,4 ⁴
24 февраля	131 ¹	224 ⁴	158,6 ¹ ; 20,0 ³	214,1 ⁴
25 февраля				
26 февраля				(306,5) ⁴
27 февраля		869 ⁴		385,4 ⁴
28 февраля		899 ⁴		393,8 (100%) ⁴

Источники: 1) ГА РФ. Ф. 111. 1917 г. Д. 669А. Л. 60, 69-70; 2) Б.Т. Февральская революция и охранное отделение // Былое. 1918. № 1 (29). С. 162, 164; 3) Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 4-5; 4) История рабочих Ленинграда. Т. I. С. 515, 529.

**Количество политических стачек и число их участников в России
с 19 июля 1914 г. до 23 февраля 1917 г.**

Годы	Количество стачек			Число стачечников, в тыс.		
	Подсчеты автора	Подсчеты по данным фабр. и горн. ин-спекции	Подсчеты А.И.Уткина	Подсчеты автора	Подсчеты по данным фабр. и горн. ин-спекции	Подсчеты А.И.Уткина
19 июля- 31 декабря 1914 г.	18	8 ^{1*}	нет св.	(12,0)	4,4	56,0
1915 г.	355	116	нет св.	165,2+(0,1)	156,9	411,0
1916 г.	252	273	нет св.	273,1	310,3	590,9
январь- 22 февраля 1917 г.	380	нет св.	нет св.	338,9	нет св.	нет св.
январь- 28 февраля 1917 г.	(1,279) ^{2*}	1,330 ^{3*}	нет св.	(732,7) ^{2*}	676,3 ^{3*}	935,0

^{1*} Август — декабрь 1914 г.

^{2*} Мои данные за январь — 22 февраля 1917 г. с учетом данных исследователей за 23-28 февраля 1917 г.: 899 стачек (в Петрограде) с 393,8 тыс. участников.

^{3*} Данные фабричной инспекции за январь — 28 февраля 1917 г. (См.: *Кирьянов Ю.И.* Стаечное движение в России в 1914 г. — феврале 1917 г. (По материалам официальных источников и хроник выступлений рабочих) // История СССР. 1990. № 5. С. 126-127.

Таблица 13

Число политических стачек рабочих и их участников (в тыс.) в основных центрах рабочего движения России в июле 1914 – феврале 1917 гг. по главным поводам протеста

<i>Регион, город Основные поводы</i>	<i>Петроград</i>	<i>Москва</i>	<i>Харьков</i>	<i>Рига, Ревель</i>	<i>Всего в России</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Начало войны (июль 1914 г.)	10(12)			2(нет св.)	13(12)
Арест депутатов-большевиков (ноябрь 1914 г.)	1(1)		4(0,1)		5(1,1)
Всего в 1914 г.	11(13)		4(0,1)	2(нет св.)	17(13,1)
1915 г.					
Годовщина 9 янв. 1905 г.	15(2,7)			7(0,5)	22(3,2)
Суд над депутатами-больше- виками	6(0,2)	7(2)			13(2,2)
1 мая (18 апр.-1 мая)	15(0,9)	15	5(0,5)	5(0,4)	62(3,4)
Применение огнестрельного ору- жия в Костроме и Иваново- Вознесенске (июль и авг.)	30(20,7)	39(26,6)			69(47,3)
Роспуск Думы (2-11 сент.)	60(70)	109(30)			171(100,1)
Всего в 1915 г.	127(95,5)	142(36,4)	5(0,5)	12(0,9)	356(165,3)
1916 г.					
Годовщина 9 янв. 1905 г.	58(67,2)	1(0,5)	1(0,6)	1(1,3)	62(69,8)
Годовщина Ленских событий (4 апреля)	7(13,7)	1(0,1)			10(17,8)
1 мая (18 апр.-2 мая)	1(0,03)	3(0,1)			4(0,13)

Тяжелое прод. положение; суд над матросами (7-20, 26-31 окт.)	110(132,9)				110(132,9)
Всего в 1916 г.	215(247,8)	32(19,2)	1(0,6)	1(1,3)	252(273,1)
1917 г.					
Годовщина 9 янв. 1905 г.; отсутствие хлеба	114(144,7)	76(36,8)	14(9,4)	1(0,1)	214(196,3)
В поддержку Думы; годовщина суда над депутатами; арест рабочей группы ЦВПК (10-14 февр.)	60(91,4)	18(12,7)	1(0,2)		79(104,3)
Всего в 1917 г. до Февральской революции	174(236,1)	131(68,9)	15(9,6)	1(0,1)	380(338,9)

Таблица 14

**Возрастной состав рабочих завода «Динамо» в Москве,
участвовавших 17 февраля 1915 г. в стачке протеста против
осуждения депутатов-большевиков**

<i>Возраст</i>							
<i>от 17 до 20 лет</i>	<i>от 20 до 25 лет</i>	<i>от 25 до 30 лет</i>	<i>от 30 до 35 лет</i>	<i>от 35 до 40 лет</i>	<i>от 40 до 45 лет</i>	<i>от 45 до 50 лет</i>	<i>от 50 и более лет</i>
392	325	215	148	85	58	47	15
в %							
30,5	25,3	16,7	11,5	6,2	4,5	3,7	1,3

Источник: ГА РФ. Ф. 63. 1915 г. Д. 1325. Л. 77.

Таблица 15

**Число уличных демонстраций рабочих (или с их участием)
в России в 1901-1904 гг. и 19 июля 1914 — 22 февраля 1917 гг.**

	1901	1902	1903	1904	1901-1904	19 июля- 31 дек. 1914 г.	1915	1916	январь - 22 февраля 1917 г.	19 июля 1914-22 февраля 1917 г.
Россия	51	61	149	178	482	3	12	21	23	59
Петербург-	3	2	1	1	6	3	6	19	8	36
Петроград										
ЦПР	4	5	5	9	23	—	5	2	15	22
в т.ч. Москва	2	—	—	1	3	—	3	2	14	19
Среднее и	1	2	—	2	5	—	1	—	—	—
Нижнее Поволжье										
Царство Польское	5	5	23	72	105	—	—	—	—	—
Украина	14	16	30	16	76	—	—	—	—	—
Белоруссия	9	4	20	31	64	—	—	—	—	—
Прибалтика	8	8	12	29	57	—	—	—	—	—
Кавказ и Закавказье	1	5	35	14	55	—	—	—	—	—
Остальные регионы	6	14	24	4	41	—	—	—	—	—

Источник: данные за 1901-1904 гг. см.: *Кириянов Ю.И.* Переход к массовой политической борьбе. М., 1983. С. 134-135.

Таблица 16

**Поводы уличных демонстраций рабочих (или с их участием) в России в
1901-1904 гг. и 19 июля — 22 февраля 1917 г.**

	1 мая	Репрессии властей	Издание (или годовщина издания) царских законов	Война, мобилизация в армию	Похороны товарищей и революционеров
<i>А</i>	1	2	3	4	5
1901-1904 гг.	80	163	24	48	45
19 июля 1914 г. —	1	32	—	5	4
22 февраля 1917 г.	—	—	—	—	—
23-24 февраля 1917 г.	—	—	—	—	—

Продолжение таблицы 16

	<i>Тяжелое эконо- мическое положение</i>	<i>Рост дороговизны и отсутствие продуктов</i>	<i>Поддержка Гос. думы</i>	<i>Прочие</i>	<i>Всего</i>
<i>В</i>	6	7	8	9	10
1901-1904 гг.	54	—	—	51	438
19 июля 1914 г. —	1	8	8	—	59
22 февраля 1917 г.	—	—	—	—	—
23-24 февраля 1917 г.	—	10	—	—	69

Таблица 17

Число массовых нестачечных выступлений рабочих (или с их участием) в связи с нехваткой и дороговизной предметов первой необходимости в различных регионах России в 1914 — феврале 1917 г. (в круглых скобках показатель аналогичных выступлений крестьян)

Регион	Север и Северо-Запад	ЦПР	ЦЧР	Урал и Приуралье	Среднее и Нижнее Поволжье	Дон и Сев. Кавказ	Сибирь и Дальний Восток	Украина	Кавказ и Закавказье	Средняя Азия и Казахстан	Россия в целом
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1915 г.											
Январь											
Февраль											
Март											4 —
Апрель	1	3									
Май		2						(1)			2(1)
Июнь								(1)			—(2)*
Июль											
Август	3							(3)			3(3)
Сентябрь					1						1 —
Октябрь		2									2 —
Ноябрь					1						1 —
Декабрь	2										2 —
Янв.-декабрь	6	7		1	1			(5)			15(6)
1916 г.											
Январь								1		(1)	1(1)
Февраль	1								1	1	3 —

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Март		1			(1)	1		(3)		(11)	2(15)
Апрель			(1)		(1)			(1)			
Май	1		1	1		(2)	4(3)	2(6)		(1)	— (4)
Июнь		5(8)			(5)	8(134)		(3)			9(11)
Июль		1	(1)	1	2(8)			(7)	3(10)	(1)	13(150)
Август				(1)				3(2)	1	(1)	7(27)
Сентябрь		1(1)		1			(1)			(1)	4(4)
Октябрь	2(1)	2						2(1)			2(2)
Ноябрь		(1)		3	1(1)		1(2)	(2)	(1)		6(2)
Декабрь							(2)	(1)	(1)	1(7)	6(14)*
Янв.- декабрь 1917 г.	4(1)	10(10)	1(2)	6(1)	3(16)	9(136)	5(8)	8(26)	5(12)	2(23)	53(235)
Январь	(3)										3 —
Февраль	(7)										7 —
Январь- февраль	(10)										10 —

* Примечание: В таблице не показаны по одному выступлению крестьян в Белоруссии в июне 1915 г. и в Молдавии в декабре 1916 г. В Прибалтике выступлений подобного рода не было.

Поводы выступлений рабочих (или членов их семей)
на почве дороговизны в 1916 – феврале 1917 гг.

Время	Место выступления	Регион	Повод выступления – отсутствие или дороговизна следующих предметов первой необходимости
1	2	3	4
1916 г.			
Январь	с. Дружковка Екатеринославской губ. (металлургический 3-д)	Украина	мука, сахар
Февраль	Петроград Баку	Северо-запад Закавказье	мясо, картофель, бакалейные товары, мука, овощи, сахар, фрукты
Март	Ташкент д. Юсупово Подольского у. Московской губ. (фабрика)	Ср. Азия ЦПР	овощи ситец
Апрель	—	—	—
Май	Петроград с. Батурлиновка Воронежской губ. Оренбург Красноярск Енисейской губ. Ст. Зима Иркутской губ. Бийск Томской губ. Боготол Томской губ. Новониколаевск Томской губ. Сумы Харьковской губ. с. Юнаковка Харьковской губ.	Северо-запад ЦЧР Урал Сибирь — " — — " — — " — — " — Украина — " —	? мыло, кожаный товар мука, другие продукты мясо, рыба ? булки, колбаса, сахар ? сахар сахар сахар

1	2	3	4
Июнь	Кинешма Костромской губ.	ЦПР	сахар
	Сормово, Канавино, Гордеевка.	ЦПР	сахар, мыло, другие товары
	Молитовка Нижегородской губ.		
Июль	Таганрог области Войска Донского	Сев. Кавказ и Дон	сахар
	Екатеринодар Кубанской обл.	— " —	?
	ст. Тихорецкая Кавказского отдела Кубанской обл.	— " —	сахар, ?
	Ставрополь	— " —	мануфактура, обувь, мыло
	Воткинский з-д Вятской губ.	Урал	сахар
Август	Симбирск	Ср. и Нижн. Поволжье	сахар
	Вольск Саратовской губ.	— " —	сахар
	Сухум Кутаисской губ.	Закавказье	бакалейные товары
	Тифлис	— " —	мыло, яйца, картофель, мануфактура
	с. Михайловское Тифлисской губ.	— " —	мануфактура
Сентябрь	пос. Юзовка Екатеринославской губ.	Украина	овощи
	пос. Горловка Екатеринославской губ.	— " —	мука, сало
	посад Шостка Черниговской губ.	— " —	мука
Октябрь	Базум Батумской обл.	Закавказье	фрукты, овощи, куры, обувь
	Почолск Московской губ.	ЦПР	хлеб, подсолнечное масло
Ноябрь	Кунгур Пермской губ.	Урал	сахар
	Петроград	Северо-Запад	хлеб, товары мелочных лавок
	Кимры Тверской губ.	ЦПР	сахар
Декабрь	Тверь	ЦПР	сахар
	Магдополь Екатеринославской губ.	Украина	сахар, «другие продукты»
			сахар

Ноябрь	Киев	— " —	?
	Шайтанский и Билимбаевский заводы Пермской губ.	Урал	?
	Миасский 3-д Оренбургской губ. Самара	— " — Ср. и Нижн. Поволжье	сахар мясо
	Семипалатинск	Ср. Азия и Казахстан	мануфактура, ситец
1917 г.			
Январь	Петроград	Северо-запад	хлеб
Февраль	Петроград	— " —	хлеб, табак, «товары мелочных магазинов» (товары магазинов платья)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеев Н. 9
Адрианов 57
Александр II 163
Александров Ф.Л. 106, 112, 131
Алешкин (Альошкін) О.Т. 32, 186, 190
Антонова С.И. 152
Анфимов А.М. 24, 33
Арский Р. 10, 103, 106, 109, 131
- Бабушкин И.В. 171
Бадаев А.Е. 45
Балабанов М.С. 10, 131
Бардагова Л.В. 93
Беленький С. 9, 132
Блинов Н.В. 32
Бовыкин В.И. 156
Богданович Е.В. 168
Бородкин Л.И. 156, 157
Б.Т. 132, 145, 202
Бухбиндер Н.А. 180
Быстрянский В. 110
- Винн (Wynn Ch.) Ч. 169, 180
Витте С.Ю. 169
Вознесенский С. 13, 30, 47, 105, 201
Воинова К. 9, 76, 105, 109-112
- Галактионов 120
Гапон Г.А. 158, 173
Гирс А.А. 10
Голов И.И. 103
- Горбунов И. 178
Горемыкин И.Л. 64
Гуль 180
Гучков А.И. 8
- Дан Ф.И. 179
Джунковский В.Ф. 8
Дианова М.К. 9
Довженко И.Т. 104
Додонов Б.Ф. 9
Дурново П.Н. 169
- Емельян 162
- Зайцев Ф. 104
Зиновьев Е.С. 118, 119
Зольников Д.М. 32, 43, 104
- Иванов В.Г. 46
Иванов Л.М. 154, 178
Иванова Н.А. 9, 30
Иозефович С. 30
- Канель В. 178
Кантор Р.М. 31
Касаров Г.Г. 9, 19, 31, 79, 104, 106, 112, 186, 190
Касимов А.С. 31, 186
Каюров Р.Н. 10
Керенский А.Ф. 97, 113
Кизченко В.И. 180
Кирьянов Ю.И. 9, 30-33, 102, 104, 108, 109, 111, 112, 152-156, 158, 180, 186, 190, 203, 207
Клейнборт Л. 180
Корженевский 24

- Королева М.Л. 180
Кошик А.К. 104
Крылова В.И. 31, 32, 185,
189
Кукушкин С.М. 109, 111
Куприянова Н.И. 103
- Лаверычев В.Я. 108, 131
Левицкий В. 178
Левус 178
Лейберов И.П. 28, 31, 32,
69, 103, 105, 108, 110
Лекомцев М.Г. 28, 31, 104
Ленин В.И. 11, 30, 38, 112,
154, 167, 169, 178-180
Ломтатидзе В.Б. 66, 87,
120, 131
- Максимова Л.В. 43, 104
Маликов Ф. 107
Манвелов А. 9, 132
Маркс К. 38
Махов Н.И. 179
Милюков П.Н. 8, 99
Минц И.И. 103, 104, 182,
195, 201
Миронов К. 179
Муранов М.К. 45, 94
Мусихин В.Е. 31, 186, 190
Мухин А.А. 33, 110
Мюллер Ю. 56
- Нагловский А.Д. 180
Нарский И.В. 179
Невский В.И. 178, 180
Николай II 159, 169, 179
- Озеров И.Х. 178, 179
Панкратова А.М. 152
- Панченко В.С. 102
Персиц М.М. 163, 179
Плеханов Г.В. 65, 178
Плотников Е.Е. 32
Погожев А.В. 178
Попов Ф.Г. 107
Пушкарев Л.Н. 177
Пушкарева И.М. 152
- Родзянко М.В. 84
Розенштейн 120
Ромас А.А. 110
Рычкова Г.П. 104
- Савицкий Э.М. 24, 32, 33,
111, 187, 190
Самойлов Ф.Н. 94
Свечников 147
Святополк-Мирский П.Д.
176
Сенчакова Л.Т. 178
Симковский 58
Скрыпник Н. 178
Слюсарев 96
Смидович П.Г. 163, 169,
179, 180
Соболевский А. 57
Сорокин А.Ф. 53
Спивак В. 104
Степанов С.А. 178
Строев Н. 64
- Тахтарев К.М. 179
Тихомиров Л. 178
Туманов Н.Е. 68
- Уткин А.И. 9, 38, 72, 86,
87, 103, 104, 106, 110,
111, 113, 203

Фадеев В.П. 103
Флеер М.Г. 9, 15, 30, 47,
102, 145
Фрейдлин В. 102

Хабалов С.С. 99
Хаймсон Л. 178
Хаустов В.И. 108

Церцвадзе М.В. 32, 73, 93,
102, 105, 111, 113, 145,
146, 187, 191

Ч-ский 179
Чхартишвили С.Д. 105
Чхеидзе Н.С. 108
Чхенкели Н.С. 120

Шагов Н.Р. 94
Шалагинова Л.М. 106, 112,
131
Шаханов Н. 9

Шеррер Ю. 178
Шестаков С.В. 106, 111
Шигабудинов М.Ш. 32,
186, 190
Шишкин В.П. 53
Шишкин Ф.М. 53, 180
Шкаратан О.И. 28
Штюрмер Б.В. 8
Шуркин П. 104

Щербина И.Т. 32, 104,
107, 112, 186, 190

Экземплярский П.М. 9
Энгельс Ф. 11

Юдина Л.С. 31, 73, 93,
103, 111, 113, 186, 190
Яковлева К.Н. 13, 30, 194
Я.О. 180

Wynn Ch. См. Винн Ч

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Общая характеристика стачечного движения в России в годы войны	11
Глава 2. Стачки политического характера	34
Глава 3. Демонстрации рабочих	115
Глава 4. Массовые выступления рабочих на почве дороговизны и нехватки продовольствия ..	133
Заключение	148
<i>Приложение 1</i>	
И.М.Пушкарева. Историк по призванию: памяти Юрия Ильича Кирьянова	152
<i>Приложение 2</i>	
Ю.И.Кирьянов. Менталитет рабочих России на рубеже XIX-XX в.	158
<i>Приложение 3</i>	
Таблицы	181
Указатель имен	214

Корректоры:
Данилина Г.Я.,
Новоселова-Чурсина Л.С.

Компьютерная верстка
Сапрыкиной Л.Г.

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 02.08.05. Формат 60x84/16. Заказ № 2.0
Тираж 300 экз. 13,62 п.л. 8,79 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19